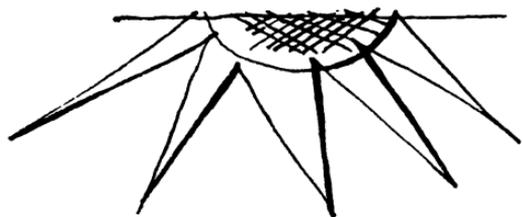

игорь
можейко

НЕ ТОЛЬКО
ПАМЯТЬ...

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ИГОРЬ
МОЖЕЙКО

НЕ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ...

Рассказ
об одной
поездке
в Бирму

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

Ответственный редактор
А. Н. УЗЯНОВ

Игорь Всеволодович Можейко
НЕ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ...
(Рассказ об одной поездке в Бирму)

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

Редактор *О. С. Ривкина*

Художник Л. М. Мечников

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректоры *М. Н. Гарбер* и *Л. И. Романова*

Сдано в набор 30/IX 1964 г. Подписано к печати 22/IV 1965 г. А03574.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,25. Усл. п. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,1.
Тираж 15000 экз. Изд. № 1233. Зак. 1937. БЗ № 4—1965 г.—№ 4. Цена 43 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Сейчас конец апреля. Весна. Вечер. Половина шестого вечера. Через час будет совсем темно. Жарко. И жара не спадет часов до десяти.

Я живу на окраине Рангуна, неподалеку от озера Инья. С озера напоздаст ленивый ветерок. Он настолько легок, что еле перебирает бахрому пальмовых листьев. Прок от него только комарам, которые пользуются им, чтобы подобраться к своим жертвам — людям.

Рангунская весна — самое жаркое время года. Уже пять месяцев не было ни одного дождя. Даже вороны держатся поближе к воде и порой бултыхаются на мелководье. Они стали раздражительны и сварливы, устраивают ничемные драки за обертку от жевательной резинки, а потом громко считают в тени потерянные перья.

Но все-таки весна. По утрам, напоминая о близком муссоне, небо застилают кисейные облака. На деревьях распускаются белые, желтые, оранжевые, сиреневые, фиолетовые цветы. Ребятишки, мне это хорошо видно со второго этажа, подобрав клетчатые юбки — лоунджи, обливают друг друга водой из велосипедных насосов: сегодня последний день фестиваля воды — бирманского Нового года. В школах и университете начались каникулы, и бойскауты разбили на берегу озера палаточный городок. По утрам они проходят чинной цепочкой — совершать добрые дела.

Напротив — кафе. Нет, кафе — слишком громкое слово для этого заведения. В нем продают рис, бананы и мыло, там можно выпить чаю с молоком из мягкого алюминие-

вого чайника. В заведении сидят двое полицейских, монах, гурка в черном военном берете и рикша. Все пьют чай (кроме монаха — ему нельзя принимать пищу после полудня) и читают газеты. Сейчас много пишут о новых законах Революционного совета о защите крестьян от произвола ростовщиков и помещиков. Бирма — страна сельскохозяйственная, и восемьдесят процентов ее двадцатимиллионного населения — крестьяне. Почти у каждого рангунца есть родственники в деревне. Вернее всего, они есть и у посетителей кафе.

Удивительно, что я мог раньше думать о Бирме как о месте сказочном, экзотическом, где все должно быть точно в цветном приключенческом фильме о тропиках или в романах Луи Жаколио. Когда я ехал сюда впервые, то, признаюсь, ожидал увидеть слонов на улицах Рангуна, обезьян в городском парке и попугаев на каждом кусте. Энциклопедия, которая добросовестно описала бирманскую фауну и не упомянула о том, что в ее столице слоны и обезьяны живут только в зоопарке, невольно ввела меня в заблуждение. Правда, так случилось потому, что я был готов заблуждаться, хотел этого.

Но, хотя мои экзотические надежды не оправдались, я не разочарован. Бирма — чудесная страна и без слонов на городских улицах. Видел я потом и слонов, и крокодилов, и попугаев, но они пришли в свое время и не заняли слишком большого места в образе Бирмы, который у меня сложился к тому времени.

Но и писать теперь о Бирме значительно труднее. Я кое-что знаю о ней и, главное, знаю, как много еще мне неизвестно, непонятно.

Я не пытаюсь рассказать о Бирме все — из этого ничего не получится. Расскажу о небольшой поездке на север, которую мы, то есть Лев Сорокин и я, предприняли год назад. Мы побывали в местах, где работали, работают или будут работать советские специалисты — строители, агрономы, почвоведы, врачи, преподаватели. Нам хотелось узнать, каковы результаты их работы, какую пользу она приносит Бирме, какая память о советских людях останется в стране. И только ли память...

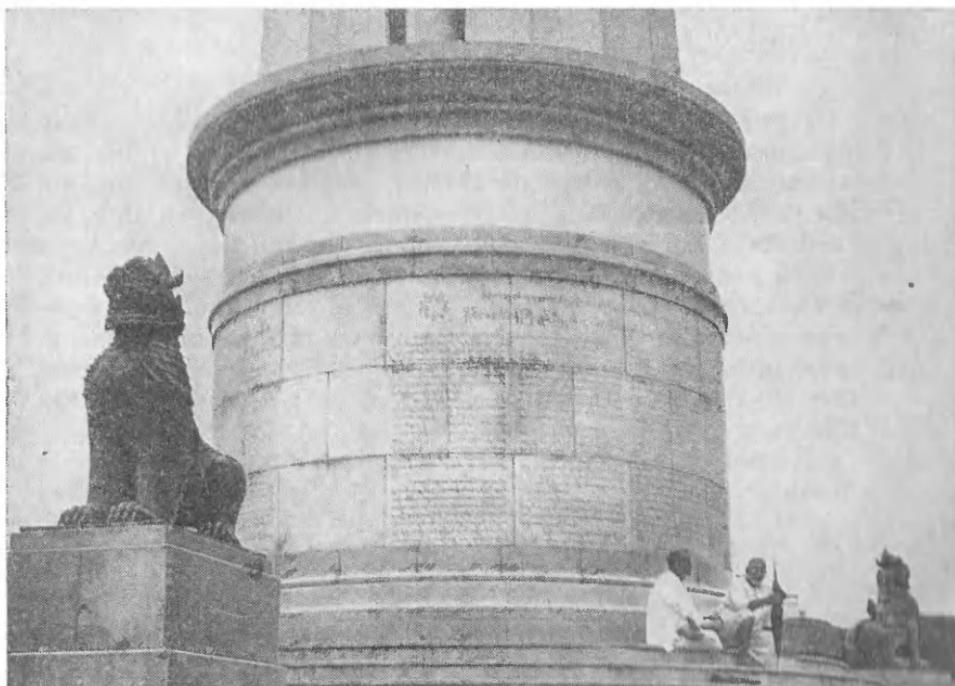
А коль скоро мы ехали по Бирме, то и рассказ в книге пойдет о ней самой и о бирманцах.

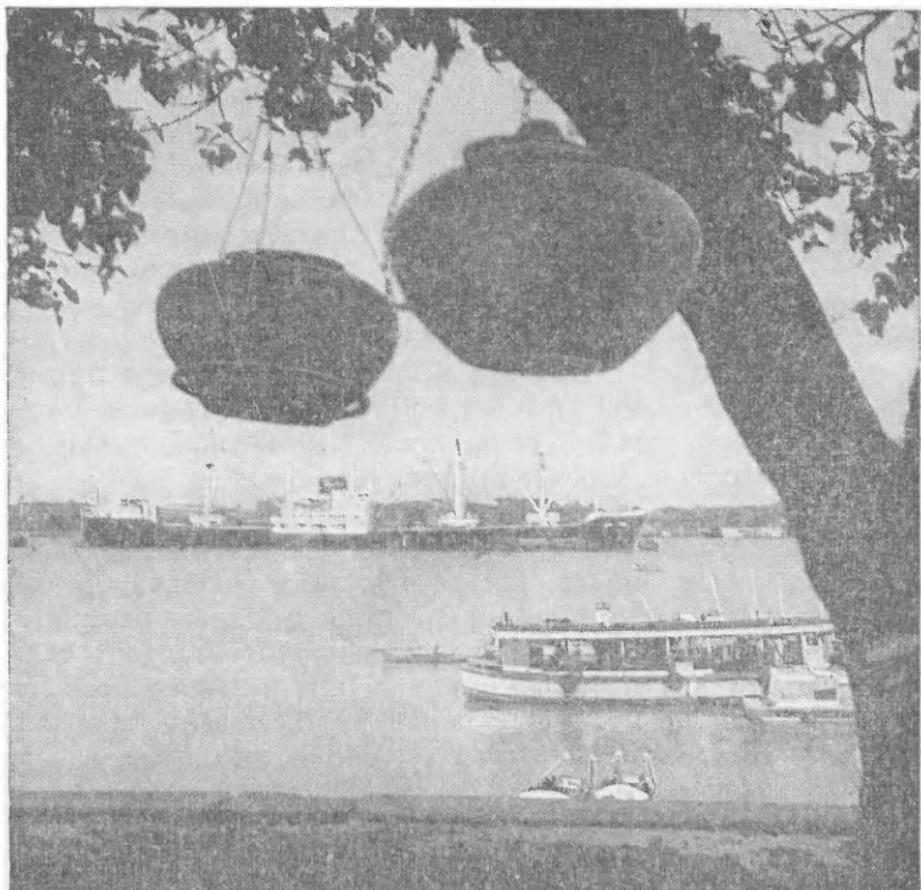
Между Китаем и Индией, вернее, южнее Китая и восточнее Индии, находится большая страна — Бирманский Союз. Союз — потому что состоит из собственно Бирмы, национальных государств Шанского, Качинского, Каренского, Кая и Особого Чинского округа. На флаге Бирмы — большая пятиконечная звезда, между лучами которой — звезды поменьше. Большая звезда символизирует Бирму, малые — входящие в союз государства. Многие народы и племена, населяющие страну, пришли из Китая, как и сами бирманцы — смуглый, большеглазый народ тибетского происхождения. В течение всей долгой истории Бирма испытывала влияние цивилизаций своих великих соседей; в своеобразной и самобытной бирманской культуре ясно видны следы этого влияния.

Кроме бирманцев и родственных им народов в Бирме живет много индийцев и китайцев.

Около ста лет назад, после трех войн с Великобританией, рухнуло бирманское королевство и Бирма на много лет перестала существовать как независимое государство. Она превратилась в английскую колонию и была включена в состав Индии как одна из провинций. Бирма вернула себе самостоятельность только в 1948 году.

Монумент Независимости в центре Рангуна
стерегут сказочные львы — чинте

В Рангунский порт приходят
корабли со всего мира

Как я уже говорил, Бирма — сельскохозяйственная страна. Англичане были заинтересованы в том, чтобы она поставляла рис, а все остальное ввозила из метрополии. Им удалось сделать Бирму крупнейшей житницей Британской империи, и это сказывается в бирманской экономике по сей день. Развита страна однобоко, непропорционально. Все шестнадцать лет независимости бирманские правительства стараются исправить это нелепое положение — развивают промышленность, внедряют новые сельскохозяйственные культуры. Но переделать экономику — это не так просто.

Кроме риса в Бирме есть и другие богатства: тиковое дерево, могучие стволы которого слоны подтаскивают из

джунглей к ее желтым рекам, каучук, нефть, драгоценные камни, цветные металлы, но главное и по сей день — рис, рис и еще раз рис.

Бирма — нейтральная страна, она живет в мире с соседями, не входит ни в какие военные блоки или союзы.

Беды колониализма, феодальные и националистические сепаратистские тенденции в окраинных государствах, а также шрамы военных лет, последствия японской оккупации, междоусобная борьба различных партий и группировок — все это привело к тому, что Бирме не удалось добиться за шестнадцать лет тех успехов, на которые надеялись ее вожди периода борьбы за независимость. А в последние годы, когда крупнейшая правящая организация — Антифашистская лига — раскололась, положение в стране стало весьма серьезным. Тогда, в марте 1962 года, к власти пришло правительство, возглавляемое генералом Не Винном, одним из представителей «старой гвардии», руководившей борьбой против японцев и англичан. Это не значит — убеленный сединами ветеран: в сороковых годах вождям бирманского национально-освободительного движения было от силы по двадцать пять-тридцать лет.

Новое правительство Бирмы объявило, что единственно верным путем для страны оно считает путь социалистического развития. 1963 год начался в этом отношении весьма знаменательно. В первый день января была национализирована нефтяная компания — крупнейшее предприятие, остававшееся фактически под английским контролем. Затем последовала национализация банков. Постепенно в руки государства переходят и другие частные предприятия, отрасли промышленности и торговли. Были проведены серьезные мероприятия по облегчению положения крестьян — подавляющего большинства населения страны, угнетаемого ростовщиками и помещиками. За последний год в стране в десять раз увеличилось количество тракторов, создано несколько кооперативов.

Наша поездка началась в дни больших перемен в Бирме.

Путешествие наше началось еще за несколько дней до выезда из Рангуна — путешествие во времени, а не в пространстве.

Позвонили из Технологического института и сказали, что на днях в университете состоится ежегодная конференция Бирманской научной ассоциации. На конференции должны сделать доклады два преподавателя из Технологического.

Технологический институт — дар советского народа, оба преподавателя впервые выступали в ассоциации. Сергей Кругликов недавно приехал из СССР, чтобы заниматься с бирманскими студентами; бирманец У Хла Мьинт тоже не так давно вернулся из Москвы. Он у нас кончил институт, защитил диссертацию и стал, таким образом, первым бирманцем — советским кандидатом наук.

Я не был в Технологическом институте давно, несколько лет, но хорошо помнил те дни, когда только начиналось его строительство.

Если лет пять назад вы проехали бы несколько миль по дороге к Инсейну, пригороду Рангуна, то оказались бы перед большим пустырем. Пустырь тянулся на несколько сот метров вдоль шоссе и низкими холмами уходил от дороги к кирпичным заводам и наполненным рыжей водой карьерам, откуда много лет брали глину. По краям пустыря ютилось несколько хижин, но выглядели они на этой захлавленной и покореженной земле неуютно. По другую сторону шоссе шли опытные участки сельскохозяйственной

фермы, а за ними виднелась плоская равнина, предель которой пропадали в дымке. По равнине плыли пароходы и парусники: река Рангун, как Москва-река между Брошницами и Коломной, течет здесь почти вровень с берегами.

Строители пришли сюда в 1957 году. Сначала геодезисты. Когда я приехал в Рангун летом того года, пустырь уже украшала хижина из тростниковых матов — штаб начинающейся стройки. Здесь на единственном большом столе лежали планы, в углу уэллсовскими марсианами стояли теодолиты, и полосатые рейки упирались в плетеный потолок. Каждое утро через площадку проходили буйволы купаться в карьерах. За ними шел худой индеец. Он распевал песни и порой отставал от своего стада — буйволы и без него отлично знали дорогу. Они не спеша обходили оставшиеся с войны окопы и переступали через иссиня-черных злых скорпионов.

Помню, пока не прибыло оборудование из Советского Союза, на площадке трудились один бульдозер и один экскаватор. Экскаватор срезал холм в углу площадки, бульдозер растаскивал землю по соседней ложбине. У геодезистов с каждым днем прибавлялось работы. Они врывались в хижину, промокшие до костей, — никакие зонтики не спасут от бирманского летнего муссонного ливня — и простуженными голосами спорили с Витей Молдавановым, первым прорабом Технологического. Стройка приобретала должный вид. Из Одессы пришли экскаваторы и МАЭы. У въезда на площадку бирманцы построили временную контору — длинный барак. Его разгородили пополам — бирманская и советская половины. Но на следующий день пришлось прорубить дверь в стене — строители не могли обходиться друг без друга.

В это же время на другом конце Рангуна, у озера Инья, рождалась еще одна строительная площадка — сооружали гостиницу. В горы, в Шанское государство, уехали первые строители возводить госпиталь в Таунджи. Это и были три объекта, которые Советский Союз обещал построить в дар Бирме. Мы готовили проекты и рабочие чертежи, присылали специалистов и инструкторов, строительные материалы, которых нет в Бирме, оборудование. Бирма предоставляла рабочую силу и такие строительные материалы, как песок, щебень, лес. Кстати, надо сказать об одной интересной черте соглашения о строительстве этих объектов. Узнав о решении Советского правительства по-

дарить Бирме институт, гостиницу и госпиталь, бирманцы объявили о своем желании сделать ответный подарок. И подарили нам рис — количество риса, равное по стоимости советскому подарку.

Сначала было нелегко. Почти все строители впервые оказались за границей да еще в Бирме, климат которой отличается завидным постоянством. Полгода и даже больше не выпадает ни капли дождя. К концу сухого периода, к маю, страна накаляется так, что днем можно зажариться живьем. В Рангуне спасают деревья, а севернее деревьев нет, и там жарятся. Потом приходит муссон. Сначала он накапливает силы, грозит с океана лиловыми башнями туч, затем решительно бросается в атаку, и начинается великий дождь. В течение следующих четырех месяцев забываешь, что существует солнце, — оно проглядывает изредка сквозь тучи мутным, блеклым пятном, потом снова темнеет, и в сумеречный воздух вваливаются новые потоки воды. Муссон, которого ждал как манны небесной, муссон, который, казалось бы, пришел спасти страну, оборачивается через несколько недель не меньшим бедствием, чем сушь. Ни шагу без зонтика. Воздух, сравнительно прохладный, настолько наполнен водой, что кажется, ты сидишь в остывающей бане и все время хочется открыть дверь и выйти наружу. Прибрежным равнинам начинают угрожать наводнения. Короткие ураганы обрывают провода и валят телеграфные столбы; падают огромные, в три обхвата, деревья.

Конечно, ко всему этому можно привыкнуть, и строители привыкали. Но нулевой цикл — фундамент, подземные коммуникации — надо было обязательно кончить до лета, если мы не хотели, чтобы котлованы превратились в озера и колодцы. А коль принять во внимание, что институт — это главный корпус, три лабораторных корпуса, подюжины общежитий, большая столовая, несколько домов для профессоров и преподавателей, общежитие аспирантов, то понятно, какая предстояла работа. Конечно, все относительно — в Советском Союзе таких строек тысячи. Но если подходить ко всему с одной меркой, то можно потерять чувство пропорции. Я помню, как в Гизе, у пирамиды Хеопса, один мой знакомый строитель сказал, приглядевшись к чуду света: «Если нашему тресту подкинуть техники со стороны, года за два бы управились».

Строительство в Бирме не было обыкновенным строи-

Будущие архитекторы и их советский учитель Сергей Ожегов

тельством. Здесь все учились — и бирманские рабочие, и советские специалисты. Первые учились строительному делу, перенимая опыт советских людей, вторые учились работе в тропиках и... дипломатии — ведь часто бирманцы находились в плену идей и навыков, привитых колониальными временами. Идеи отжившие, мешающие, но с ними не разделаешься одним махом. Надо было уметь доказать ненужность того, что хотелось попросту отменить. И еще — стоял вопрос о чести советских строителей, советской строительной школы. Мы были первыми советскими специалистами и обязаны были строить не хуже англичан — ведь наши специалисты не ниже разрядом, хотя получают меньше, не имеют отдельных вилл и регламентированного штата слуг. Объем и качество специальных знаний доказывались сравнительно просто. Квалификация и компетент-

ность советских специалистов были признаны скоро. Но больше всего нашим ребятам помогло их отношение к работе: если надо — остаться на вечер, чтобы еще раз объяснить бирманскому водителю не дающуюся ему операцию, если надо — просидеть воскресенье над поломанным бульдозером. С этим было связано и другое — отношение к бирманским коллегам. Наш строитель оказался совершенно новым для Бирмы типом иностранного специалиста. Таких здесь не видели. Нельзя забывать, что не прошло и десяти лет с тех пор, как Бирма стала независимой, и пережитки колониализма, вернее, последствия колониализма еще очень чувствовались. В их числе было крайне недоверчивое отношение к любому европейцу, к любому «белому», и это как-то касалось наших специалистов, хотя они приехали из социалистической страны. «Социализм социализмом,— чувствовалось в первое время,— а все-таки, каковы эти люди на деле?»

И вот доказательство того, что социализм — не пустой звук, что человек из социалистической страны в самом деле лишен национального или расового чванства, пришло очень быстро, быстрее даже, чем можно было предполагать. Если в этом одно из достоинств нашей страны, то можно смело сказать, что наши ребята достоинства не уронили. Конечно, такие вещи проявляются больше в чем-то неуловимом. Когда ты садишься в кабину экскаватора со своим напарником и учеником, он очень скоро разберется, как ты к нему в самом деле относишься — не на словах, а в душе.

Кстати, утверждению авторитета советских специалистов помог первый спутник. Помимо того что он укрепил веру в возможности нашей страны, в уровень ее техники и косвенно в знания ее строителей, он убедил немногих, все еще по инерции сомневавшихся бог уже знает в чем. Это были не рабочие, а некоторые инженеры. У Аун Со, умный парень, прораб, обычно предпочитал ограничиваться вежливым приветствием утром и только самыми необходимыми по работе словами. И вот через несколько дней после запуска спутника, в четыре часа, когда кончался рабочий день, он подъехал к конторе, оглушительно гремя своим мотоциклом.

— Вы не очень спешите? — спросил он.

— Нет.

— Тогда следуйте за мной.

Мы послушно забрались в наш общий газик и поехали за инженером к городу. Мотоцикл остановился недалеко от пагоды Шведагон, у ряда маленьких ресторанчиков и кафе, где любят просиживать вечера бирманцы из соседних домов. У Аун Со подвел нас к свежевыкрашенному ресторану покрупнее.

— Посмотрите, как он называется.

Мы подняли головы. Как мы сразу не заметили? На синей новенькой вывеске — спутник. Рядом надпись по-бирмански и по-английски — «спутник».

— Мне хотелось бы пригласить вас на чашку кофе в этот ресторан. Можно?

Мы вошли.

И вот я снова подъезжаю к институту после нескольких лет разлуки. Ему уже второй год; второй год, как он работает. Его здания, новые и прочные, потеряли глянец первых дней. Не то что он кажется обтрепанным или старым — нет, просто он уже жилой, у него есть лицо, какое имеет каждый дом или группа домов, когда они вживаются в город и становятся его неотделимой частью. Обширные газоны между главным корпусом и общежитиями покрыты ровной травой. Деревья, посаженные бирманскими садовниками и советскими строителями, уже выросли настолько, что закрывают кое-где окна второго этажа.

Был полдень, и было жарко. Редкие фигуры студентов проскальзывали в тени длинных галерей. Пустовали спортивные площадки, над круглым бассейном перед главным корпусом чуть шевелился воздух.

Но, пройдя колонны фасада, я оказался в царстве совсем другой тишины, нежели знойное молчание улицы. Объемный гул аудиторий, шелест страниц в библиотеке, далекий хлопок двери — это была тишина, наполненная звуками, знакомыми по московским институтам. Тихий и гулкий институт трудился. Я помнил эти коридоры и залы, еще не покрашенные, еще в лесах. Я помнил институт еще младенцем, когда о нем заботились, его растили и нянчили, ночи просиживали, думая, как бы вырастить его красивым и, если можно так сказать о здании, умным.

И вот он вырос, получил путевку в жизнь и сам взял на себя заботу о людях, оплачивая им за все, что они

сделали. И я вспомнил, как прораб Гаценко, такой высокий, что некоторые бирманские рабочие доставали ему только до пояса, решил поторопить время. Его контора (он строил главный корпус, имевший форму буквы «П») стояла посреди двора. Это была хижина еще меньше той, где когда-то работали геодезисты. К 1959 году стены корпуса выросли на все три этажа, и надо было задирать голову, чтобы увидеть, как идут работы наверху. Гаценко большую часть времени проводил на лесах, переходя с этажа на этаж, спускаясь вниз к бетономешалке или поднимаясь наверх, где рабочие закрывали щитами опалубки черные пучки арматуры. Как-то прораб остался в хижине после работы, предварительно выпросив у архитектора чертеж фасада главного корпуса и несколько листов ватмана. Вернулся домой Гаценко совсем поздно, когда мы уже начали волноваться, не случилось ли с ним чего. Он сказал только: «Завтра узнаете».

Утром, приехав на участок Гаценко, я увидел у хижины густую толпу рабочих и перед ними — корпус института, нарисованный на нескольких склеенных листах. Корпус освещен солнцем, и к нему идут студенты с книгами в руках. Пусть это было выполнено не очень профессионально, но впечатляюще.

— Понимаешь, — сказал потом Гаценко, — вот они строят, а порой не совсем представляют, что же получится. Даже мне не всегда легко представить, каким он у нас будет, когда построим. Вот я и нарисовал, чтобы работать было интереснее. Ведь неплохо должно получиться.

И получилось неплохо. Двор, где стояла гаценковская хижина, разбит дорожками на зеленые треугольники газонов, и хотя заполнен солнцем, но даже в полдень вокруг есть надежная тень: по всем этажам идут внутренние галереи.

У доски с расписанием занятий, объявлением о том, что в пятницу в Актовом зале кинофильм, и списком едущих на открытие нового моста через Ситтан я встретил студента. Он рассказал мне, как добраться до физико-химической лаборатории, где должны были быть Кругликов и У Хла Мьинт.

В лаборатории я нашел невысокого улыбчивого бирманца, который и оказался У Хла Мьинтом.

— Я сейчас позвоню Кругликову, — сказал он и поднял трубку. — Можно попросить Сергея? Сергей? Тут

приехал товарищ и хочет поговорить о сегодняшней конференции. Придешь? Через пять минут? Ну, ждем.

Что-то было неладно в разговоре с Кругликовым, что-то в речи У Хла Мьинта не то. И тут я понял — он говорил по-русски, на обыкновенном русском языке. А я, позабыв как-то, что он кончил Менделеевский, ожидал услышать английскую речь, и русская показалась мне странной.

— Вы хорошо говорите по-русски.

— Я кандидатскую защищал на русском языке.

— О чем ваша диссертация?

— Вряд ли вам что-нибудь скажет тема — промышленные фильтры. Это моя узкая специальность, по ней же я буду делать доклад сегодня. Очень важный вопрос для Бирмы — мы развиваем промышленность, а фильтры у нас старые, непрактичные. Мне еще в Москве удалось кое-что сделать...

У Хла Мьинт достал из ящика несколько чертежей и начал доступно, то есть по его мнению доступно, объяснять тему своего доклада. Каждую минуту он прерывал рассказ вопросом — понятно?

— Понятно, — отвечал я безнадежно.

— У Хла Мьинт, дорогой, ты, кажется, собираешься провести генеральную репетицию доклада, — сказал высокий мужчина, незаметно для нас появившись в дверях. — Я стою уже минуты три, ты не произнес ни единого общепонятного слова.

У Хла Мьинт смутился и замолчал.

— Нет, мне очень интересно.

Я лицемерил только отчасти. Мне и в самом деле было интересно, хоть я почти ничего не понял. Сидел передо мной молодой парень, с воодушевлением рассказывал о том новом, что он внес и собирается внести в бирманскую промышленность, и был этот парень очень красив в своей увлеченности. И еще. Слушал-то я человека, который совсем недавно защищал кандидатскую в Москве, то есть человека, самое существование которого было бы невысказано лет двадцать назад.

— А что вы можете рассказать? — обратился я к Кругликову.

— О докладе?

— И о том, почему вы решили выступить на конференции, и о вашей работе здесь — словом, о том, что вы сами считаете наиболее интересным.

Кругликов и У Хла Мьинт каждый день встречаются в лаборатории

— Ну хорошо, начнем сначала. Закончив строительство института, наше правительство помогло в оборудовании его лабораторий и мастерских, прислало преподавателей. Нас тут несколько человек из различных институтов разных городов. Мы учим студентов и одновременно передаем свой опыт бирманским коллегам. У каждого из нас есть и другие занятия. Если ты ученый, то не будешь терять времени. Оборудование есть, вот и продолжаем научную работу. И нам интересно и полезно, и нашим бирманским коллегам интересно и полезно. Ведь есть множество проблем, которые в условиях Бирмы еще не решены или здесь, в тропиках, имеют совсем иное значение, чем у нас. И решить их в новых условиях... Лучше я расскажу, над чем работаю и о чем буду сегодня читать, тогда станет понятнее.

Возьмем коррозию, коррозию металлов, ржавчину. У нас, да и во всем мире она страшный враг машин, металлических конструкций, всего сделанного из металла. А в условиях Бирмы эта проблема актуальна вдвойне. При здешней температуре и влажности металлы часто живут вдвое, втрое меньше, чем в умеренном поясе. Моя узкая специальность дома—борьба с коррозией при помощи гальванопокрытий. И вот здесь,—Кругликов обвел рукой лабораторию,—учусь сам, изучаю врага, пытаюсь бороться с ним. Мы дома, в Советском Союзе, добились неплохих результатов, а вот в Бирме гальванопокрытия практически неизвестны. И вот почему. В США и Европе гальванопокрытия употребляют для защиты металлов от коррозии довольно широко, но патенты на эти методы закуплены несколькими крупными фирмами, которым нет никакого смысла расставаться с производственными секретами. Бирме остается выбор между Сциллой и Харибдой—или плати большие деньги за готовый состав, или борись с коррозией, как хочешь, дедовскими методами.

Кругликов достал из ящика картон с наклеенными металлическими пластинками. Некоторые проржавели до черноты, другие пошли рыжими пятнами. Но пара пластинок сверкала точно маленькие зеркальца.

— Видите преимущества нашего метода. Ведь здесь даже хромированные пластинки ржавеют довольно быстро, не говоря уже о незащищенных или покрашенных. А вот гальванопокрытия,—он показал на зеркальца,—держатся.

Разве не убедительно? Об этом я и буду сегодня говорить.

Кругликов помолчал немного, а потом добавил:

--- И все-таки в принципе интереснее выступление У Хла Мьинта. Вот она, молодая бирманская наука.

— Не согласен, — сказал У Хла Мьинт. — У вас и знаний больше, и результаты довольно внушительны. А я только начинаю. Если удастся внедрить на бирманских заводах мои фильтры — тогда считайте, что я не зря поработал...

Вечером я приехал в университет, где проходила конференция. Шел доклад Кругликова. В первых рядах сидел солидный народ — деканы факультетов, профессора, преподаватели. Дальше — ни одного свободного места — студенты. Скуластые, крепкие ребята и хрупкие, вот-вот переломятся, девушки с белыми цветами в волосах, с аккуратными тетрадками на коленях. Бирманцы в длинных лоунджи, сикхи в безупречно уложенных чалмах, большеглазые шаны, карены...

Кругликов вышел к доске (ну и жарко же ему в костюме и галстук), взял палочку мела и начал говорить:

— Ladies and gentlemen! The theme of my report... (Дамы и господа! Тема моего доклада...)

В аудитории наступила тишина. Доклад читал советский ученый.

Зимнее утро было почти прохладным. На безлюдном шоссе спали собаки — асфальт дольше сохраняет дневное тепло. Легкий, сухой туман прикрывал кисеей громадный конус Шведагона, самой большой пагоды в Бирме и во всем мире. Шведагон так издали виден, так величествен и красив, что Бирму давно уже называют Страной золотых пагод. И по сей день туристы, приезжающие сюда в погоне за экзотикой, выносят это имя в заголовки путевых записок. Название не совсем соответствует действительности. Золотых пагод в Бирме, в стране, где пагод невероятное множество, — единицы. Может, в Рангуне дюжины да по одной, по две в нескольких других больших городах. Обычно пагоды белые.

У нас бытует представление о пагоде, пришедшее из Китая, о пагоде, внутри которой находятся священные статуи и происходят моления. В Бирме пагода подобна египетской пирамиде — войти в нее нельзя, она не имеет внутреннего помещения, это конус из кирпичей. Внутри замурована шкатулка с драгоценностями или реликвиями; например, в пагоде Шведагон хранится, по преданию, несколько волос Будды. А венчает пагоду тхи (по-бирмански «зонт») — ажурный металлический конус, увешанный колокольчиками. В нем тоже иногда находятся драгоценности.

Шведагон — самая большая, самая известная пагода в Бирме. Ее высота — сто с лишним метров, а так как она стоит на холме, на самой высокой точке Рангуна, то кажет-

Разве не убедительно? Об этом я и буду сегодня говорить.

Кругликов помолчал немного, а потом добавил:

--- И все-таки в принципе интереснее выступление У Хла Мьинта. Вот она, молодая бирманская наука.

— Не согласен, — сказал У Хла Мьинт. — У вас и знаний больше, и результаты довольно внушительны. А я только начинаю. Если удастся внедрить на бирманских заводах мои фильтры — тогда считайте, что я не зря поработал...

Вечером я приехал в университет, где проходила конференция. Шел доклад Кругликова. В первых рядах сидел солидный народ — деканы факультетов, профессора, преподаватели. Дальше — ни одного свободного места — студенты. Скуластые, крепкие ребята и хрупкие, вот-вот переломятся, девушки с белыми цветами в волосах, с аккуратными тетрадиками на коленях. Бирманцы в длинных лоунджи, сикхи в безупречно уложенных чалмах, большеглазые шаны, карены...

Кругликов вышел к доске (ну и жарко же ему в костюме и галстук), взял палочку мела и начал говорить:

— Ladies and gentlemen! The theme of my report... (Дамы и господа! Тема моего доклада...)

В аудитории наступила тишина. Доклад читал советский ученый.

Зимнее утро было почти прохладным. На безлюдном шоссе спали собаки — асфальт дольше сохраняет дневное тепло. Легкий, сухой туман прикрывал кисеей громадный конус Шведагона, самой большой пагоды в Бирме и во всем мире. Шведагон так издалека виден, так величествен и красив, что Бирму давно уже называют Страной золотых пагод. И по сей день туристы, приезжающие сюда в погоне за экзотикой, выносят это имя в заголовки путевых записок. Название не совсем соответствует действительности. Золотых пагод в Бирме, в стране, где пагод невероятное множество, — единицы. Может, в Рангуне полдюжины да по одной, по две в нескольких других больших городах. Обычно пагоды белые.

У нас бытует представление о пагоде, пришедшее из Китая, о пагоде, внутри которой находятся священные статуи и происходят моления. В Бирме пагода подобна египетской пирамиде — войти в нее нельзя, она не имеет внутреннего помещения, это конус из кирпичей. Внутри замурована шкатулка с драгоценностями или реликвиями; например, в пагоде Шведагон хранится, по преданию, несколько волос Будды. А венчает пагоду тхи (по-бирмански «зонт») — ажурный металлический конус, увешанный колокольчиками. В нем тоже иногда находятся драгоценности.

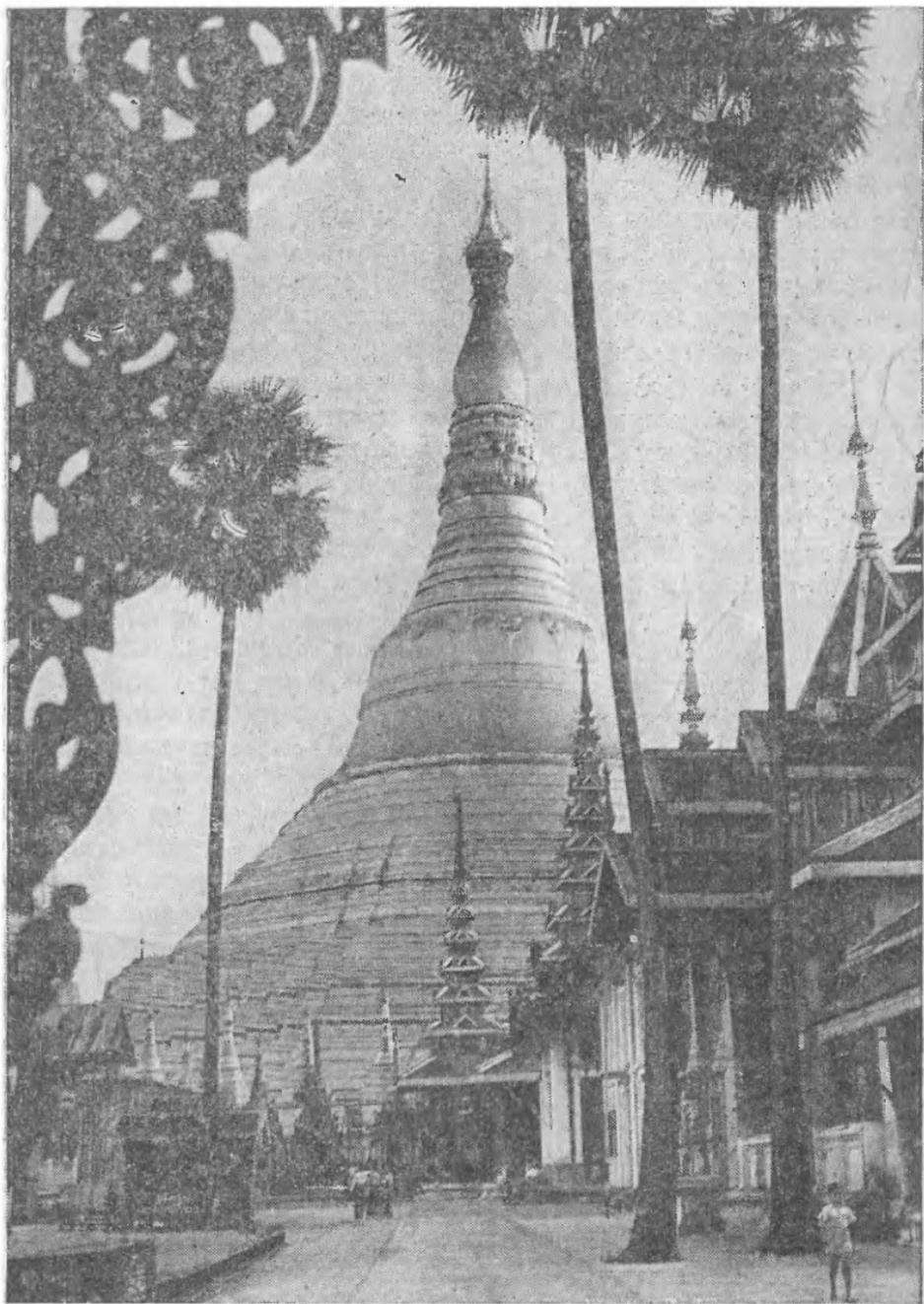
Шведагон — самая большая, самая известная пагода в Бирме. Ее высота — сто с лишним метров, а так как она стоит на холме, на самой высокой точке Рангуна, то кажет-

ся еще больше. Пагода окружена широкой платформой, на которой толпятся десятки пагод и пагодок, навесы для отдыха паломников, статуи чинте — мифических львов. На этой платформе молятся, здесь проходят религиозные церемонии, а иногда и демонстрации.

На платформу Шведагона ведут четыре входа — четыре длинные лестницы. По обеим сторонам их — десятки лавок и лавочек. Тут продают цветы, статуэтки, четки, книги, игрушки и снова цветы. Цветы в Бирме можно видеть не только на клумбах, в горшках и вазах: девушки вплетают их в волосы, шоферы вешают маленькие гирлянды на ветровое стекло, в пагоды цветы несут как самое ценное подношение божеству. И бирманская природа щедро покровительствует людям. Ну где еще деревья цветут так ярко, так густо, что не видно листьев, а лепестки, осыпаясь, превращают улицы в разноцветные ковры?

Никто не может сказать, сколько лет Шведагону. Старые бирманские хроники уверяют, что больше двух тысяч, что здесь побывал сам Будда. Никто не может сказать наверняка, сколько лет пагоде, но не исключена возможность, что она и в самом деле очень стара и видела те дни, когда и Бирмы как страны еще не было. Наверное, был Шведагон маленькой пагодкой или храмом какой-нибудь другой, не буддийской религии. В те времена великая река Иравади еще не нанесла столько ила в дельту и Рангун не стоял, как теперь, в полусотне километров от океана. Так что две тысячи лет назад холм, на котором стоит Шведагон, был куда ближе к океану, к тем дорогам, по которым испокон веку плыли на Восток, к Индонезии, индийские купцы. В те времена буддизм еще был жив в Индии и успешно боролся с другими религиями. И возможно, тогда, на рубеже нашей эры, на месте Рангуна стояло индийское торговое поселение, и была в нем пагода на холме.

С севера, с гор, по долинам больших рек в Бирму шли из Китая тибетские племена. Народы сменяли один другой, создавались и рушились государства, пока тысячу лет назад король Анората из Пагана не создал первое бирманское государство, не создал ту Бирму, которую мы знаем сейчас. Во времена Паганского государства буддизм стал в Бирме государственной религией и пагоду надстроили, потом, когда Паганское государство было разрушено монгольским завоеванием и в Нижней Бирме организова-

Бирму называют Страной золотых пагод. Наверное, из-за Шведагона, золотой конус которого виден с любого места Рангуна

лось монское царство, пагоду надстроили снова. И так, понемногу, она доросла до сегодняшних размеров.

Но город вокруг нее так и не вырос. Была прибрежная деревушка Дагон, рыбацкое поселение. Неподалеку пытались обосноваться португальские конкистадоры и голландские купцы, но держались недолго. Двести лет назад Бирма была объединена, и король Алаунпая, дошедший со своими армиями до Шведагона, а значит, и до океана, велел переименовать деревню в Янгон. Это значит — конец войне (англичане исказили это название, и на географических картах появилось ничего не значащее слово «Рангун»).

Быстро начал расти город Янгон. Был мир, и Бирма была единым государством. Но через семьдесят лет сюда пришли англичане. Бирманские отряды укрепились на склонах шведагонского холма. После нескольких дней боев их оборона была сломлена. Разворотив снарядами завалы и баррикады, солдаты в красных мундирах ворвались на платформу. Они были опьянены боем, победой, и святость места для них ничего не значила.

В Шведагоне было устроено кладбище — здесь похоронили английских солдат, погибших в бою и умерших от холеры. Шведагон был покорен. Но он не сдался, как не сдался бирманский народ, символом силы и мастерства которого был и остался Шведагон.

Завоеванную Бирму грабили быстро и на разных уровнях. Солдаты брали одно, офицеры — другое, генералы — третье. Солдат не интересовали статуэтки и резные шкатулки. Однако при грабеже в государственном масштабе, при грабеже, в котором принимали участие такие, казалось бы, благородные организации, как Британский музей, предметы бирманского искусства оказались не меньшими сокровищами, чем драгоценные камни. И вот в ходе грабежа чей-то образованный взгляд упал на мингунский колокол (колокол Маха Ганда).

Колокола в Бирме есть во всех пагодах. В отличие от наших колоколов они не имеют языка. По колоколу ударяют деревянной колотушкой, и тогда он гудит низко, сдержанно, но внушительно. Самые большие колокола уступают по размеру только Царь-колоколу в Москве, то есть среди действующих колоколов они самые большие в мире. Например, колокол Маха Ганда — почти трехметровой высоты и весом около двадцати тонн, а колокол Тисада — еще больше и весит сорок две тонны. Маха Ганда

англичане решили увезти в Англию. Пригнали саперов, соорудили платформу и приволокли его на реку к специально оборудованному пароходу. На улицах Рангуна стояли шпалерами бирманцы. И молчали. Совершался грабеж самого оскорбительного свойства, грабили не какого-то человека, а весь народ.

Колокол погрузили на пароход, пароход отвалил от берега, доплыл до середины реки и резко накренился. Колокол, разорвав канаты, соскользнул в воду, поднялся столб брызг — и все кончилось.

Прошло несколько дней. День и ночь работали саперы, подводя под колокол тали, стараясь вытянуть его буксирами, но Маха Ганда упрявился. После каждой неудачной попытки он только глубже уходил в ил. И наступил день, когда губернатор приказал прекратить борьбу с рекой. Великобритания осталась без колокола-гиганта, но не было его и у бирманцев, у Шведагона. А когда англичане полностью отказались от надежды победить реку, к губернатору пришла делегация рангунцев. Делегация просила ни много, ни мало, как разрешения поднять колокол и поставить его на место, в Шведагон. Бирманцы собирались поднять колокол своими силами, с одним, правда, условием — чтобы англичане больше его не трогали. Просьба покоренных показалась губернатору настолько абсурдной, что он, скрывая улыбку, дал согласие. Он, думалось ему, ничем не рисковал: то, что не удалось королевским саперам, не могло получиться у местных жителей. Губернатор не учел, что именно эти местные жители отливали такие колокола, каких не было в Англии, и поднимали их на Шведагонский холм.

В общем долго ли, коротко ли, но бирманцы подняли колокол со дна реки и поставили на свое место. Губернатору пришлось пережить это унижение, как и много подобных впоследствии. А колокол стоит и сейчас. Если вы будете в Шведагоне, то увидите его под навесом, величественный, изукрашенный бронзовыми фигурами. Можете взять лежащий рядом брус и три раза ударить по темному боку колокола. Говорят, что тогда исполнятся желания.

Много еще видел Шведагон. В 1936 году, когда забастовали студенты университета — это была забастовка, в которой получили боевое крещение будущие вожди национально-освободительного движения, — на склонах Шведагонского холма они проводили митинги, произносили го-

рячие речи. И сюда со всего Рангуна приходили люди с едой для забастовщиков.

А за несколько лет до того рядом со Шведагоном умер старый монах по имени У Визара. Его смерть привлекла больше внимания, чем смерть любого другого человека в Бирме. За последними днями монаха следил весь мир. Сто шестьдесят дней У Визара не принимал пищи, требуя свободы для своей страны, и умер от голода. Рядом со Шведагоном стоит памятник ему, и приезжающие делегации возлагают к его подножию венки из красных роз.

Потом, в 1942 году, японские самолеты совершили первый налет на Рангун. Был светлый, солнечный день, и многие рангунцы вышли на улицы посмотреть на воздушный бой японских и английских истребителей. Бой вскоре кончился, и японские бомбардировщики начали безнаказанно посыпать бомбами людные улицы. С холма Шведагона был виден дым, поднявшийся столбом над городом. Английские врачи и сестры к тому времени уже убежали из обреченного Рангуна, и только добровольцы из бирманских дружин до ночи перевязывали раненых.

А еще через два года под Шведагонским холмом, там, где теперь стоят молодые деревья Парка Сопротивления, собрались на последнее совещание бирманские офицеры и представители партизан. В ту ночь решено было начать всеобщее восстание против японских оккупантов. Возглавил это восстание двадцативосьмилетний генерал Аун Сан.

Видел Шведагон, как победителями вошли в Рангун колонны повстанческой армии, как вернулись вслед за ними английские полки, и слышал, как на стотысячном митинге у Шведагонского холма генерал Аун Сан сказал, что если англичане немедленно не дадут Бирме свободу, то бирманский народ получит ее сам, с оружием в руках. И еще видел Шведагон, как через весь город тянулась похоронная процессия. Хоронили генерала Ауна Сана и министров Временного правительства, убитых летом 1947 года врагами свободы.

А 4 января 1948 года, в четыре часа утра, над Рангуном загремел салют — Бирма, хоть и дорогой ценой, вернула себе независимость. Навсегда.

Вот что видел Шведагон — самая большая в мире пагода, построенная бирманцами много веков назад.

Гостиница «Инья-лейк» — детище архитектора Андреева

Наша «Волга» проезжает мимо Шведагона и по зеленым улицам идет на север. Машины встречаются редко — это в основном большие грузовики, груженные живностью, бананами, арбузами; они спешат на многочисленные базары Рангуна.

Проезжаем мимо большого щита. Гостиница «Инья-лейк». Неоновая надпись еще не потушена.

— Знаешь, — говорит мне Лев, — скоро должен приехать Андреев. Архитектор. Он теперь президент Общества советско-бирманской дружбы, приедет на конгресс общества. Ему, наверно, интересно будет посмотреть на свое детище.

Детище похоже на белый теплоход. Гостиница получилась легкой, светлой и просторной. И еще — прохладной. Даже в самую жару туда залетает ветер с озера. В гости-

нице больше двухсот номеров, и, конечно, уже никто не отрицает, что она — лучшая в Бирме и одна из лучших в Азии.

Забегая вперед, надо сказать, что к весне приехал архитектор Андреев — отец гостиницы. Он пошел в свой номер на третьем этаже и исчез. Пора было ехать в посольство, газетчики ждали интервью, а Андреева нигде не могли найти. И, только обогнув здание, я случайно углядел вдали под грибком над озером знакомую фигуру. Виктор Семенович не заметил, как я подошел. Он сидел, положив на колени фотоаппарат, и смотрел на шестиэтажную красавицу.

— Любуетесь? — спросил я.

— Нет, не то. Я построил много домов, разных, были лучше, были неудачные. Но сначала я их представлял себе, видел, какие они будут, потом работал. Знаете, очень трудно угадать, что увидишь в жизни, то есть каждый раз, когда я наяву вижу то, что прежде прошло передо мной в десятках вариантов — в эскизах, перспективах, рабочих чертежах, я немного удивляюсь. Вот не предполагал, что буду смотреть на гостиницу с этой точки, что за зданием будут видны вон те большие манговые деревья. И яхты на озере.

Андреев вдруг замолчал. Потом улыбнулся и добавил:

— А все-таки нельзя было так красить опоры. Прибавляют тяжести. Спорил я со строителями, но пришлось тогда уехать, и они сделали по-своему. Мы, архитекторы, без строителей жить не можем, строители, что бы они ни говорили, тоже без нас вряд ли обойдутся. А вот всю жизнь ругаемся.

И я очень в этот день завидовал архитектору Андрееву. Пусть неудачно покрашены опоры. Столицу Бирмы украшает здание, которое придумали и сделали Виктор Семенович и его друзья — архитекторы, конструкторы, строители.

Еще несколько километров — и аэропорт Мингаладон. С этой точки начинается знакомство с Бирмой, и именно тут, когда открывается дверь самолета и, шагнув на ступеньку лестницы, впервые вдыхаешь тяжелый с непривычки, густой бирманский воздух, ты говоришь ей: «Здравствуй».

Подарок друзьям из Москвы

А поле аэродрома и здание аэропорта хоть современные, хороши, но в общем безлики. Над аэропортами всего мира висит какое-то проклятие одинаковости. Наверно, это потому, что самолеты делают одно и то же, куда бы они ни прилетали. Сначала самолет наклоняется, и навстречу ему наклоняется земля и показывает одинаковые сверху крыши домов. Потом он долго катится по бетонным дорожкам — будь то Рангун, Дели или Аддис-Абеба, затем на его пути появляется бесстрашный человек с флажками в руках; самолет бросается на человека, будто хочет изрубить его винтами, но, не доехав трех метров, встанет, взрвет моторами и остановится. Приехали.

В первые полчаса ты не очень-то обращаешь внимание на архитектуру аэропорта. Я не говорю про Орли или другие чудеса строительного искусства. Я говорю про такой аэропорт, как Мингаладон, — большой обычный аэропорт. Ты проходишь таможенную и иммиграционный контроль,

предъявляешь свидетельство о прививках, отвечаешь на вопросы земляков...

Потом осмотришься. Когда сам приедешь в Мингаладон встречать или провожать своих, разглядишь на досуге сказочные фрески художника У Ба Джи на стенах зала и оценишь размеры зала внутренних авиалиний.

Давно осмотрелись и привыкли к Мингаладону и мы. Он — порожек, за который переступают твои друзья, поднимаясь по трапу в аэрофлотский ИЛ; порожек, за который и ты когда-нибудь переступишь и полетишь обратно, к своей обетованной земле, где первая остановка называется Ташкент.

Но нам еще не скоро переступать порог. Мы проезжаем мимо знакомых ангаров и продолжаем заниматься своими делами. Теми, что всегда преодолевают в начале пути. Я пересчитываю нашу кассу — если взяли мало, еще успеем вернуться, потом заряжаю кинокамеру, одолженную нам на время путешествия. Лев еще раз проверяет, нормально ли работает правая фара. Вроде все в порядке.

Осиновым лесом потянулись слева каучуковые плантации. Деревья потеряли листья, и лес кажется прозрачным и доступным. В нем нет подлеска, нет густых кустов и злых колючек. Каждое дерево надрезано, на каждом висит жестяная банка, куда лениво стекает густой белый сок. В Бирме много плантаций каучука, особенно на юге страны — на узкой полосе Тенассерима. Бирма даже экспортирует некоторое количество каучука.

Потом каучуковый лес кончился, и через несколько минут машины поравнялись с серой колоннадой. Перед ней гранитный пятиметровый крест. Это английское военное кладбище. Двадцать шесть тысяч человек похоронены под гранитными плитами. На каждой — бронзовый герб полка, имя, чин, возраст и дата смерти. Солдаты погибли во время второй мировой войны, и все они были солдатами британской короны. Полки шотландские, австралийские, новозеландские, мадрасские, бомбейские, западноафриканские... На бирманской земле несколько таких кладбищ. В Рангуне, рядом с зоопарком, большое кладбище — там лежат чиновники и офицеры, чей прах по той или иной причине не увезли в Ланкашир или Чешир. В бирманской земле погребены исполнители божественной воли Великобритании — красные мундиры, мундиры хаки, черные смокинги и сутаны миссионеров. Но нет среди них тех, кто

приказывал идти на Восток — к пагоде Моулмейна и в Мандалай. Для тех нашлось место на более respectable-ных кладбищах, в семейных склепах под вязами «доброй старой Англии».

Мы минуем кладбище, безлюдное, чистое, подметенное. За ним начинаются деревни. Каждая — в зелени, в тени мнговых деревьев, в каждой — монастырь на окраине, тоже тенистый, с пальмами тодди и небольшим прудом. На домах монахов сушатся оранжевые тоги. Между деревьями рисовые поля, разделенные канавками для воды и валиками подсохшей земли. Поля клетчатые, как шахматная доска. На некоторых рис уже убран, и серая земля смотрит сквозь стерню, на других еще гнутся желтые колосья. Разные колосья — два поля рядом, но на одном рис выдался густым, тяжелым, обильным, а на другом колосья редки и худосочны. Разные сорта риса, разные хозяева, разный уход.

До самого последнего времени, ав какой-то степени и сейчас, бирманские крестьяне — беднейшая часть населения. В войну из Бирмы сбежали индийские ростовщики-четьяры, но некоторые вернулись обратно с англичанами, а других заменили свои, бирманские, помещики и ростовщики, но лучше от этого не стало. Каждый год десятки тысяч акров земли переходили за долги помещикам и ростовщикам, и крестьяне становились батраками, часто на своих же бывших участках. Куда пойдешь жаловаться, если и в правительстве помещики, и среди чиновников, которые должны осуществлять земельную реформу, оказывать помощь крестьянам, тоже немало помещиков или родственников и друзей помещиков.

Главная сила в хозяйстве — пара волов или буйволов и соха. Редко у кого плуг. Только-только управиться с обработкой своего клочка земли. Ведь рис — трудоемкая культура: и рассаживать, и полоть его надо. А к тому же бойся наводнения и сильных ливней, бойся засухи, бойся вредителей.

Реформы, обещанные правительством, застревали где-то в переполненных папками пыльных комнатах управлений и министерств. Планы, которые включались в толстые ежегодники, не выполнялись, изобилие и процветание оставались на бумаге. Да и что говорить — в стране было немногим больше трехсот тракторов, из них некоторые изношены так, что не могло быть речи о ремонте.

И не хватало воды. Ее и сейчас не хватает. Старые ирригационные системы не справляются с требованиями сегодняшнего дня, а новых недостаточно, и потому много еще пустырей и залежей там, где могли бы расти рис, арахис, сахарный тростник, табак, — если бы была вода.

И вот в марте 1962 года к власти пришло революционное правительство. Члены его хотели перемен, хотели сдвинуть с места застрявшее сельское хозяйство, помочь крестьянам. Началась помощь с того, что новые министры, новые руководители департаментов решили познакомиться с крестьянами, послушать их, узнать их мечты и чаяния.

Это не была очередная кампания с щедрыми речами, речами, которые легко произнести и еще легче забыть. Сто тысяч крестьян съехались в начале года на собрание в Сагайн. В президиуме были крестьяне, выступали крестьяне. Генерал Не Вин и члены Революционного совета сидели в первом ряду на всех дискуссиях и слушали. Впоследствии генерал Не Вин признавался, что он не представлял себе полностью всей тяжести положения крестьян Бирмы, пока не побывал на собраниях, не поехал по деревням. Стало ясно, что если в деревне ничего не изменится, то придется отложить в долгий ящик надежды на развитие страны.

Надо было найти новые формы, новые пути развития сельского хозяйства, заинтересовать крестьян, заставить их поверить в искренность и решимость правительства модернизировать и механизировать сельское хозяйство. Для всех этих мер надо было изыскать средства, и, наконец, надо было немедленно хоть немного облегчить положение крестьян. И вот в день бирманского Нового года, в апреле 1963 года, Революционный совет публикует два закона. Первый — о защите прав крестьян. По этому закону помещикам и ростовщикам запрещено отнимать у крестьян за долги землю, орудия или продукты его труда. По второму закону право сдачи земли в аренду переходит от землевладельцев государству в лице крестьянских земельных комитетов.

Но остается большая армия безземельных крестьян, батраков. Что делать с ними? Все это связано и с другой проблемой — с проблемой выбора пути развития сельского хозяйства. Правительство начало кампанию по кооперированию в деревне. Безземельные крестьяне легче идут на эту незнакомую мелкособственнической Бирме форму жизни. Им не за что держаться, нечего терять, не в чем

сомневаться. Специальным законом правительства были организованы первые кооперативные деревни. Кооперативам выделили землю, ссуды, тракторы. Первые такие деревни уже существуют. И в обычных деревнях понемногу развивается кооперирование. Об этом разговор будет дальше, когда мы приедем в Мандалай на машинно-тракторную станцию к У Эй Мауну.

Но где достать деньги для всех этих мероприятий, как обеспечить крестьян ссудами, удовлетворить их нужды? Как вообще развивать экономику в стране, где большая часть банков — частные и иностранные — не заинтересованы в помощи правительству и порой даже саботируют его мероприятия? Как развивать экономику страны, не распоряжаясь ее финансами?

В феврале 1963 года бирманское правительство национализировало все банки страны. Операция по национализации была проведена быстро и решительно. В час дня ко всем банкам подкатили грузовики с солдатами, солдаты окружили здания банков — самые массивные и вместительные в Рангуне, и представители правительства вошли в их широкие двери.

Операция подготавливалась тайно. И не без оснований. Даже за один день банки успели бы перевести за границу такие суммы, что это оказалось бы весьма чувствительным ударом по экономике.

В первые же дни после национализации были опубликованы интереснейшие данные. Оказалось, что иностранные и частные банки получали ежегодную прибыль в размере 40—50 пья на каждый джа (кьята) вложенного капитала (в бирманской монете джа — 100 пья; джа равен примерно 20 копейкам).

Национализация дала правительству возможность распорядиться ранее недоступными деньгами, запасами, лежащими без пользы для Бирмы в банках. И львиная доля этих средств пошла на ссуды крестьянам, на финансирование сельскохозяйственных объектов.

Город Пегу. Древний город, окруженный невысокими холмами; каждый из них хранит развалившуюся пагоду или храм. Сразу за городом мы попали в затор. Узкое шоссе было забито джипами, громоздкими, допотопными авто-

бусами, грузовиками, велорикшами, пролетками — все ехали, вернее, старались ехать в одном направлении, туда же, куда и мы, — на север.

— Пагодный праздник? Футбольный матч между сборной Пегу и Таунгу? Приземлились марсиане?

Мы разыскали в столпотворении белую каску полицейского. И тот, подивившись нашей наивности, объяснил словоохотливо и снисходительно:

— Праздник уборки риса. Не слышали никогда? Видно, в первый раз в Бирме. Весь город там. Сам бригадир Тин Пе только что проехал. И еле-еле пробрался. А вам придется подождать. Если хотите, можете пройти пешком. А то все равно пробираться часа два. Не меньше.

Мы решили воспользоваться советом и оставили машину.

И сразу нас подхватил поток людей. Легкая желтая пыль висела над обочинами, но она не скрывала буйного веселья бирманских красок. Бирманцы одеваются ярко; по сравнению с рангунской улицей московская покажется серой и скучной. В Бирме любое собрание или шествие кажется похожим на выставку вятской игрушки. Много белого. Белые цветы в волосах у девушек, белые рубашки мужчин, белые или очень светлые блузки женщин. Но юбки — и мужские (лоунджи), и женские (тамейн) — всех цветов радуги. Правда, мужские посдержаннее, часто клетчатые, как ковбойки, иногда переливчатые, как майские жуки. Женские — синие, желтые, красные, лиловые, розовые с серебряными и золотыми цветами, с пестрыми узорами. Каждая школа имеет свою форменную юбку. Рангунская образцовая — синюю, школа Мьома — зеленую, Центральная женская — малиновую. И под стать одежде яркие краски встречают тебя в любой пагоде: пагода белая с золотом, но ее обязательно окружают другие постройки, выкрашенные в самые яркие цвета. Раскрашены и скульптуры, и чинте, и охранители пагод, и среди всего этого красочного столпотворения не спеша бродят монахи, одетые в ярко-оранжевые тоги, и монашенки в розовых тогах с малиновыми или пурпурными накидками. А над всем этим яркое солнце. Уж если светит, то во всю мочь, а если идет дождь, то идет так сильно, что в мгновение ока смывает всю пыль. Но краски становятся только ярче. Вся природа Бирмы участвует в создании этой красочной симфонии: деревья цветут так, что не видно листьев, в ле-

су летают синие птицы и зеленые попугаи, маленькие корольки с золотыми коронами вьют на баньянах гнезда, похожие на груши, бабочки размером в две ладони кажутся выдумкой трехлетнего мальчишки, которому дали краски. И, глядя на все это, понимаешь, что ничего удивительного нет в любви народа к ярким цветам, — по-другому в Бирме и быть не могло.

Чем ближе к полю, на котором проходил праздник, тем гуще толпа. Кончились последние деревья окраин Пегу и с ними спасительная тень. А впереди в пыли показались неясные очертания огромной фигуры. Только минут через десять, подойдя поближе, мы поняли, что над полями стоит многометровый фанерный крестьянин с серпом в руках. Там, за крестьянином, и проходил праздник уборки риса.

Еще десять минут медленного шествия под солнцем, и мы попали под длинный навес. Навес окружал рисовое поле. Вернее, участок поля размером в три футбольных. По этому участку прокосили прямые дорожки, так что перед зрителями была шахматная доска, каждая клетка которой — сто квадратных метров.

— Начинаются полуфинальные соревнования на личное первенство Нижней Бирмы, — сказал диктор. — Вызываются команды Пегу, Таунгу, Ньяунлебина, Во, Шведжина...

На ближние к нам делянки вышли участники соревнований, каждый с длинным серпом в руке. Серьезные, окруженные болельщиками и подбадриваемые земляками на трибунах. За каждым участником шел капитан команды с флагом того же цвета, что и лоунджи участника.

Свисток. И замелькали серпы.

Я не раз видел, как работают крестьяне. Целый день на солнце, целый день согнувшись — каждый пучок рисовых колосьев надо снести с поля, связать в снопы — труд тяжелый и подчас презираемый горожанами.

Как взволновались крестьяне, когда представители нового правительства предложили им показать свое искусство в том, в чем никто не хотел видеть искусства. И крестьяне с радостью откликнулись на предложение. На соревнования приходили люди со всего района, как на большой праздник, целыми деревнями. И тут же работники министерства сельского хозяйства устраивали выставку земледельческой техники, потребительские кооперативы от-

крывали свои лавки, в промежутках между соревнованиями выступали певцы, танцоры. Крестьяне видели на соревнованиях членов правительства, которые вместе со всеми болели за команды из своих мест и сами передавали победителям ценные призы.

Первый из участников, в красной юбке города Во, бросил последний сноп. Судья придиричиво потряс снопы, чтобы убедиться, хорошо ли они связаны, и капитан команды из Во высоко поднял красный флаг. На трибуне справа запели веселую песню, два размалеванных клоуна выскочили на арену и начали плясать, изламывая руки и на ходу сочиняя весьма обидные частушки про шведжинцев, представитель которых еще только заканчивал жатву.

В общем план первого дня путешествия был сорван, но мы не жалели. Уйти с поля было невозможно. После одиночных соревнований начались парные, и мне надо было обязательно досмотреть, закончит ли первой тоненькая девушка из Ньяунлебина со своим напарником (они кончили третьими), а Лев встретил знакомого журналиста родом из Пегу и совершенно необоснованно заявил, что пегуанцы победят в командном зачете. Пегуанцы не победили. Но тут начались соревнования на воловьих упряжках — кто быстрее проедет вокруг поля, соберет снопы, погрузит их, отвезет на двести метров и сложит в аккуратный стог. В соревнованиях снова участвовала та девушка из Ньяунлебина... Короче, мы выехали из Пегу, когда начало темнеть. Пришлось заночевать в Летпадане.

Почти до самого Прома дорога идет берегом Иравади, прекрасной, широкой бирманской Волги. И как о Волге складываются у нас песни и сказки, как Волга встречается почти на каждой странице учебника истории, так и Иравади — река главная, священная, матушка Иравади. По ней шли на юг бирманские племена, и страна открывалась перед ними, на ее берегах построили первую бирманскую столицу и на ее же берегах — столицы последующих царств.

Сто лет назад по Иравади поднимался маленький пароходик с длинной тонкой трубой. Ожесточенно стучали по желтой воде лопасти колес, борясь с течением, и перед пассажирами медленно разворачивались холмы, увенчанные пагодами и пагодками, — на правом берегу, рыбачьи деревни — на низком левом. Среди пассажиров был один, длиннородый, высокий, с залысинами. Он недавно приехал с Запада и уже был хорошо известен ученым и монахам Рангуна, слух о его прибытии обгонял неспешный пароходик, и в Мандалае его ждали мудрые саядо — настоятели монастырей, хранители бирманской учености.

Звали путешественника Иван Павлович Минаев, был он русский, из Петербурга, и считался одним из лучших в мире специалистов по восточным языкам и восточной философии. Минаев объехал всю Индию и наконец смог осуществить давнишнюю мечту — попасть в Бирму, страну неизведанную и далекую, но нельзя сказать, чтобы совсем неизвестную в России.

На берегу Иравади

Если потратить несколько дней и просмотреть подшивки старых журналов, поискать в библиотеках воспоминания русских путешественников, то обнаружится любопытная картина. Оказывается, Россия проявляла значительно больше участия к Бирме, чем могло бы казаться. Тон здесь задавало не царское правительство, а российская общественность.

Первые контакты были случайными — попадали в Бирму купцы, да и то не задерживались подолгу — их целью была Индия. Возможно, побывал здесь Афанасий Никитин. Правда, прямых указаний на это нет, но в своей книге «Хождение за три моря» Никитин пишет о государстве Пегу, рассказывает, чем там можно торговать.

А вот уже наверняка посетил эту страну грузинский путешественник Данибегашвили в конце восемнадцатого века. Был он представителем грузинского царя Ираклия в Индии, а оттуда приехал в Бирму. В Пегу путешественника ожидало неприятное приключение. Пошел он в доки посмотреть, как строится корабль для бирманского короля, там было грязно, и он ступил на единственную сухую доску, которая вела к кораблю. Тут его схватили стражники. Оказалось, что доска предназначена только для короля, а прочим ходить по ней строго запрещено. Данибегашвили ждало суровое наказание, но, к счастью, вмешались друзья, которыми он обзавелся в Бирме, и все кончилось благополучно. Следующее приключение оказалось куда более печальным. Данибегашвили отправился обратно в Калькутту на небольшом корабле, из тех, что ходили между Индией и Бирмой дважды в год во время муссона, когда направление ветра постоянно. Но в Бенгальском заливе корабль попал в летний шторм и пошел ко дну. Путешественник и трое его товарищей высадились в лодку и только после четырех дней борьбы с морем без воды и пищи добрались до араканского берега — западного побережья Бирмы. Еще день они плыли вдоль берега и никак не могли причалить — к самой воде подходил мангровый лес, нигде не было ни тропы, ни поляны. Наконец они попали в устье неизвестной реки и по ней добрались до рыбацкого селения.

Вернувшись на родину, Данибегашвили узнал, что Грузия вошла в состав России, путешествие его окончилось в Москве, где он издал книгу о своих странствиях. Ведь тогда даже путешествие в Индию занимало годы, а

«заезд» в Бирму удлинял его еще на год. Данибегашвили оставил подробное описание Пегу и Рангуна, где предугадал печальную судьбу Бирмы. Он писал, что Англия зарится на бирманские богатства и надеется со временем прибрать их к рукам.

Интерес к Бирме особенно возрос в 1825 году. Тогда о ней узнали многие. О Бирме писали в журналах и газетах, говорили в салонах и на улицах. В этом году, окончив покорение Индии, англичане напали на Бирму, захватили Рангун и водрузили свой флаг на платформе Шведагона. Но полностью покорить Бирму тогда англичанам не удалось. Понадобилось еще пятьдесят лет и две войны, чтобы соскрести бирманское государство с карты мира.

Отношение русских к Бирме можно понять хотя бы из того, что печаталось тогда в «Русском инвалиде»: «Бирманцы отважны, трудолюбивы, веселы, одарены большим присутствием духа, жадны к знаниям, честны по отношению к иностранцам... Англичане не могли смотреть без зависти на независимость соседей своих, бирманцев, и соревнование в торговле с ними превратилось в неприязненное отношение». А журнал «Азиатский вестник» писал в те же дни: «Из всех стран на земном шаре, в которых образованность и искусства оказали знатные успехи, менее прочих известно государство бирманское. Уже по сообщениям португальцев можно судить, до какой степени величия и образованности достигали народы, коих потом несправедливо почитали пребывающими в дикости... Бирманцы любят музыку, чрезвычайно уважают поэзию и имеют своих изрядных поэтов».

Во время Крымской войны, как сообщают современники, предпоследний бирманский король Миндон каждый день требовал сообщений с театра военных действий. Он надеялся, что русским удастся победить англичан, а тогда появится возможность вернуть Бирме отторгнутые области. Однако этого не случилось, громоздкая военная машина царизма была разгромлена, и вместе с ее разгромом рухнули надежды бирманского короля.

Но и после этого даже официальные представители российского правительства не раз подчеркивали симпатии России к Бирме. В 1875 году министр иностранных дел Горчаков, выражая благодарность бирманскому правительству за гостеприимство, оказанное русскому путешественнику Ушакову, писал: «Надеюсь, что русские, которые

в будущем посетят Бирму, найдут там такой же сердечный прием. Мы же обещаем полную взаимность с нашей стороны в отношении подданных Его Бирманского Величества, которым случилось бы приехать в Россию».

1876 год. Человек в европейской одежде стоит на вершине мандалайского холма. Далеко вниз убегают ступени бесконечной лестницы; на плоской равнине между Иравади и лесистыми горами лежит последняя столица бирманского королевства. С холма хорошо виден квадрат дворца и лента воды вокруг него. Фамилия человека Пашино. Он приехал в Бирму ненадолго, но задержался там. По собственной воле. Он встречался с бирманскими вельможами, чиновниками, рассказывал о России, о других странах Европы, советовал развивать судоходство, торговлю с Китаем... Король Миндон решил сам принять русского путешественника и побеседовать с ним один на один, в неофициальной обстановке. Говорили они долго — о Бирме, о России, о том, как трудно бирманскому правительству, не имея никакой поддержки извне, противостоять все растущим требованиям англичан, которые так и ждут малейшего предлога, чтобы перейти в новое наступление на остатки независимой Бирмы. В конце беседы король Миндон приказал принести свою любимую книгу. Удивлению Пашино не было предела — перед ним оказалось аккуратно переписанное на пальмовых листьях «Жизнеописание Петра Великого».

Но Миндону не удалось сделать того, что смог сделать Петр. Было поздно. Дни Бирмы были сочтены в зябких комнатах на Даунинг-стрит. Это понимали и те русские, которых волновала судьба бирманского государства, беспомощного перед могучей Британской империей. Менделеев встретился в Париже с бирманским министром Ман Шве, который объезжал Европу в тщетной попытке найти союзников среди европейских держав, и великий химик обратился с письмом к российскому правительству, в котором просил помочь бирманцам. Его поддержал востоковед Венюков: «Бирма еще не вполне уничтожена, и это приводит англичан к настойчивому желанию покончить с ее самостоятельностью как можно скорее». И профессор Гиляров-Платонов писал: «Англичане давно стремятся забрать в свои руки всю Бирманию, и нам желательно... сообщить тамошнему двору, что Россия желает Бирмании всего хорошего, желает, чтобы она возвратила себе свое приморье».

И много было таких писем, обращений к царю, к правительству. Совсем не все равно было русским, как сложится судьба очень далекой Бирмы.

Под давлением общественного мнения царское правительство собралось наконец установить дипломатические отношения с Бирмой. В 1885 году было решено направить в Мандалай с дружественным визитом военный корабль. Но пока снаряжали корабль, подбирали дипломатов и взвешивали все возможные ответные шаги Великобритании, англичане двинули войска на север, и в 1887 году бирманское королевство перестало существовать.

И вот в те дни, когда британские солдаты в красных мундирах лесными клопами заполнили «дорогу на Мандалай», прошли по гнутым каменным мостам к стенам мандалайского дворца, когда последний бирманский король, молодой Тибо, ехал под сильной охраной в ссылку, а солдаты выковыривали рубины из спинки королевского трона, в те дни в Мандалай приехал Минаев.

Пароходик, поднимаясь по Иравади, миновал храмы Пагана и подходил к Мандалаю. Минаев писал в своем дневнике: «Мне кажется, что я на Волге, и эти деревушки — русские поселки, а зонтики пагод — православных храмов золоченые макушки... Смотришь и начинаешь разуметь, зачем сюда забрался западный человек. Ведь кругом золотое дно». Минаев никогда не был кабинетным ученым. Он много поездил по свету, совершил три путешествия в Индию, и на всех своих путях он сталкивался с крушением древних царств, с красными мундирами английских солдат и фраками британских чиновников. Ученый был достаточно известен во всем мире, и нельзя было его полностью игнорировать, но поведение Минаева часто не только шокировало, но попросту злило новых хозяев Индии и Бирмы — Минаев не скрывал, что предпочитает общество коренных жителей тоскливым, чинным приемам у генерал-губернаторов и вице-королей.

Русский ученый весьма решительно выбрал позицию, она была непроанглийской, и ни на какие компромиссы он идти не собирался. А обстановка победного угара, обстановка тех лет, когда клались последние кирпичи в громоздкое здание Британской империи, когда королева Виктория не без основания считала себя сильнейшим, могущественнейшим монархом в мире и подданные ее величества полагали, что им позволено все, эта обстановка тяжело дейст-

вовала на Минаева. «Мне не спалось в ту ночь, — пишет он в дневнике по пути в Мандалай, — всю ночь мне снился рыжий офицер, сожалеющий о том, что англичане недостаточно жестоки к бирманцам». Порой у Минаева вырывались куда более едкие слова, слова умного человека и внимательного наблюдателя: «Гемпширский солдат награбил сбережений, купил себе пони, имеет капитал в „Сейвингс банк“, разъезжает на собственном коне и пегодует, что бирманец стреляет в него из-за куста. Он может грабить и палить в бирманца из снайдера, но бирманец должен покориться и не быть строптивым. Он не смеет отстаивать свою независимость и готовить британцу ряд неприятных стычек в наступающие жаркие дни». А Минаев, верил, что жаркие дни придут.

Он бродил по обширным полянам между королевскими дворцами, перешагивая через поломанную мебель и грязные, втоптаные в пыль книги из библиотеки.

Книги. Он не мог относиться спокойно к судьбе бирманской культуры. Он отыскал главного библиотекаря королевства — больного старика, и несколько вечеров они просидели, разбирая завалы разрозненных текстов, написанных на пальмовых листьях. Солдаты искали в библиотеке драгоценности и, не найдя ничего, вымещали досаду на хрупких книгах.

С утра Минаев уходил в потрепанные войной обширные мандалайские монастыри и, усевшись на циновке, часами спорил с мудрыми учеными о грамматике языка пали, о происхождении пагод Пагана.

— Мы просим вас не уезжать из Бирмы, — сказали ему саядо, когда Минаев пришел прощаться. — Нам теперь очень нужны ученые люди. Вы будете учить наших студентов мудрости древних языков и мудрости нового мира.

Но, к сожалению, пора было возвращаться домой. И он уехал сначала в усмиренную Индию, оттуда через Европу — в Петербург. И был Минаев одним из последних русских, побывавших на берегах Иравади. Британские власти не видели никакого смысла в том, чтобы допускать в Бирму нежелательных иностранцев. И тем более после 1917 года. Слухи о России, а потом о Советском Союзе проникали в Бирму кружным путем, через Китай, через Индию. Переводы работ Ленина, провезенные контрабандой из Лондона, рассказы моряков о том, что происходит в

СССР, — все это находило пути к бирманцам, помогало им бороться за свободу. Но Иравади снова увидела русских людей только через полвека, когда Бирма стала самостоятельной и добилась права самой выбирать себе друзей.

Машины начинают чаще встречаться на шоссе, чаще поднимается пыль от упряжек волов и буйволов, бредущих по обочинам. Скоро большой город Пром — один из десяти крупнейших городов Бирмы. Правда, по-настоящему крупный город в этой сельскохозяйственной стране только Рангун. В нем живет около миллиона человек. В Мандалае — тысяч двести. За исключением десяти-двенадцати городов, в которых население исчисляется десятками тысяч, бирманские города малы и тихи. Часто неизвестно, где кончается деревня, где начинается город, — те же легкие деревянные дома на промазанных креозотом столбах, а за густыми деревьями и бананами не видно, есть ли другие улицы кроме той, по которой едешь.

Пром — другое дело. В нем есть главная улица с белыми двухэтажными домами, по нему бегают трехколесные оранжевые такси, и, проезжая главную улицу, громко пыхтят старые паровозы.

Я так и не смог выяснить, почему Пром именуется «Промом». Бирманцы зовут его «Пьи», а слово «пром» ничего не значит на бирманском языке. Вообще-то почти все названия бирманских городов произносятся неправильно: их переврали англичане или еще португальцы. Рангун, как я уже писал, должен был бы произноситься «Янгон», и тогда обнаруживается значение этого названия. Молмейн — третий по величине город — называется на самом деле Моулмьяин, Бассейн — Патей. Но эти искаженные названия за годы английского владычества нашли путь на географические карты и стали так называемыми традиционными названиями. И сами бирманцы, если говорят по-английски, называют Янгон Рангуном и Патей — Бассейном. В названии «Пром» иностранное словотворчество зашло так далеко, что нет никакой надежды найти его первооснову.

Деревни Бирмы не подверглись переименованиям. Так и называются, как тысячу лет назад. И каждое название обычно закреплено соответствующей легендой и авторите-

том местного духа — ната. В каждой деревне, в каждой реке и даже во многих домах есть свой нат. Я помню, году в пятьдесят восьмом мы снимали новые помещения для советских строителей. В одном доме, куда мы приехали по объявлению, с нас запросили вдвое меньше, чем обычно берут за аренду такого дома. Мы поинтересовались: почему так, и получили смущенный ответ — здесь очень настырный, шумный нат, и никто не соглашается жить в этом доме. Были англичане — сбежали через месяц, поселились итальянцы — тоже недолго выдержали. Вот и приходится уступать за полцены.

Мы согласились снять этот дом. Кто-то сказал тогда, что, может, не стоит говорить нашим товарищам о нате. Все-таки дом на отшибе, будут всякие печальные мысли в голову лезть. Но потом решили сознаться. Строители отнесли к известию с достаточной долей юмора. Так был брошен вызов жестокому нату. И нат отступил. Говорят, он несколько дней старался громко ходить над потолком, но никто не обращал на него внимания, и он сдался — исчез. Строители благополучно прожили два года в «доме с привидениями».

Вернемся в Пром.

Мы остановились в доме для приезжающих, и, пока древний старик в потрепанной солдатской форме натягивал пыльные москитные сетки над кроватями, я спустился вниз, к машине. У машины стояли два бирманца, оба темнокожие, коренастые.

— Вы из Советского Союза?

— Да.

— Здесь неподалеку, за углом, сегодня собрание бирмано-советского культурного общества. Вы не смогли бы прийти? Через час. Мы были бы очень рады. Мы много читали о Советском Союзе, получили из Рангуна кинофильм про звездных братьев, и нам хотелось, чтобы кто-нибудь из русских был на нашем собрании.

Через час мы пришли в одноэтажный дом на берегу Иравади. Этот дом по очереди используют для собраний разные политические партии и организации. Сегодня он принадлежал бирмано-советскому обществу. Просторная комната. Портрет Аун Сана над длинным столом. Воробьи ворошатся под крышей. На складных стульях сидят члены общества; их много — ни одного свободного места. Большинство — такие же усталые люди, темнокожие и ко-

ренастые, как и те, кто нас пригласил. Это рабочие речного порта, рисовых мельниц, джутовой фабрики.

Вот такие люди — наши самые главные и верные друзья в Бирме. Для того чтобы пойти на собрание, многим пришлось добираться издалека, из окрестных деревень и пригородов после трудного жаркого дня. И никто их сюда не тянул, они сами стремятся прийти, потому что хотят знать о нас больше, верят в нас.

В президиуме собрания — несколько рабочих, адвокат, старый учитель. Они подвигаются, освобождая нам место. Приехавший из Рангуна на каникулы студент рассказывает о том, что он видел во время поездки в Советский Союз. Потом Лев говорит о последних наших успехах в освоении космоса. Но это только начало. Еще час, а может больше, мы отвечаем на вопросы. Обо всем: о колхозах, о рабочем дне, о домах отдыха, о положении женщин и о том, есть ли у нас буддисты.

Когда собрание кончается, это совсем не значит, что кончаются вопросы. Сегодня на соседней улице покажут советский кинофильм, и по дороге туда продолжается разговор. Тут уже не только вопросы, но и просьбы, пожелания.

— Пришлите нам советские журналы, фотографии.

— Как поступить в Университет Лумумбы?

— Почему вы не переводите на бирманский язык книги советских писателей? Я читал много американских книг, а вот хочу прочесть «Как закалялась сталь». Почему ее нет в магазинах?

— Как написать письмо на московское радио?

В полном составе отделение общества приходит к подвешенному поперек улицы тонкому экрану. С обеих сторон его уже сидят на принесенных из дому циновках зрители. В первых рядах ребята. Те, кто ростом побольше, подальше от экрана. Пришли, видно, давно, чтобы обеспечить себе лучшее место. Уже появились вокруг уличные торговцы, тележки с водой, мороженым, подносы с орехами. У каждого над товаром горит свеча. Но еще не совсем стемнело, и зрители ждут, когда наконец оживет экран. Ждут терпеливо, изредка поглядывая на старенькую передвижку.

И вот экран ожил. «Звездные братья».

Я вышел на берег Иравади. Высокий обрыв, и под ним, у узких причалов, а то и просто прижавшись к песчаной полосе, стоят лодки и баржи. Вид их не менялся, наверное,

много лет. Нос и корма задраны вверх, и корма раздвоена. Такие же баржи изображены на фресках Пагана, на лаковых шкатулках. На таких же, только богато разукрашенных, выезжали по Иравади короли и министры. Эти же баржи без украшений — работяги. Завтра они разгрузятся или погрузят рис и сахар и отправятся дальше по реке. Тускло горят огоньки свечей — на баржах живут семьи речников.

А далеко, посередине реки, ползет парходик. Белый дым карабкается вверх по темной стене холмов другого берега. Небо еще зеленое — солнце село совсем недавно. Но еще пять минут, и нагрянет густая тропическая темнота.

Сзади замолкли колокольчики торговцев. На экране советский космонавт 3 проходит испытания в барокамере.

Сознаюсь, раньше я думал, что кактусы растут в Мексике и Аризоне. Большие, многометровые. И те крошки, что продаются на Арбате, помнят, может быть, что когда-то, очень давно, их дедушки и бабушки приехали из-за океана. Потом я увидел кактусы в Африке, но это не произвело впечатления. Может, потому, что видел их мельком и в малых количествах. А вот кактусы в Бирме сильно поколебали мои представления.

Севернее Прома, там, где начинается Сухая зона, где дожди редки, где всегда, в любое время года жарко и где растет не рис, а арахис и другие культуры, не требующие воды, начинается царство кактусов. Самое настоящее царство. По обеим сторонам дороги кактусы разбегаются зарослями до самых холмов на горизонте. А холмы всегда видны, когда едешь на север, — бирманская долина не так уж и широка. В деревнях заборы из кактусов, двухметровые глухие заборы. Иногда кактусы одолевают старую пагоду так, что к ней не подойти, а иногда собираются густыми полосами вдоль русел пересохших рек. Порой увидишь и кактус, цветущий желтым или красным цветком. А между кактусов рыжая, высушенная земля, и каждая упряжка волов подымает густую тучу пыли. Ближе к деревням, к воде, стоят стайками пальмы тодди, лохматые и поджарые. Сок их, когда перебродит, становится кислым, вкусным, освежающим в жару вином. Но через два дня превращается в уксус.

Почти у каждой деревни свое водохранилище. В корот-

кий дождливый сезон оно наполняется водой, и потом весь год бочками развозят ее по домам и на поля, пока на дне резервуара не останется зеленый ил. Каждый такой пруд окружен высоким земляным валом. На валу растут редкие в этой зоне манговые деревья. Старые, раскидистые. В сильный ветер их слабые корни не выдерживают и, ломая тяжелые ветви, они валятся в воду.

Испокон веку бирманцы строят такие водохранилища. Сухая зона — «первый дом» бирманцев в Бирме. Здесь они обосновались, спустившись с северных гор, и на тысячи лет долина Чаусе, неподалеку от теперешнего Мандалая, стала ключом ко всей Бирме — там построили водохранилища и каналы, там производилось больше всего риса, и во время феодальных междоусобиц хозяин долины становился хозяином страны.

Сотни водохранилищ разрушены за время войны. И среди кактусов, словно развалины крепостей, виднеются валы резервуаров, из которых давно ушла вода.

Кактусы — это не экзотика, это указание, как много еще надо сделать, чтобы сельское хозяйство страны поднялось в полную силу. И если поля кактусов исчезнут — никто не будет в накладе.

Однако сегодня строить деревенские пруды бессмысленно. Не то время. Нужны большие водохранилища, ирригационные системы, которые позволят наконец сделать сельское хозяйство по-настоящему современным; системы, достаточно крупные, чтобы не препятствовать в будущем кооперированию, сотрудничеству деревень.

Некоторые такие системы уже построены, другие строят.

Мы свернули с дороги на север, простились с Иравади и поехали в глубь долины, к невысоким голубым холмам, к городу со звучным названием «Чаукпадаун». Чем дальше, тем суше земля и тем сильнее кактусы. А впереди возвышается гора Поупа. Она стоит совсем одна посреди широкой долины и, кажется, попала сюда по ошибке. Поупа — вулкан, потухший в третичном периоде, не имеет ничего общего с горными хребтами — отрогами Гималаев, которые бегут через всю Бирму к Андаманскому морю.

Необычный вид этой горы в давно известном, исхоженном вдоль и поперек, заселенном районе превратил ее в бирманский Олимп, сделал священным обиталищем духов и местом паломничества. Поупа пользуется популярностью у буддийских отшельников, особенно высокопоставленных.

Климат наверху, у старого кратера, куда лучше, чем в долине. Там прохладно, всегда дует ветер. Отшельничество на горе Поупа не связано с большими жертвами.

Где-то неподалеку от горы должен быть Чемоутау — пункт, о котором часто говорят и пишут в Бирме. Туда мы и хотели заехать.

Еще за несколько недель до поездки в Чемоутау я встретился с инженером Симаковым. Тогда были последние дни дождливого сезона. Он в том году затянулся, и даже к началу ноября, когда по всем законам, божеским и человеческим, небу в Рангуне положено было быть чистым и безоблачным, ливни так и не прекратились. К вечеру башни муссонных туч поднимались над деревьями, и короткие душевные сумерки озарялись частыми молниями.

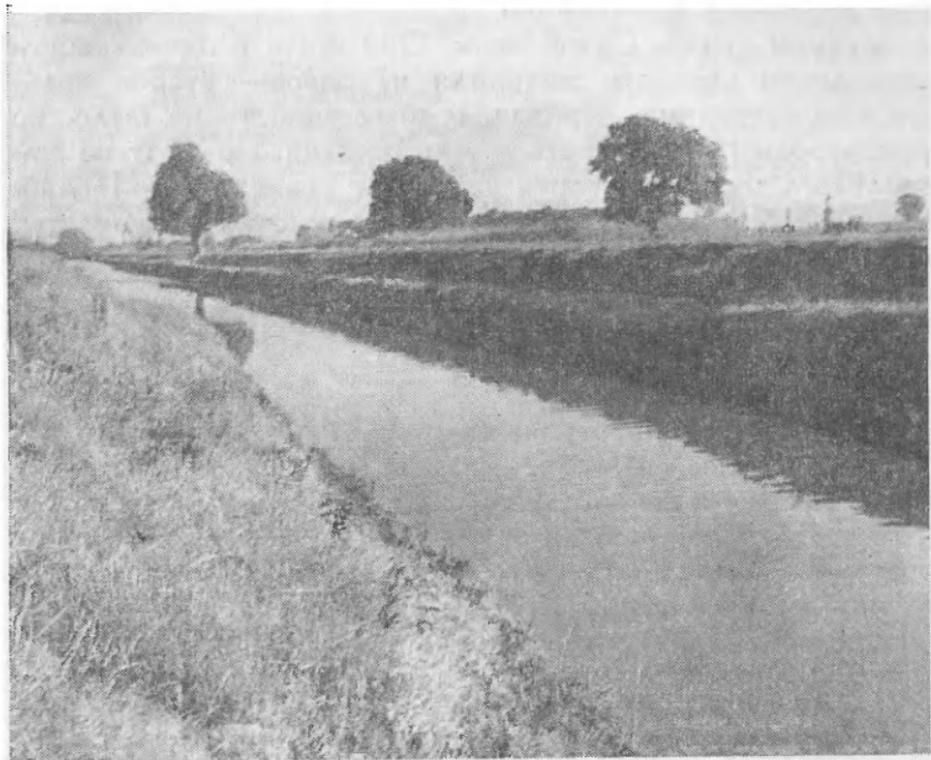
В такой-то вечер я и настиг инженера Симакова. Он только что вернулся из Чемоутау, и поймать его казалось почти невозможным делом. В гостинице сказали, что он в Управлении ирригации, там сообщили, что Симаков только что отбыл в Институт прикладных исследований, оттуда меня направили к геологам, и так до вечера. Потеряв всякую надежду, я добрался до гостиницы и, рассудив, что рано или поздно ему придется вернуться в номер, уселся в холле.

Долго ли, коротко ли, но Симаков появился. Я сразу понял, что это Симаков — он был опален солнцем, обветрен и не очень вязался с чинностью холла. Как будто капитан клипера, только что сошедший с мостика.

— Заходите, садитесь. Я вас оставляю на пару минут, ополоснусь, — сказал Симаков, вводя меня в номер. — Вот кресло. Вернусь, отвечу на все вопросы. Я сегодня весь день мечтал о том, как доберусь до воды. Такая уж специальность. — Инженер открыл кран, и голос доносился урывками сквозь шум пущенной в полную силу струи. — Полжизни проводишь там, где воду приходится беречь... А когда ее становится достаточно, переходишь на другое место... А там еще суше... Даже в Бирме нашел безводный район...

— Ну, а теперь спрашивайте, — сказал он через несколько минут. — Наверное, первый вопрос будет — что нового в Чемоутау?

— Я уже рот открыл, чтобы его задать.

Плотина в Тецо построена.
На поля пришла вода

— Не удивительно. Меня сегодня об этом спрашивали раз десять. Где только не спрашивали. И друзья, и незнакомые люди... Все в порядке в Чемоутау. Даже лучше, чем предполагал. Там ведь наши старые знакомые — мы с ними Тецо строили. В двух словах: идут земляные работы. Производится расчистка основания, начались работы на водосбросе.

— Раз уж вы упомянули о Тецо и о старых знакомых — расскажите поподробнее. Ведь вы здесь не первый раз.

И вот что рассказал инженер Симаков.

Несколько лет назад бирманское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой прислать экспертов по сельскому хозяйству. Тогда же и прибыла в Бирму сельскохозяйственная миссия. Она включала почвоведов, хлопководов, механизаторов, ирригаторов. В составе миссии приехал и Симаков.

В 1957 году ирригаторы поселились в городе Мейктила, в самом центре Сухой зоны. Они жили в одноэтажном доме, двери которого выходили на озеро — старое большое водохранилище. Правда, особых удобств не было, но ирригаторам не привыкать к такой жизни. Поэтому не жаловались. Скоро обзавелись друзьями, знакомыми. Народ в ирригационном управлении очень хороший, энтузиасты. Понимают друг друга отлично. Тем более с первых дней бирманцы убедились, что наши ирригаторы не собираются терять даром времени и стойко относятся к жаре, солнцу и скорпионам. «А что нам скорпионы? У нас в Средней Азии их не меньше, а какие там каналы отгрохали».

Вставали рано, завтракали, пока солнце не успело забраться повыше, и разъезжались на джипах в разные стороны. В том же доме жили хлопководы — им ехать в Тази за двадцать километров на опытную ферму. Ирригаторы отправлялись тоже за двадцать километров в другую сторону, на строительство плотины в Тецо. Порой задерживались на строительстве по нескольку дней. Жены привыкли. Давно уже привыкли к кочевым мужьям.

Система каналов, водохранилище и плотина в Тецо сейчас уже орошают двадцать тысяч акров. Может, для наших масштабов немного, но для Бирмы это строительство было принципиально важным. Здесь готовились кадры бирманских ирригаторов, пробовали силы для будущих, более крупных строек. Учились и наши специалисты — узнавали традиции бирманских крестьян, их отношение к воде, к орошению. Ведь система строилась для них, и нужно было сделать так, чтобы бирманский крестьянин с первого же дня извлек из нее максимум пользы. Плотину построили как следует, и, когда уезжали домой, оставили в Бирме не только плоды своего труда, но и друзей, учеников, последователей. Первый опыт работы с советскими ирригаторами удался. Удался настолько, что бирманское правительство попросило оказать техническую помощь в строительстве Чемоутау.

Система Чемоутау будет крупнее Тецо. Объем водохранилища составит около ста миллионов кубометров — крупное озеро. Десятки тысяч акров, покрытых кактусовыми зарослями и каменистыми пустошами, получают воду. А значит, и рис.

Проект плотины уже разработан, она строится, но еще не кончено проектирование системы каналов. Дело в том,

что в Тецо частично использовалась старая ирригационная система, вернее, следы ее. В Чемоутау все будет на чистом месте. Там ничего не сделаешь без современной техники. Даже во времена самых могучих бирманских королей никто не мечтал провести воду в эти края, на сухие отроги священной горы Поупа.

— И вот, — закончил Симаков, — я ездил на строительство. Выработывали программу действий. Подсчитывали количество оборудования, материалов, которые надо прислать из Советского Союза. Еще раз советовались, какие специалисты нужны в первую очередь.

— А кто придет?

— Не так много народу. У бирманцев с каждым днем все больше своих специалистов. Но кое-какие наши специалисты пока необходимы. Так сказать, рабочий университет еще не закончил работу. Специалист по взрывным работам придет, проектировщики ирригационной системы, заведующий лабораторией... Да, кстати, раз уж вы собираетесь в те края, не забудьте передать привет У Джо Ньюнту и У Маун Хла — они сейчас там. Замечательные люди. И еще. Если будете писать о Чемоутау, обязательно расскажите, как бирманцы работают. Я всех имею в виду — и рабочих, и техников, и инженеров. Обратите внимание на качество работ. Порой нам самим есть чему поучиться. Обязательно напишите об этом. Наконец, последнее. После Чемоутау стоит заехать в Тецо. Ненадолго. Просто взгляните на плотину, на каналы, на поля вокруг. Получите общее представление о том, как будет выглядеть Чемоутау года через два.

Вот мы свернули с дороги вдоль Иравади, чтобы посетить сначала Чемоутау, а потом побывать и на Тецо. Дорогу к Чаукпадауну ремонтировали, приходилось все время ехать по обочине, увязать в пыли и плестись за безнадежно медленными буйволами. Поэтому когда мы увидели ответвление, покрытое старым, выщербленным асфальтом, но все-таки вполне проходимое для машины, то решили рискнуть и поехали. Заблудиться мы не боялись. Гора Поупа надежно маячила впереди, неся где-то на своих южных склонах строительную площадку. Сначала дорога вела, куда нужно. Потом вильнула раз, другой. Поупа по-

казалась в правом окне. Мы остановились. Ближе к горе равнина понемногу теряла сходство со столом или гладью воды. Ее сморщило, прорезало оврагами в вспучило холмами и холмиками.

Возвращаться? Но мы уже отъехали порядочно и терять еще час-два значило не успеть сегодня в Тецо. Будь что будет — поехали дальше. И заблудились.

Мы были на отрогах Поупы, но не на тех, очевидно, которые нам были нужны. Не только строительства — ни единой деревни не встретилось на пути.

И вдруг — клумбы с каннами. По обе стороны дороги. Невысокий белый штакетник, аккуратные дома в жидкой тени акаций. У открытых ворот будка, и в ней часовой. К нему мы и бросились, пытаюсь выяснить, куда нас занесло.

Часовой выслушал, позвонил по телефону и сказал, чтобы мы заезжали в ворота. Оказалось — это бирманская военная часть, мимо расположения которой шла выбранная нами дорога. Часовой вышел из будки и показал, как ехать к командиру. Прямо, потом налево, еще раз налево. Подъехали к длинному бараку. Перед ним две небольшие пушки на низких постаментах. Между пушками — мачта с флагом. Это штаб полка. Командир, молодой майор в отутюженном мундире, вышел навстречу. Часовой, видно, сказал ему, кто мы такие.

— Заходите. Сейчас принесут кофе. Гости к нам заезжают редко, а из Советского Союза еще реже.

Из соседних бараков выглядывали любопытные. Наш визит нарушил размеренную жизнь дальнего гарнизона. Мы прошли вслед за майором в штаб.

Армия пользуется в Бирме авторитетом и уважением. Председатель Революционного совета генерал Не Вин одновременно остается главнокомандующим. Молодые майоры и капитаны работают сейчас в национализированных банках, в министерствах, управлениях, борясь с коррупцией, налаживая хозяйство. Вся история бирманской армии, состав ее обуславливают ее особое положение в стране. Когда англичане разгромили бирманское королевство, армия продолжала сопротивление в течение нескольких лет. В колониальные времена англичане не смели, а если и пробовали, то все их попытки заставить бирманцев охранять колониальный режим кончались неудачей. В английской армии никогда не было крупных бирманских подразделе-

ний. Не было бирманцев даже в так называемых бирманских стрелковых полках, набранных в горных районах Бирмы. Впервые после долгого перерыва бирманская армия была создана во время второй мировой войны как национально-освободительная армия. Весь высший и средний командный состав начал свой путь именно в освободительной армии или партизанских отрядах во время антияпонского сопротивления.

Кстати, о «Дне сопротивления». 27 марта 1945 года в оккупированной японцами Бирме собрался «Внутренний круг» — штаб сопротивления оккупантам. На собрании было решено начать всеобщее восстание против японцев. Совещание проходило напротив Шведагона, там, где теперь разбит новый парк. И вот теперь 27 марта празднуется как «День сопротивления», а практически — и День Бирманской армии.

Вот как это было в прошлом году. К сумеркам в город вступили войска. Они шли так же, как шла бирманская освободительная армия восемнадцать лет назад, когда входила в оставленный отступавшими японцами Рангун. И так же как восемнадцать лет назад, весь город вышел на улицы встретить свою армию. Девушки дарили солдатам букеты цветов, а на перекрестках стояли мальчишки с глиняными горшками и стаканами. Солдаты на ходу пили холодную воду.

Колонны сходились со всех сторон к парку, к тому месту, где было решено начать восстание. Теперь на этом месте трибуна. На ней, освещенные прожекторами, встречали войска те, кто много лет назад создавал армию и поднимал ее на борьбу с оккупантами.

Когда колонны подходили к парку, солдаты зажгли факелы. Факелы гнали над городом дым, и сверху, со шведагонского холма, казалось, что огненная звезда с длинными волнистыми лучами загорелась на месте парка.

Войска построились перед трибуной. Бригадир Сан Ю обратился к ним с речью. Он сказал, что бирманская армия — армия народа и для народа. Об этом нельзя забывать никогда. Солдат — бывший крестьянин или рабочий, кончив службу, опять вернется к своей работе. И это определяет роль армии. Бирманская армия всегда была близка к народу, и в этом ее сила. Теперь, когда Бирма повернула на путь социалистического преобразования эко-

номики, роль армии — принимать активное участие в труде народа и охранять его от любых попыток империалистов помешать строительству новой жизни.

Итак, вслед за майором мы прошли в штаб, и за кофе, после того как мы обменялись всеми положенными приветствиями и сведениями, включая общую картину погоды в этих местах и на юге, он сказал:

— А я с самого начала подумал, что вы едете на Че-моутау. Наверно, надоело трястись по плохой дороге и решили сократить путь? Ну, вы ненамного ошиблись. Через полчаса будете на плотине. Кстати, господина Симакова не знаете?

— Недавно видели в Рангуне.

— Я с ним встречался, когда он приезжал сюда. Нам плотина очень нужна. И чем скорее, тем лучше. Знаете что? Если вы не против, я с вами съезжу сам. Не был на плотине уже неделю. Интересно посмотреть, как идут дела. Но сначала надо заехать еще в одно место. Согласны?

Через пять минут мы уже ехали дальше. А впереди подскакивал на выбоинах зеленый джип майора с тигриной мордой на борту — гербом части.

Дорога крутанула раза два по отрогам и вывела нас на долину. Открылся пыльный шумный городок — Чаукпадаун. Джип повернул на боковую улицу и остановился. Мы оказались в большой шумной толпе. Она текла по широкой улице, но вместо домов здесь стояли павильоны и лавки.

— Ярмарка, — сказал майор, подойдя к «Волге». — Ежегодная ярмарка в Чаукпадауне. Я думал, вам стоит потерять еще пятнадцать минут и пройти по ней.

Казалось, все знали нашего спутника, с ним здоровался каждый встречный. Майору приходилось часто останавливаться, чтобы перекинуться парой слов то с одним, то с другим, так что у нас было более чем достаточно времени, чтобы осмотреться.

— Это, вообще-то говоря, пагодный фестиваль. Он устраивается испокон веку. Сюда съезжаются крестьяне со всего района. Но мы стараемся внести кое-что новое.

Майор извинился и остановился поговорить с пожилой женщиной.

Теперь в Тецо снимают
два урожая риса

— Понимаете, я здесь состою в разных комиссиях, советах — общее дело, — говорит майор, догоняя нас. — Нечего нам сидеть в четырех стенах, приходится решать кое-какие дела на ходу. Да, о ярмарке. Во-первых, мы строго следим, чтоб здесь было чисто, чтоб был порядок. Мы не можем допустить эпидемий. Раньше, знаете, как бывало...

Майор снова отстает.

— Остановитесь на минутку. Это павильон потребительского кооператива. Здесь цены ниже и товары лучше.

Перед кооперативом очередь. Явный знак популярности.

Наконец, достигаем конца торговой улицы. Ее замыкает большой павильон из тростниковых матов.

— Сюда я вас и вел. Познакомьтесь. У Маун Чжо — техник со строительства Чемоутау. У Маун Чжо, покажи гостям, как мы проводим наглядную агитацию.

Внутри павильона после солнечной улицы темновато, и

сразу не разглядишь, что это так внимательно рассматривают крестьяне. За невысоким барьером макет района размером в сто квадратных метров. Посредине гора с глубокой впадиной на вершине. Поупа. Рядом большое зеркало и игрушечная плотина. От плотины бегут зеркальные полоски каналов.

— Узнаете? Чемоутау. Таким он будет года через два-три. Увеличьте соответственно — понимаете, какое будет озеро?

Крестьяне окружили макет, стоят подолгу, узнают свою деревню. Вот здесь пройдет канал. Совсем рядом.

— Ну, а теперь можно на плотину. Вы не жалеете, что я вас задержал?

— Наоборот, мы очень благодарны.

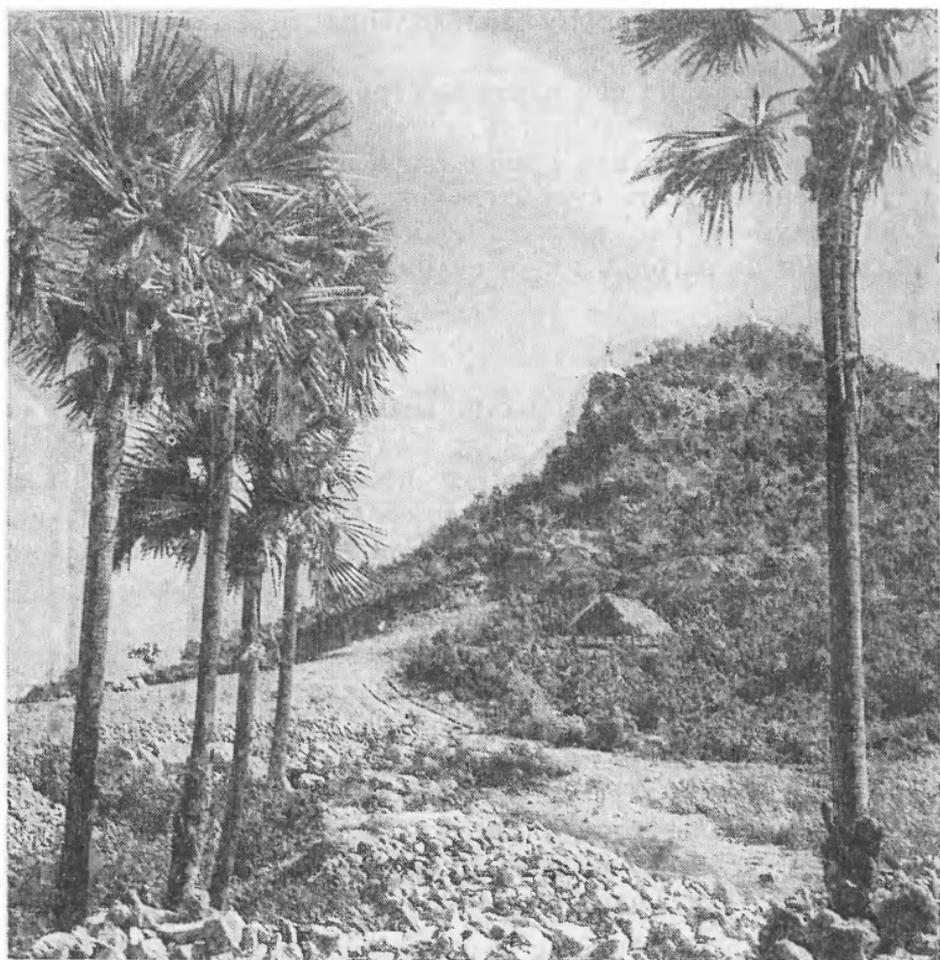
Машины проезжают городок и через несколько минут покидают шоссе, сворачивая в узкую дорогу между стенами кукурузы. Еще несколько минут, и кукуруза расступается. Поселок. Совсем новый, строящийся. Мы проезжаем до конца, где еще заканчивается строительство одноэтажных коттеджей.

— Сначала посмотрите, что мы готовим для советских специалистов и наших инженеров. Мы хотим, чтобы эксперты чувствовали себя как можно лучше. Ведь здесь за много километров ни одного кинотеатра. Сюда рангунские газеты приходят с опозданием не на один день. Не каждый специалист из Рангуна соглашается ехать — глухое место. Но везде люди. И если есть работа, то не страшно. Я думаю, что русские не будут на нас в обиде. Мы постараемся, чтобы они были почти как дома. Среди друзей — уже дома.

Майор вылезает из машины, знакомит нас с подошедшими инженерами. Дальше мы идем несколько сот метров пешком, обходим холмик и вдруг оказываемся в самом центре строительной площадки.

Майор доволен произведенным эффектом. Мы не ожидали, что плотина так выросла. Высокий откос покрыт аккуратно пригнанными камнями. Сверху его засыпают землей. Женщины несут ее в плоских мисках на головах и сваливают на плотину. Майор замечает наш взгляд и говорит:

— Техники пока мало. Техника будет советская. Но уже сейчас мы достали два экскаватора. Пройдем же немного дальше!

Плотина упрется в холм Чемоутау

Мы огибаем еще один холм, и оказывается, что здесь плотина еще только начинает подниматься над землей. Плотина в Чемоутау состоит из четырех участков. Каждый концами упирается в небольшой холм, и все вместе они перегораживают низкую долину, поросшую кактусами и редкими пальмами. Последний отрезок упрется в холм повыше других — холм Чемоутау. На вершине его стоит маленькая пагода. Экскаваторы подрывают холм, чтобы дойти до гранитов, к которым примыкает плотина. Через несколько лет пагода будет совсем близко от воды.

— Этого ее строители не представляли, — говорит идущий с нами инженер. Оказывается, он и есть тот

У Маун Хла, которому мы должны передать привет от Симакова.

С холма видна вся картина строительства. Отрезок, на котором уже идет работа, и другие, где только белые столбики показывают, как пройдет ось плотины. Вдали видны неоконченные дома строительного поселка и гора Поупа. Она голубеет над кактусами и пальмами, и отсюда не видны ни ее пагоды, ни отшельники.

А в Тецо мы не попали. Было поздно, и доехать до темноты не удалось бы. Нас поджимал график — всякое путешествие имеет график, и потому мы увидели Тецо только на обратном пути. К сожалению, надо признаться, что тогда мы уже спешили в Рангун (опять же график) и выехали из Мейктилы затемно, чтобы выкроить на Тецо хотя бы пару часов.

Свернув с шоссе, ехали несколько минут по деревне, большой, старой — и деревья там старые, и среди пагод старого деревянного монастыря глазели пустыми окнами полуразвалившиеся кирпичные здания — раньше в них жили монахи. В деревне шла молотьба, и буйволы, словно живая карусель, топтали по кругу желтые колосья риса. Девушки веяли рис через тростниковые сита, и длинные зерна, как вода из лейки, рассыпались в утреннем ветре.

Деревня кончилась. Арык, вдоль которого мы ехали все время, оказалось, вытекает из обнесенного валами канала — широкого, полного синей, а не желтой воды, текущей среди оживленных рисовых полей. Вдоль канала и проходила укатанная дорога. Казалось, вот за этой пальмой — водохранилище, но снова канал; теперь, думается, оно должно быть за тем пригорком — опять нет, и только километров через семь дорога скатилась с вала, пробежала по сухому водосбросу, снова поднялась на бесконечную насыпь (с камней еще не смыло дождями номера рядов — работу десятников), и мы выехали на берег озера. Оно было тихим, почти безбрежным, и лодки, прилипшие к берегу, говорили о его реальности и основательности. В одной лодке кто-то забыл удочки. Лев спустился к воде, присел на корму лодки и сказал мечтательно:

— Какая рыбалка, должно быть, здесь. Пожить бы в тех домиках денька два-три.

Лев мог только мечтать. И он, и я отлично знали, что через день будем в Рангуне, где воздух мокрый и душный, не то что здешний озерный, утренний. Я тогда не спросил, а потом не вспомнилось, — рыболов ли Лев. Может быть, и нет. Но, глядя на это голубое озеро, с водой такой чистой, какую мы видели лишь в горных ручьях Шанских гор да в озере Инле, где деревни стоят на воде, невольно вспоминаешь рыбалку — вариант оппортунистического «посидеть у речки». Так мы сидели на берегу, смотрели на редкие круги на воде — иногда плескалась крупная рыба (когда она успела вырасти?), молчали и тосковали по дому.

— Мне в ноябре в отпуск, — сказал я.

— А мне еще год. Потом насовсем домой. Все-таки приятно знать, какая нас с тобою ждет страна. Самое страшное на свете — не иметь ее. Ну, быть эмигрантом или если твои родители эмигранты... Здесь особенно чувствуешь свое единство со страной, с народом. Даже тогда, когда становится совсем невозможно жить вдали от дома, тебя поддерживает то, что ты все-таки вместе со страной. Или даже наоборот — она с тобой вместе. Я слишком красиво говорю?

Нет, мне не казалось и не кажется, что Лев говорил красиво или говорил для того, чтобы говорить. Может, теперь, на бумаге, наш разговор покажется вычурным, истины — слишком прописными. О таком обычно не рассуждают. Как о настоящей любви. И даже больше — если кто начинает говорить при всех громко, — ему не очень доверяешь. Зачем о любви выступать с трибуны? Наверное, поэтому Лев и спросил: «Я слишком красиво говорю?»

Я вспомнил о нашем разговоре на берегу водохранилища не для красного словца. И люди, которые работали здесь, не говорили о любви. Они работали. Они работали для Бирмы, потому что любят свою страну. И ни черта без этой любви не получалось бы...

Еще только семь утра. Директор гидросистемы спит, и мы не сможем дождаться его. Я фотографирую лодки у берега, воду — много воды, канал, уходящий на десятки километров, и арыки, разбегающиеся от него, рисовые поля, которых здесь не было раньше.

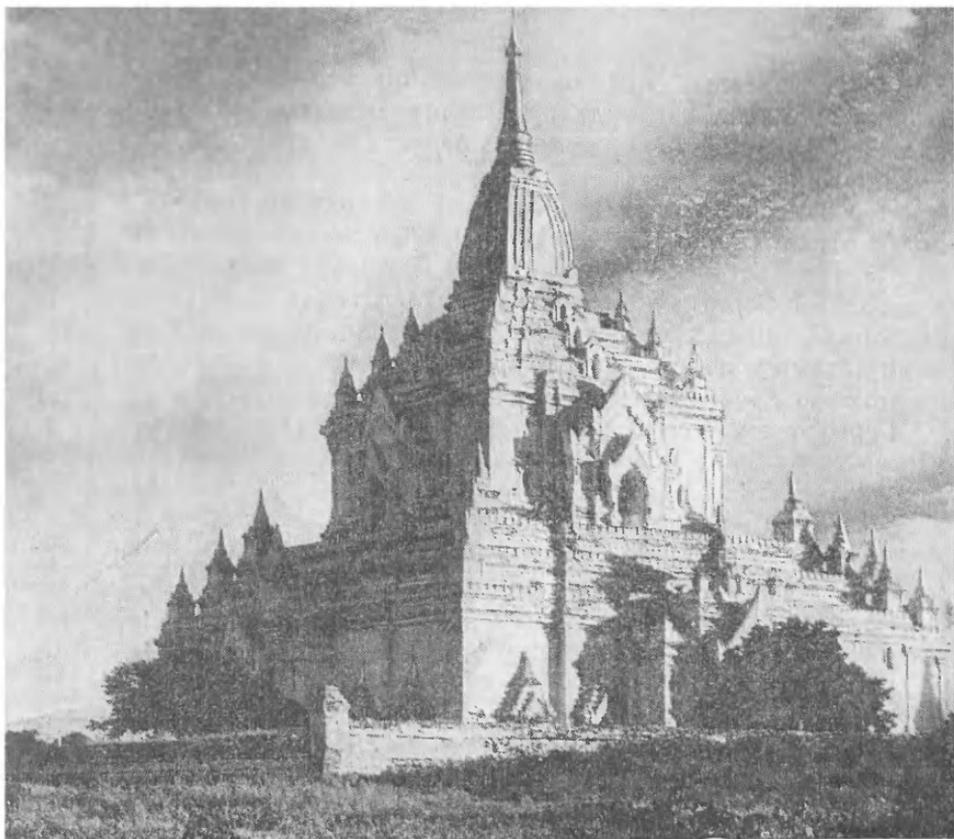
Мы едем дальше.

Мы провели в Пагане сутки. Больше не было времени. И глава эта что-то вроде лирического отступления. Рассказ о том месте, где берет начало Бирма, рассказ в основном о прошлом, но о прошлом, которое много значит для настоящего. У Бирмы долго пытались отнять ее прошлое, свести его на нет. Мы знаем и о соборе Нотр Дам, и о Парфеноне, но ничего или очень мало знаем о Пагане. В Паган нам надо попасть обязательно. Ведь совсем недавно генерал Не Вин в одном из выступлений сказал, что бирманские студенты знакомы с Наполеоном, а имя Анораты им неизвестно. И как бы ни было занято бирманское правительство, сегодня находятся и деньги, и возможности для того, чтобы с Аноратой, со славным Паганом ближе познакомились студенты и школьники, чтобы и бирманские ученые могли проводить там экспедиции и раскопки: люди должны знать о прошлом, гордиться им — это помогает строить будущее.

●

Звезды висели низко и густо. Срываясь с неба, они звонко разбивались о крышу «Волги». Фары высвечивали на обочинах пышные букеты бамбука и витые мышцы кактусов. Порой из-за кактусов выглядывала белым привидением пагода или черная — чернее ночи — стена монастыря. Дорога была разбитой, неровной, но неровности эти скрывались под толстым слоем пыли. Колеса машины на-

Утром храмы Пагана кажутся
волшебными

щупывали выбоины, и ослепительное театральное небо заваливалось набок, швыряя о ветви дубль-ве Кассиопеи.

За последние двадцать миль не встретилось ни единого огонька, не донеслось ни голоса. Только раз где-то пролаяла собака да заверещала ящерица и смолкла за шумом мотора.

Я так и не увидел этой дороги днем. Вернее всего, она такая же, как другие бирманские дороги. Те же деревни, монастыри и рощи пальм. Но ничто не могло побороть ее ночной таинственности. Может, это объяснялось тем, что она вела к Пагану и поэтому должна была быть необыкновенной.

Потом, через час или два, дорога кончилась. За окном,

закрывая звезды, проплыла, покачиваясь на ухабах, темная громада. Еще одна. Машина неуверенно остановилась у развилки, и громады перестали качаться. Это был Паган.

Через десять минут я вышел на веранду гостиницы и долго стоял, стараясь угадать знакомые по описаниям силуэты. Но Татбинью (а может, это Ананда?) растворялся в звездах и черных ветках. Было тихо. Стояла совершенно бездонная тишина, ненастоящая, сказочная, населенная духами-натами и обретающей непрочную плоть памятью этой бесконечно древней земли.

Геродот знал семь чудес света. Только семь. Человечество тогда было молодо, и знания древних греков не распространялись за пределы их тесного мира. С тех пор люди создали много такого, о чем греки не могли и мечтать, но все созданные людьми чудеса почему-то называются восьмыми. Великая китайская стена — восьмое чудо света, Тадж Махал — восьмое чудо света, Колизей в Риме — восьмое чудо света. Паган — тоже восьмое.

Мало кто слышал о Пагане за пределами Бирмы, сравнительно мало людей побывало там. И меньше всего повинны в этом бирманцы. Причин несколько. И то, что Бирма долгие годы лежала в стороне от основных торговых путей, и то, что даже в Бирме Паган не так уж легко достижим — он в стороне от больших дорог, на берегу Иравади, к нему не ведут ни железнодорожные пути, ни шоссе, а на недавно построенном аэродроме — большой поляне, огражденной штакетником, пожилая «Дакота» приземляется раз в неделю. Главное же, конечно, в том, что Бирма до 1948 года была английской колонией, а британцы культуре и истории Бирмы не уделяли особого внимания.

Но Паган не покрывали непроходимые джунгли, как случилось с храмами Ангкора и пирамидами майя, его не засыпали пески пустыни, как Хорезм или Хара Хото. Уже семьсот лет, как Паган перестал быть Паганом — столицей Бирмы, но он — самое чтимое в стране место, и со слов «Это случилось в Пагане» начинается почти каждая бирманская сказка.

Паган сегодня, если говорить упрощенно, — это несколько тысяч пагод и храмов, протянувшихся на двадцать километров над Иравади. Паган в прошлом — первая столица объединенной Бирмы, просуществовавшая четверть

тысячелетия. Как видите, не совсем обычное чудо света. Не храм, не пирамида, не статуя — целый город, весьма внушительный даже по нынешним масштабам.

Ночь в Пагане оказалась похожей на полузабытую, оставленную в детстве ночь перед Новым годом, когда надо заснуть пораньше, чтобы пораньше проснуться, а никак не удастся заснуть. Утром будет елка, подарки, и спешить спать, чтобы скорее наступил праздник. Даже во сне не покидает ощущение праздничности, которое острее всего в часы, предшествующие празднику, когда его дыхание так близко, что начинают шевелиться занавески в комнате и можно протянуть руку и дотронуться до него.

С этим чувством праздника я проснулся. Видно, солнце еще не встало, потому что воздух за окном был густого голубого цвета. К окнам уже сбегались, чтобы встретить нас, храмы Пагана. Они стояли, куда ни посмотришь, голубые и фиолетовые, с отблесками идущего дня на вершинах. Некоторые — словно холмы битого кирпича, некоторые — будто построены вчера. Совсем рядом поднимался к небу, к перистым облакам, шпиль Татбинью. От земли до верхушки зонта семьдесят метров, но вся эта громада кажется легкой, как дворец из русской сказки, сложенный по велению Василисы Прекрасной в одну ночь. Ничего подобного никто, кроме волшебника, не строил — наверное, просто в голову не приходило.

Я разбудил Льва, мы наскоро выпили кофе и спустились в Паган.

В начале одиннадцатого века один из бирманских князей, Анората, захватил престол в городе Пагане. Город был основан незадолго до этого народом пью. Кроме Пагана под властью Анораты находилась долина Чосе, та, в которой разводили рис, — самое богатое место в тогдашней Бирме.

За дальнейшие двадцать лет Анората покорил одно за другим все княжества и королевства на территории страны, и Паган стал столицей могучего государства. Анората собрал в столицу лучших художников и строителей из покоренных мест, привез кузнецов, ткачей, астрологов, ювелиров, ученых монахов и браминов. Паган должен был превзойти все города известных Анорате земель. И с того

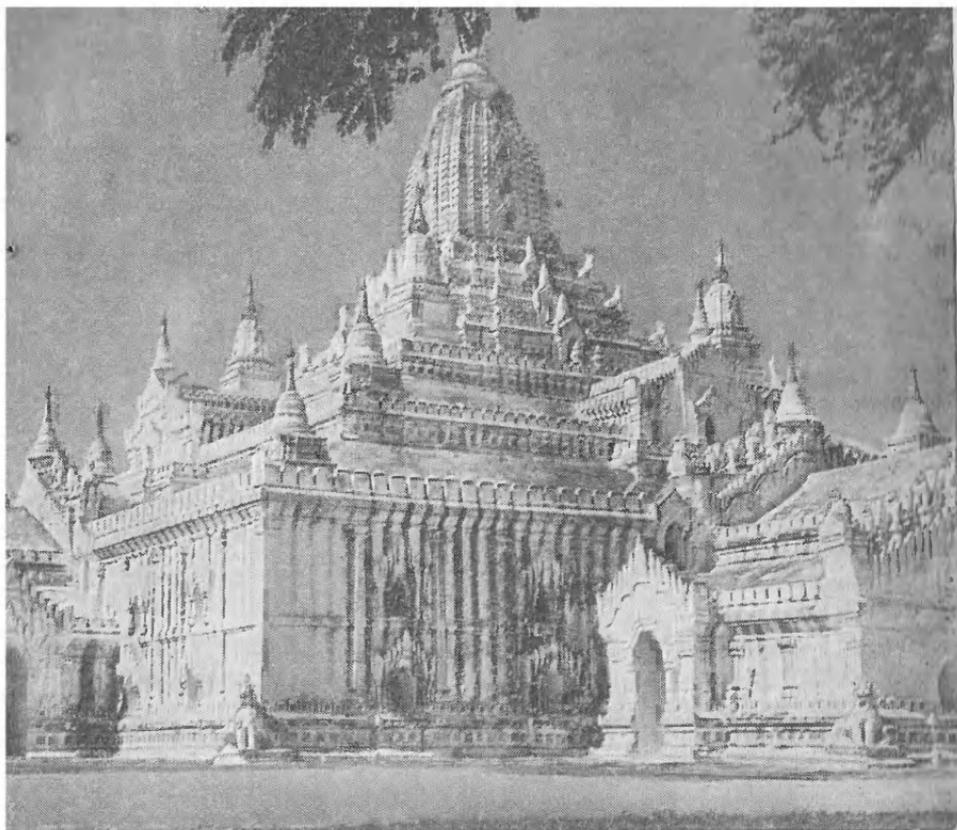
времени каждый король Пагана, чтобы возвеличить свое имя, строил большой храм и несколько малых. От королей старались не отставать вельможи, министры, военачальники, торговцы.

Но Паган славен не только архитектурой. В те столетия сложились бирманская письменность, литература. Только начиная с Пагана можно говорить о бирманской культуре. Именно тогда горные племена бирманцев, впитав достижения покоренных народов, развиваясь в контакте и общении с окружающим миром, становятся бирманским народом с его оригинальной культурой, искусством, архитектурой. Паган, как говорит профессор Тан Туи — веселый седой человек с молодым лицом, — был котлом, в котором варились бирманцы вместе со своими соседями, в большинстве родственными племенами и народами, и в нем из разных овощей получился суп, из многого — одно.

Однако до сих пор мы знаем о Пагане недостаточно. Кроме храмов и надписей на камнях, до наших дней ничего не дошло. Семьсот лет назад Паган был разграблен и сожжен, жители его покинули, а затем постепенно сгнили пережившие гибель государства дворцы и школы — город был деревянным. Но можно представить себе, каким он был. В храмах сохранились фрески, и, хотя на этих фресках рассказывается о жизни Будды-Готамы, паганские художники изображали там знакомые им пейзажи, селили богов и святых в знакомые им дома и одевали в обычные по тем временам одежды. События истории отчасти запечатлены и на каменных плитах и в хрониках, которые из поколения в поколение переписывали на пальмовых листьях бритоголовые поунджи.

Мы знаем, что Паган был одним из крупнейших городов и культурных центров тогдашней Азии. Университеты (их развалины сохранились и сегодня) видели в своих стенах студентов со всей Азии. Здесь учились цейлонские принцы и бонзы из Чампы. Студенты зубрили питаки — священные тексты на пали, запоминали бесконечные притчи — джатаки, но не только это: они знакомились с наукой и литературой. В Пагане было несколько библиотек, и здание одной из них — единственное дошедшее до нас светское строение Пагана.

Надписи на камнях подробно рассказывают о том, как строились храмы. Даже известно, сколько получал в день каменщик и что ели строители. В паганском музее лежат

Ананда — самый знаменитый
из храмов Пагаан

кирпичи — на каждом название деревни, в которой их обжигали. Некоторые деревни стоят и сейчас, может быть, сменив несколько мест. Кирпичи придают необычную реальность истории. Они пошире тех, что делают сегодня, и потоньше, но это обыкновенные кирпичи — вдавленные буквы штампа вызывают в памяти печь и темный дым из длинной трубы. История не стоит и не повторяется. Сегодня рабочие укладывают кирпичи на потрепанный грузовик и после шести вечера собираются на профсоюзное собрание. Их кирпич пойдет на строительство больницы в Магве, а не пагоды (впрочем, какая-то часть и на пагоду, только поменьше, чем во времена Пагана). Но кирпич в музее, кирпич с названием деревни, приводит исто-

рию в сегодняшний день, вытаскивает из рамок учебников и монографий. Все-таки он сделан предками теперешних рабочих, и руки у них были такие же.

Паган еще многое не рассказал историкам. Только систематические раскопки дадут ученым необходимые для познания истоков бирманской цивилизации орудия труда и предметы быта народа.

Когда я впервые увидел паганские храмы, они показались мне очень знакомыми. Светлые стены, легкость и законичность зданий, резьба по камню или штукатурке над арками входов, очевидная неправильность линий. Симметричные башенки не совсем симметричны, и даже ступеньки на лестнице — одна вдвое выше другой. Это придает зданиям непринужденность, живость. Смотришь, и видишь замысел архитектора, желание передать устремленность, легкость как можно проще, понятнее — так по-своему старались выразить это строители владимирских соборов и церквей Новгорода.

Много лет ученые, в первую очередь английские, уверяли, будто паганская архитектура несамостоятельна и полностью заимствована из Индии. Такое утверждение объяснялось не столько недостаточностью знаний, сколько нежеланием признать за Бирмой право на самостоятельную культуру. В увесистых «исследованиях» говорилось, что индийцы в далекие времена колонизировали Бирму и принесли с собой более высокую культуру, которую бирманцы послушно копировали, потом пришли англичане и принесли свою культуру. Невысказанный вывод из таких работ ясен — колонизация извечна, существует на всех этапах истории, а уж у Бирмы такая судьба — перенимать все у колонизирующих.

Ложность и предвзятость таких исследований доказаны бирманскими и некоторыми английскими историками (такими, как Люс и Фернивол). Культура Пагана — чудесный сплав достижений народов, населяющих Бирму, достижений, переработанных и развитых бирманскими мастерами. Можно отыскать здесь китайские, индийские или камбоджийские корни. Но все вместе — это Паган, явление самобытное и неповторимое.

Вот маленький пример. Все паганские строения изобилуют арками. Арки круглые, стрельчатые — любые. А ведь в те времена арка была мало знакома в Южной и Юго-Восточной Азии. В Индию она только начинала проникать

из арабских стран, а дальше на восток почти не встречается. И даже там, где о ней знали, — в Китае, например, употребляли ее редко. А паганские мастера не только использовали все, что могли почерпнуть у соседей, но и развили, ввели в обиход, разработали такие виды арок, какие стали известны в других частях земли только через много-много лет.

Между храмами, извиваясь, тянутся пыльные дорожки. Они окаймлены заборами из кактусов. За заборами — кукурузные поля. Теперь на месте Пагана несколько деревень, и крестьянские поля зеленеют там, где были позолоченные дворцы. Здесь рис не растет — слишком сухо. Те же кактусы, те же пальмы-тодди.

В маленьком храме в пальмовой рощице я отыскал У Шве Тейна, одного из хранителей музея. У Шве Тейна руководил работами по консервации храма. У меня было к нему рекомендательное письмо от общего знакомого, и он мог мне кое-что показать. Солнце поднялось высоко, и мы вошли в храм. Рабочие закладывали кирпичами пролом в стене. Это были древние кирпичи, собранные здесь же. У стены сидел трехметровый Будда с большой дырой в боку. У Будды было грустное лицо и только одна серая бровь — другая за тысячу лет стерлась.

— Почти все статуи попорчены, — вздохнул У Шве Тейн, наливая в маленькие чашки светлый бирманский чай, — грабителями. Ведь в статуе обычно замуровывались драгоценности, причем, что интересно, мы уже не знаем, в каком месте положено было быть шкатулке. А грабители шли наверняка. У этой пробит бок, а у той — грудь.

У Шве Тейна не спешил допивать чай — собеседники в Пагане не часты. Поговорили о Рангуне, об общих знакомых, потом разговор вернулся к Пагану. Искусство Пагана было интереснее современного буддийского искусства — тогда оно было единственным средством выражения идеи художника, теперь талантливые люди ушли в светское искусство, а буддийское утонуло в слишком узких канонах и слишком подробно разработанных правилах — в каком положении быть ноге, в каком положении быть руке и каким должно быть выражение лица Будды.

Потом У Шве Тейн сказал:

— Ученые, пожалуй, последние, кто добрался до Пагана. И во многом опоздали. Если местных грабителей интересовали только драгоценности, то потом, когда мы ста-

ли колонией, появились грабители поопаснее. Туристы, путешественники, чиновники. Тогда была мода на восточные статуэтки — она и сейчас не прошла. Но в то время это было просто эпидемией. В солидном ланкаширском доме должен был стоять Будда или Шива. И все подчистили. Теперь разве соберешь? Даже королевские троны не можем получить обратно из Лондона. Некоторые археологи тоже отличились. Про Томанна слышали?

— Читал.

— Хотите взглянуть на его «работу»? Недалеко отсюда.

Мы пошли в храм, где «поработал» Томанн.

Это случилось на рубеже нашего века. Немецкая археологическая экспедиция — Томанн и шесть его ассистентов — приехала в никем не охраняемый Паган и после беглого осмотра нескольких храмов остановилась на одном, в котором были замечательные фрески. Дальше работа экспедиции протекала очень просто. На фреску наклеивали газету, потом пилой аккуратно выпиливали квадрат штукатурки и укладывали в заготовленный ящик. Когда ящик наполнялся кусками фресок, его забивали, грузили на баржу и отправляли за море. Предельно просто.

Правда, Томанну не удалось очистить храм полностью. Возмущение бирманцев было так велико, что ему пришлось бежать из Пагана. Предварительно он приказал изрубить в крошки те фрески, которые были уже сняты со стены, но еще не отправлены в Гамбург. Томанн уехал безнаказанно, а через год выпустил книгу о Пагане, в которой доказывал, что бирманскую культуру создали арийцы, пришедшие из Персии и Северной Индии. Цветные иллюстрации в этой позорной книжке — единственный след чудесных фресок, сохранившихся в Пагане.

У Шве Тейн нашел древнего старика в белой повязке на голове, такого древнего, что он, может быть, помнит последних королей Пагана, и взял у него ключ от храма. Чтобы не было соблазна, храмы в Пагане теперь запирают.

Скрипнула деревянная дверь, и в храм, распугав летучих мышей, ворвался сноп солнечных лучей. В лучах плыла легкая пыль. Стены храма, словно цветным ковром, были покрыты замечательными фресками. От пола и до вершины свода. Кроме двух стен — здесь на высоту человеческого роста они вырублены. А выше еще метра на три стена пересечена аккуратными линиями распила. По ним

видишь, какие широкие планы были у Томанна. Он явно не собирался уезжать так рано. В одном месте со стены свисали ржавые от времени лохмотья газет.

— Это мы нарочно оставили, — сказал У Шве Тейн. — Не хотим забывать. Томанн был одним из крупнейших варваров, но далеко не единственным. И не последним. На днях поймали одного итальянского туриста. Сунул в портфель в музей несколько вотивных табличек Анораты. Музей-то пока у нас в сарае — все лежит открыто. И если нет совести — бери. А помимо жуликов есть другая беда — доброжелатели.

— Какой может быть вред от них? — удивился я.

— Часто не меньше, чем от воров. Посмотрите, вокруг монастыри. Действующие. Место-то святое. Паломников сотни тысяч. Все верующие буддисты хотят что-то сделать для процветания религии. И тут вступают в конфликт с наукой. В свое время короли разрушали экономику паганского государства, строя эти храмы для процветания религии. Королей мы уже простили. За давностью деяний, — У Шве Тейн согнал улыбку с губ. — Но что эти делают! И у них защитники высокие. Хотят, видите ли, реставрировать. Но по-своему — Ананду побелили известкой, Татбинью — тоже, верхушки золотом замазали. Мы говорим — во времена Пагана ничего подобного не было. Храмы были розоватыми и желтоватыми — куда красивее, чем побеленные известью. А они добиваются разрешения и мажут — и фрески губят. Особенно, если храм не в нашем ведомстве — всех пока не отвоевали, — обновляют, как ремесленники, соперничают с художниками, которые в тысячу раз больше знали, чем они. Нет, я сам буддист. Но надо понимать, что всему есть предел.

Недавно приезжал ваш, русский архитектор Ожегов со студентами. Он в Рангуне архитектуру преподает в Технологическом институте, и две недели они со студентами обмеряли храмы, копировали фрески. Давно пора. Нам есть чему учиться у себя же. И понятно, мы с Ожеговым здесь подружились.

Я договорился встретиться с У Шве Тейном вечером и отправился побродить по Пагану. У одной из пагод встретил Ляна. Он ездил заправлять «Волгу» и обнаружил, что надо заменить прокладку. Потерял два часа, был обижен на весь мир и на меня в том числе. Но в Пагане трудно долго обижаться. Днем он тих. Не ночная, таинственная

тишина, которой он нас встретил, а тишина, наполненная стрекотанием кузнечиков и жужжанием пчел, скрипением высоких арб, голосами ребятишек, идущих из школы. Но порой, когда эти звуки примолкнут, ощущаешь молчание города, в котором даже движение горячего воздуха кажется звуком — низким гудением. Пагану повезло, что он стоит в таких сухих местах. На юге страны храмы, построенные в те же времена, давно съедены джунглями и смыты ливнями. А здесь стоят — и краски фресок свежи, как будто вчера сняли леса.

До Ананды мы добрались задолго до встречи с У Швейном. Ананда — основной храм Пагана. Может, одни любят больше Татбинью, другие — изящный Тиломинло, но Ананда — старший брат всех. Он построен во времена короля Чанзитты, который, если верить хроникам, был сыном индийской принцессы. Вернее всего, хроники приписывают, не в обиду им будь сказано — ведь в их задачи входило обеспечить благородным происхождением всех властителей Бирмы. Ученые считают, что Чанзитта не был человеком высокого происхождения, но обладал большим умом и храбростью, выдвинулся благодаря своим способностям, а генеалогию ему придумали задним числом.

Впоследствии Чанзитта стал любимым героем бирманских легенд и сказок. Все подвиги он совершал с помощью верных друзей — Нтян У, великого пловца, и Нгатве Ю, великого пахаря, чем-то похожих на наших былинных богатырей. Конечно, в жизни Чанзитта был не настолько идеален, как Чанзитта народного эпоса, но даже современные ему надписи рассказывают о нем как об отважном полководце и справедливом судье. Чанзитта остался в народной памяти богатырем, защитником обиженных.

В храме Ананда мы с ним встретились.

Храм построен так: четыре входа, четыре громадные арки ведут в него со всех сторон света. Четыре коридора сбегают к центру храма, к колонне. О нее опираются спинами четыре многометровые статуи Будды, густо позолоченные. На уровне их глаз в стенах пробурены невидимые снизу окошки, сквозь которые на лицо каждой статуи падает луч света. Зрелище хорошо рассчитанное — джокондовские улыбки на лицах будд кажутся светящимися изнутри. Пересекая радиальные коридоры, тянутся узкие темные галереи. В нишах стоят бесчисленные статуи и статуэтки Будды и бодисатв, скульптуры, иллюстрирующие

джатаки. Коридоры и галереи очень высоки — в полутьме свода не видно. И головы, выглядывающие из ниш, статуи за углами понемногу нагоняют беспричинный страх, подавляют — хочется поскорее выбраться на свежий воздух к светлым краскам и яркому солнцу.

У ног одного из четырех главных будд, у центрального столба, стоит на коленях каменная фигура в человеческий рост. Она не похожа ни на одну из статуй этого храма, да и любого другого храма Пагана. Это молодой человек в длинных одеждах. На голове корона. Чуть вздернутый нос, большие глаза, высокий лоб. Человек серьезен, но кажется, что такому лицу свойственна улыбка. Статуя словно попала сюда по ошибке, так она современна. Но скульптуре столько же лет, сколько храму. Это и есть король Чанзита, человек, который заявил, что все его подданные равны, независимо от того, к какому народу принадлежат и какую веру исповедуют, — слова для того времени совсем необычные. И он же сказал: «Я хочу, чтобы каждый в нашем государстве был сыт, не боялся будущего, не боялся войны». Как скучно, наверно, Чанзитте стоять в темном храме.

У этой скульптуры и отыскал нас У Шве Тейн.

— Скоро вечер, — сказал он. — Поднимемся на вершину храма — увидите закат в Пагане. Нет ничего красивее на свете.

Мы идем к храму, с которого видна река и холмы за рекой. И минуем по пути конец паганской истории. Он воплощен в недостроенном храме — громадном, тяжелом, уродливом, теперь полуразрушенном. Последний король Пагана Тайокпьемин хотел, чтобы храм его доставал до облаков и превзошел все, созданные за столетия. Ради этой цели империя была разорена, почти весь урожай риса отбирали сборщики налогов, крестьяне бежали из деревень в горы, а оставшихся сгоняли на строительство.

Астрологи долго изучали положение звезд, затем пришли к королю и, склонив высокие белые колпаки, сказали:

— Небо против строительства. Если храм будет достроен, в тот же день рухнет Паганское королевство.

Астрологи были знакомы не только со звездным небом, но и с земными делами. Им никогда не пришло бы в голову сказать такое всемогущему Чанзитте. Но Паган был на краю гибели — с новым храмом или без него. Губернаторы отказывались подчиняться королю, пограничные княжества перестали посылать дань, а на севере монгольское на-

шествие затопило Китай, и отряды Хубилай-хана не раз безнаказанно пересекали паганскую границу. Король приказал остановить строительство. Это не спасло Паган.

В походе против Пагана участвовал великий путешественник Марко Поло, который тогда состоял на службе Хубилая. Для монголов это была второстепенная экспедиция, в ней участвовали конный отряд и войско, набранное из музыкантов, артистов, певцов и дворцовой челяди, которых воинственный Хубилай решил испытать в бою. Марко Поло командовал этим отрядом. В своей книге он рассказывает о битве, решившей участь Пагана. Бирманский командующий бросил против монголов лавину боевых слонов. Но опытные в битвах солдаты расступились и засыпали слонов стрелами, целясь в ноги. Взбешенные слоны перестали слушаться погонщиков и, сбрасывая боевые башни со своих спин, обратились в бегство, растапывая стоявшие сзади бирманские войска. После этой битвы дорога на юг была открыта.

Бирманский король бежал в Пром, к сыну. Но сын предложил опозоренному отцу чашу с ядом. Король хотел отказаться, и тогда жена его, королева Со, взяла чашу и поднесла к дрожащим губам мужа.

И еще одна пагода. Тоже история, но недавняя. Когда японцы захватили в 1942 году Бирму, они объявили: за хранение книг на английском языке — смертная казнь. Ночью сотрудники археологического управления вывезли из Рангуна библиотеку и, доведя тайком до Пагана, замуровали в пагоде. Так историческая библиотека избежала участи библиотек Университета и Музея.

Мы поднялись на вершину холма. С семидесятиметровой вышины виден весь Паган. В густеющем к сумеркам воздухе длиннеют тени пагод и пальм, они заполняют кукурузные поля, в деревнях зажигают первые огни, и кажется, что древний город оживает. Солнце прижимается к зубцам гор за рекой — вот-вот свалится за них. Пароход, проползающий по Иравади, может быть чем угодно, например кораблем Чанзитты. Еще несколько секунд солнце покачивается на зубце холма — и пропадает. Ночь. Духи города вылезают из щелей, чтобы проводить нас до гостиницы, а У Шве Тейн идет домой писать письмо об увеличении сметы на консервацию памятников.

Паломники оклеивают листочками золота древнюю статую Махамуни. Под многовековым слоем золота скрылась первоначальная форма рук и ног

На следующий день, проехав километров тридцать от Пагана, мы очутились в самом центре современности, на нефтяных разработках Енанджауна и Чаука. Было это в дни, когда проходила национализация промыслов.

Вышки тянутся на много километров вдоль Иравади, их не меньше, чем храмов в Пагане. И они по-своему красивы и величественны. Уже во времена Пагана бирманцы добывали здесь нефть — для освещения, для обмазки столбов, на которых подняты дома, чтобы меньше досаждали термиты.

И здесь же, когда англичане начали промышленную добычу нефти, складывался рабочий класс Бирмы, проходили первые забастовки, создавались первые профсоюзы. После провозглашения независимости Бирмы сильно пострадавшие во время войны промыслы не были национализированы — они остались в руках английской компании «Би-оу-си» — «Бирма ойл компани». До войны нефти добывалось достаточно, чтобы удовлетворить потребности страны, оставалось кое-что и на экспорт. А потом началось малопонятное — государство выкупило часть акций компании, но на руководящих постах, на всех основных инженерных и технических должностях оставались англичане. И добыча стала заметно падать. К 1963 году Бирме уже приходилось ввозить нефть из-за границы. Что же произошло? Истощились запасы, отвечали английские специалисты, получавшие сказочные оклады — по восьми тысяч джа в месяц. Рабочие получали гроши — меньше сотни. Лечебных учреждений, школ, клубов не хватало. Новая техника не ввозилась. Добыча продолжала падать, специалисты продолжали получать деньги. А раз новых капиталовложений не было, и накладные расходы англичане держали на минимальном уровне — в Великобританию продолжала уплывать прибыль.

И вот 1 января 1963 года бирманское правительство национализировало «Би-оу-си». Уехали домой высокооплачиваемые чиновники и инженеры, вздохнули легче рабочие, развернули свою деятельность профсоюзы, началось строительство новых школ и библиотек.

А что касается добычи нефти, то для выяснения этого вопроса бирманцы пригласили специалистов из Румынии. Те обследовали нефтяные поля — оказалось, положение совсем не так плохо: запасы есть, можно увеличить добычу.

И она увеличивается.

СОСНЫ И ГОРЫ

Еще было жарко. Еще зелень вокруг была вовсе незеленой, а охристой. Еще воздух был густой и тяжелый. Но мы уже были в горах.

Вдруг Лев остановил машину и сказал:

— Видишь?

— Ничего особенного не вижу.

— Вот что значит иметь ненаблюдательного спутника.

Ей-богу, я был о тебе лучшего мнения. Дом видишь?

— Вижу.

— А что рядом с домом?

— Собака.

И я задумался. В собаке было что-то ненастоящее, непривычное.

— Ну конечно. Ты тысячу раз прав. Это настоящая собака!

Настоящая собака посмотрела на нас и оглушительно залаяла. Мы слушали ее откровенный, смелый лай как лучшую музыку. Настоящая собака!

Нет, это совсем не значит, что в Бирме нет собак. Их очень много и даже, пожалуй, больше, чем нужно, чем положено из расчета на душу населения. Собаки везде — на дорогах, в монастырях, у помойных ям. Рыжие, черные, бесцветные, чаще рыжие. Они худы, облезлы, процент инвалидов среди них куда выше, чем среди собак других стран. И, главное, — они все на одно лицо, и на всех мордах — несмываемое выражение тоски, беспомощности, жа-

лости к себе и своим потомкам, — это нищие собаки. А раз они нищие, то этим и определяется их характер. Нищенский. Нет у них чувства собственного достоинства, и лаять они не смеют. Только визжат, когда дерутся ночью у помойки. А кроме того, они почти лишены шерсти, что еще больше подчеркивает их худобу и бедность — облик бирманской собаки позволяет подозревать, что произошла она не от волка, а от существа, куда менее жизнеспособного и вымершего везде, кроме теплых буддистских стран, где все живое находится под молчаливой опекой. Бирманской собаке не надо было бороться за существование, и из этого ничего хорошего не получилось.

Сколько раз мы сталкивались с собаками на пути, и они поражали удивительным отсутствием бдительности. Лежит собака на дороге, на нее едет машина, собака долго не может сообразить, откуда угрожает опасность, а когда сообразит и с визгом бросится прочь — бывает поздно. Труп собаки на дороге — явление более чем обычное.

Бывают случаи удивительнее. Ехали мы по окраине Мандалая, по узкой улочке, покрытой пылью. В пыли лежала разморенная жарой собака. Когда гудки наши слились в сплошной вой, когда отпрыгнуть было уже поздно, она чуть сдвинулась, отвернула голову, и, обернувшись назад, я увидел, что она лежит как ни в чем не бывало между продавленными машиной колеями и с укоризной смотрит нам вслед. А в Чемоутау я видел собаку, которая бежала за телегой и налетела на столб. Поджала хвост и убежала в подворотню. Вы когда-нибудь видели, чтобы собаки налетали на столб?

И вот мы увидели настоящую собаку, большую, лохматую и веселую. Отсюда начинались горы, места куда более суровые, чем бирманская равнина. Воздух суше и прохладнее, ветер свежее и небо синей. И не мудрено, что собакам здесь живется труднее. Их меньше, но должность их не та, что на равнине. Они не нищие — они друзья человека, трудящиеся собаки. В горах они сторожа, пастухи. А у трудящейся собаки и облик иной.

Карен Питер Со Мьинт, которого мы обещали подвезти до Коло, тоже вылез из машины. Понял причину нашего оживления и сказал:

— Обязательно куплю щенка в Коло.

Питер — агроном, работает он на государственной ферме под Тази. куда нас попросили заехать в Рангуне —

узнать, как работают тракторы, как с запчастями. Тракторы там наши, оставшиеся с тех пор, когда на ферме работали советские хлопководы.

Нам удалось выкроить время и побывать на ферме. С запчастями было туго. Но бирманский механик не хотел жаловаться.

— «Беларусь» — лучший в мире трактор, — говорил он и гладил радиатор. — Вы мне скажите лучше, почему я последний номер «Советского Союза» не получил? Все уже получили, а я не получил. А с тракторами все будет в порядке — через неделю поеду в Мандалай. У Эй Маун даст. Думаете, не даст? У него мастерская.

У Эй Мауна мы еще не знали, поэтому ничего сказать не могли.

— Вы не знаете У Эй Мауна? Он же директор мандалайской МТС. — Механик явно разочаровывался в нас. — Вот что. Вы заезжайте в Мандалай, заходите к У Эй Мауну. Если будете раньше меня, передайте привет и скажите, что скоро приеду.

И тут мы встретили Питера. Питер, маленький, скуластый, большеглазый карен, сказал, воспользовавшись паузой:

— Вы в самом деле не беспокойтесь за свои тракторы. Мы на них не жалуемся.

— Не жалуемся, — сказал механик.

— А хотите, покажу вам, как сто седьмой растет? Вообще-то хлопком занимается мой старший брат, но его сейчас нет. Но я все могу рассказать.

Сто седьмой оказался сортом хлопка. Его внедряли здесь советские специалисты еще в 1958 году. Хлопок — и сто седьмой, и другие сорта — выдержал испытание, показал себя неплохо в условиях Бирмы. Его начали сеять на семенных участках фермы и распределять по разным районам страны. И вот теперь он неприхотливостью, урожайностью, хорошим волокном зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. И растет — Питер показал нам схему распространения — в Яметине и Магве, под Мандалаем и Минчжаном. Только на ферме его называют сто седьмым, советским хлопком. Для крестьян это просто хлопок, бирманский хлопок. Он стал вполне своим. Наверно, и мы его видели, когда проезжали хлопковые поля. Механик и лаборанты называли имя советского хлопковеда, но произносил его каждый по-своему. Так мы и не узнали, как же фа-

миллиа человека, который сделал свое дело, работает сейчас в Москве или Ташкенте, или еще где-нибудь и, может, даже не знает, как много крестьян в Бирме выращивают хлопок советских сортов, пользуются плодами его труда.

Когда мы вернулись в Рангун, можно было бы навести справки, поднять старые дела и найти фамилию. Но я не стал этого делать. Не из лени. Если ему попадутся на глаза эти строчки, надеюсь, он меня поймет.

Дорога стала заметно подниматься. Когда еще через полчаса мы остановились в деревне, пришлось сменить воду в машине.

Горы были похожи на Карпаты или предгорья Кавказа. Дорога вертелась по крутым лесистым склонам, а по обрубленным пластам песчаника сочилась вода. Лес с каждым километром становился зеленее, но рыжие термитники говорили о том, что мы не дома. Да громадные венники бамбука, да банановые плантации у деревень. Река, которая текла навстречу по ущелью, голубела на глазах, и камни в ее русле становились крупнее, она уже шумела, как и положено горной речке. По песчаной косе к воде шли три слона. Шли медленно, и было сразу видно, что это рабочие слоны, сознательные. На бивнях деревянные чехлы с железными накладками — чтобы удобнее ворочать бревна и не повредить кость. Седло, как маленькая платформа. Две платформы были пустыми, на третьей сидел погонщик. Я бросился было к ним с фотоаппаратом, но запутался в лианах на склоне и пришлось вернуться на дорогу. Слоны не обратили на нас внимания. Они умели дорожить перерывом. Они шли пить.

В Бирме около шести тысяч слонов. Большинство из них — слоны рабочие, прирученные. Дикая слоны живут в непроходимых лесах Тенассерима и в невысоких горах на востоке страны. И то, что слон — не роскошь и не зоологическая редкость, а рабочая скотина, лишает его всякой экзотики. Правда, он благородная рабочая скотина. Он делает то, чего ни одно животное не может, он делает больше, чем может сделать трактор, и незаменим в горах, как вол или буйвол в долине.

Чем здесь заменишь слона? Тиковые деревья растут в горных лесах, на крутых склонах. И добро бы они росли

Сосны и воздух — это Шанские горы

лесами, рощами, пет — каждый гигант стоит сам по себе. Часто метрах в ста один от другого. И только слон может пробраться к сваленному дереву, вытащить его к воде или к дороге, порой за много километров.

В королевские времена слоны выполняли более широкие обязанности. Вплоть до английского завоевания слоновая кавалерия была отдельным родом войск, слоны участвовали также в различных праздниках и церемониях. И король не мог считать себя настоящим королем, если у него не было белого слона. В Пагане, как рассказывают хроники, один король не имел белого слона, символа королев-

ской власти. Все три или четыре года своего царствования он провел в лесах, охотясь за белым слоном. На четвертый год его свергли с престола. А может, не захотели узнать, когда он вернулся из очередной неудачной экспедиции. Те же хроники уверяют, что долгие войны между Таиландом и Бирмой велись из-за белых слонов, — у тайландского короля их было много, а у короля бирманского не хватало.

Теперь же слоны только работают. Когда недавно в Бирме поймали белого слона, долго не знали, что с ним делать. И отдали в зоопарк, где уже есть белая ворона. Слон живет в зоопарке и, наверное, жалеет, что поздно родился. Видел я его там. Он совсем не белый. Это слон-альбинос. Он розовый. С красными, как у кролика, глазами. Одна старушка в вишневой одежде (из монастыря) долго стояла около слона и шептала. Наверное, молилась. Может, она помнит белого слона короля Миндона. Над тем слоном носили золотой зонт, и никто не смел привязать его цепью посреди зоопарка.

А дорога поднимается все выше. Она перебежала на другую сторону ущелья, взобралась на хребет, открыла нам великолепную панораму — зеленую, голубую, серебряную — все это цепи гор, и самые высокие на севере, в Качинском государстве, входят уже в Гималайскую систему. Мы обгоняли автобусы — старые, перегруженные, но неизменно ярко раскрашенные. Встретили охотника с двумя убитыми дикобразами. Напились из прозрачного ручья. Воздух стал таким, что мы дышали изо всех сил и не могли насытиться. Пахло весной, свежим лесом и даже земляникой.

За хребтом открылся новый хребет, повыше. Потом третий. И уже на закате мы попали в сосновый лес. Он не произвел особого впечатления на Питера. А для нас был куда удивительней, чем все стада слонов, вместе взятые. Это был настоящий сосновый лес, с сухим ковром иголок, с ветром — в сосновых лесах всегда хороший ветер. И мы были очень благодарны ему за то, что он есть, за то, что он встретился нам.

В лесу мы видели синюю птицу. Она пролетела над дорогой, близко от нас, и была совершенно синей.

— Мы ее называем майной, — сказал Питер, — она живет в горах, и если ее поймать маленькой, то можно научить говорить. Ее часто держат в домах.

Метерлинк наверняка не знал об этом.

И еще один день мы ехали по шанским горам. Спускались в долины — в одной разводят мандарины и апельсины, в другой вокруг покатых полей шумят молодые сосновые боры. Переваливали через хребты, и с каждого открывалась новая долина — широкая и тихая.

А параллельно бежала узкоколейка. Мы то ехали над нею, то проскакивали под ней, а она металась с одной стороны ущелья на другую. Железная дорога не доходит до Таунджи, столицы Шанского государства, не может одолеть почти отвесную полукилометровую стену. Последняя железнодорожная станция — внизу, под обрывом. Здесь грузы переваливают на машины, и те карабкаются по узкому серпантину шоссе. Вверх, где с каждым поворотом земля открывается все шире, и больше озер видно в долине, и новые хребты показываются вдали. Еще один поворот — и внезапно мы в городе. Он разбежался по наклонной террасе, увенчанной крутыми глыбами гор, — свежий город, солнечный город, очень далекий город.

Я видел построенный нами госпиталь в конце 1958 года. Он казался тогда восторженным, не очень красивым, с торчащими повсюду пучками арматуры и темными пятнами кирпичной плоти между бетонных костей. Свободное пространство занимали навесы мастерских и складов, урчащие бетономешалки и другое крупногабаритное добро, неизбежное при всяком строительстве.

Я несколько дней пробыл тогда на постройке и запомнил госпиталь таким, каким он был в те дни. И если я вспоминал о нем в Москве ли, в Рангуне, — то видел его недостроенным и шумным.

И поэтому теперь я даже не узнал главного корпуса, хотя уже в пятьдесят восьмом он был подведен под крышу. Госпиталь забыл, как его строили. Он стоит, белый и большеглазый, открытый ветру с долины. Далеко внизу голубые озера, облака проходят совсем низко над головой и идут к синим горам. И кажется — госпиталь плывет над горами, а не облака над ним.

Пожалуй, госпиталь — самое большое здание в Шанском государстве. В нем есть главный, трехэтажный, корпус, в котором находятся кабинеты врачей, приемные, процедурные — вся поликлиника. Там же, на втором и третьем этажах, хирургическое отделение, отоларингологическое, глазное. А за главным корпусом, привязанные к нему, словно буксиром, крытыми галереями, плывут другие корпуса — двухэтажные. Стационар рассчитан на двести коек.

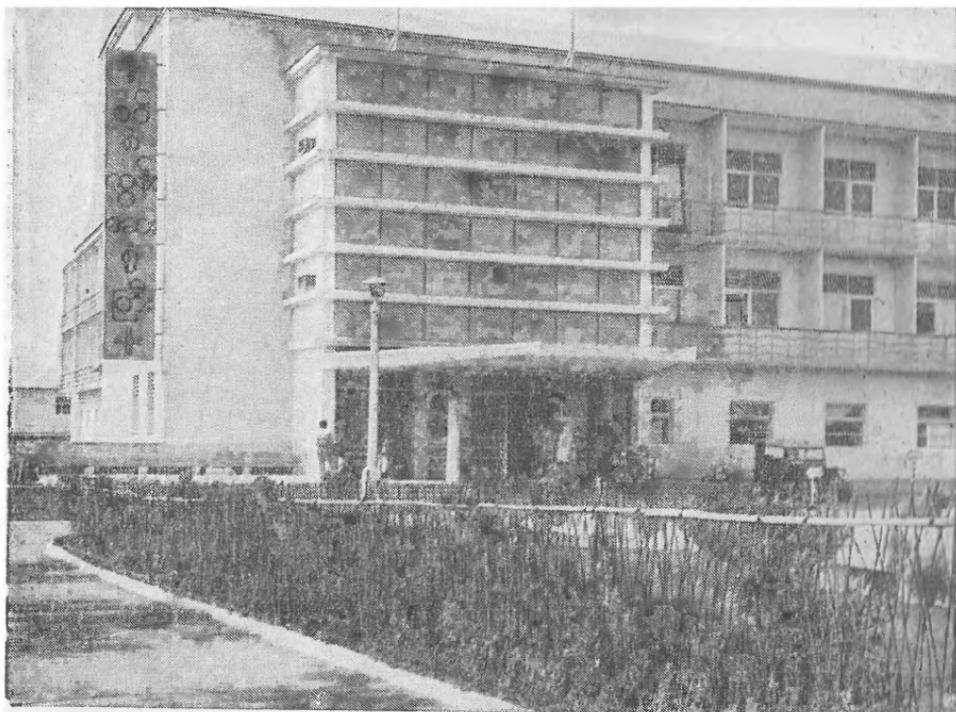
Мы присели на скамейку перед входом. Оказалось, мы попали в обеденный перерыв, и наши врачи должны приехать через полчаса. Надо признаться, эти полчаса мы просидели на скамейке, почти не разговаривая, не двигаясь, — отдыхали и просто получали удовольствие от того, что дышим таким свежим воздухом. Тут стояла та тишина, которой хочется после деловой сутолоки большого города, тишина, о которой с тоской вспоминаешь, задыхаясь на пробензиненных улицах, тишина, от которой, правда, вскоре хочется убежать, потому что она часто означает одиночество, усыпляет, зовет отдохнуть, успокоиться.

Интересно, кто они, наши врачи, работающие здесь? Как они справляются с этой тишиной? Ведь некоторые из них живут здесь больше чем по году.

У себя дома, в Москве, или Красноярске, или в Каховке, ты находишь друзей с детства, выбираешь их из тысячи людей, выбираешь не спеша, годами, со своих первых шагов и до старости. А здесь два десятка советских людей по году, по два живут в маленьком даже по бирманским масштабам городке среди людей, говорящих на чужом языке, следующих своим незнакомым и часто неприемлемым для нас обычаям, живут в сложном мире, где еще силен феодализм, есть князья, где в горах некоторые племена только выходят из первобытнообщинного строя, где социализм — дело будущего и сторонникам его не всегда легко работать. И в таких местах даже больше, чем в дальнем походе, проверяются человеческие отношения, умение жить среди людей и с людьми.

Как наши врачи находят общий язык с окружающим миром? Чем дышат, как трудятся? Я не надеялся найти ответ на все эти вопросы. Но за те несколько дней, которые мы должны были провести в Таунджи, кое-что узнать можно было. Или почувствовать.

Кофейный ЗИМ выехал из-за поворота и свернул на дорожку к главному корпусу. Затормозил. Мы встали.

Госпиталь Сао Сам Хтуна
в Таунджи

Предстояла встреча с послами Советского Союза в этой далекой стране.

Послы горохом посыпались из машины. Оказалось, их там человек десять — весь советский персонал. Встреча вышла недостаточно солидной, но была радость. Тишины — горной, завлекающей, смирной — как не бывало.

— Добрый день, товарищи, — сказал Лев.

— Здравствуйте.

— Добрый день.

— Вы из Рангуна?

— С большой земли?

— Письма привезли?

— Газеты свежие есть?

— Вы больные или в командировку?

— А мы сначала подумали, что больные. К нам из Рангуна часто приезжают.

Нам были рады, и как-то получилось сразу, что мы по-

пали домой, к своим. Не к тоскующим в одиночестве, а в коллектив, который с таким же успехом мог встретиться нам дома.

— Так как же вы писем не привезли? — сказала обиженно девушка с тяжелым венком кос. — Не может быть, чтобы почты не было.

— Мы уже вторую неделю к вам едем, кружным путем. Даже газет три дня не видали. Выезжаем рано, а приезжаем, когда все газеты местные распроданы. От вас ждем новостей.

— Так чего же мы стоим, — произнес самый солидный из врачей. — Давайте знакомиться. Нечитайло.

— Плаксина, хирургическая сестра, — сказала девушка с косами.

— Матвеев, отоларинголог, — высокий, худой, с добрым, чуть рассеянным лицом. Таких в школе зовут очкариками.

— Митрофанов, стоматолог, — резко очерченное лицо и смешинка в глазах.

— Волчков...

— Серебренников...

— А теперь простите, но врачам нужно быть на боевых постах, — улыбнулся Нечитайло. — Так что я вас попрошу ко мне в кабинет. А вечером, надеюсь, все встретимся. Новости узнаете. У нас «Правда» есть свежая — недельной давности.

В кабинете Нечитайло, надевая халат, спросил:

— А что нового в Рангуне, дома? Ведь для вас, наверно, дом — это Москва, а для нас есть промежуточный дом — Рангун. Там много наших. Кино бывает и вечера отдыха. И месткомовские собрания в клубе не уместаются.

Мы рассказали о рангунских новостях.

— Ну, у нас никаких особенных новостей нет. Работаем. Каждый ведет прием в поликлинике и отделение в стационаре. А кроме того, передаем опыт своим ассистентам. Впрочем, наши врачи лучше меня расскажут, как это у них получается. Бирманскими коллегами мы довольны, они нами, по-моему, тоже. Об остальном судить надо по результатам работы. Вылечили человека, победили смерть — честь нам и хвала.

Я сказал Нечитайло о тишине, что смутила меня сначала. Тот ответил:

— Тишину замечаем только вечерами. Вы думаете,

что у нас много свободного времени? Ошибаетесь. Мы тут получаем большой опыт, опыт работы в незнакомых условиях, никто из нас не может сказать, что теряет здесь квалификацию. Четверо наших врачей ведут научную работу, которая не только нам интересна, но и Бирме пользу принесет. Да что говорить — через несколько дней в Мандалае откроется всебирманская конференция врачей, так на ней будут три советских доклада. Могли бы дать и больше, но и так наш госпиталь представит самые крупные доклады. И врачи обучают себе смену, а это не всегда укладывается в рабочее время. Приходится и вечерами сидеть. А после работы? Язык английский учим — все учат. Это тоже время. А раз у нас здесь коллектив, то у каждого общественные обязанности. Тут и местный комитет, и кружки, и даже самодеятельность. Ну и, наконец, у многих есть свой конек. У некоторых он был раньше, а другие приобрели здесь. Например, Митрофанов — фотолюбитель и кинолюбитель. Сколько времени проводит в лаборатории! Или Колесниченко. Он биолог. Изучает лекарственные травы. Написал книгу о бирманских лекарственных растениях, бирманцы собираются ее издать. Он знает об этих травах больше всех здешних знахарей. Или ваш покорный слуга. Собираю шанские народные сказки и легенды. Удивительно интересно. Такие перлы народной мудрости, юмора, — Нечитайло взглянул на часы. — Простите, я должен идти по палатам и вас покину. Чувствуйте себя, как дома. Познакомьтесь с работой. Сейчас бирманского директора госпиталя нет, уехал в горы — так что, к сожалению, не смогу познакомить. Но если дождетесь, побеседуйте с ним. А коли я говорил о нашей жизни неубедительно, простите, для нас это все достаточно обыкновенно.

Мы с Львом разделились. Он пошел в кабинет к доктору Митрофанову, а я — на улицу, фотографировать госпиталь.

По главному фасаду — название: «Госпиталь имени Сао Сам Хтуна». Я встречал фотографию этого человека — невысокого роста, полный, с серьезными глазами. Сао Сам Хтун был одним из крупнейших князей Шанского государства. С самого начала англичане отделили шанские княжества от Бирмы, подчеркивали их особое положение, даже административно не включали в состав Бирмы. Сао Сам Хтун в отличие от многих других феодалов

хотел видеть Бирму единым государством, понимал, что мелкие интересы князей, которых задабривали англичане, должны подчиняться интересам всей страны. Сао Сам Хтун был вождем тех шанов (а таких подавляющее большинство), которые понимали, что судьба Шанского государства неразрывно связана с судьбой Бирмы, неотделима от Бирмы и что только в составе Бирманского Союза шаны могут добиться независимости и благополучия. У Сао Сам Хтуна были влиятельные враги. Феодалы опасались, что республиканское правительство ограничит средневековые права князей, дотоле ревниво охранявшиеся колониальной администрацией. И надо сказать, пока шанские князья имели власть, среди них не смолкали голоса сепаратистов, а через тайландскую границу не переставали контрабандой поступать винтовки и пулеметы. Когда нынешнее правительство пришло к власти, в тайниках феодалов обнаружили солидные запасы оружия — велась подготовка к восстанию.

Сао Сам Хтун не только принимал участие в переговорах по созданию Бирманского Союза, не только был горячим сторонником объединения всех народов Бирмы в единое государство, но и вошел во временное правительство Аун Сана и погиб вместе с ним в 1947 году.

Как-то я разговаривал с физиотерапевтом Овечкиным. Разговор зашел о Сао Сам Хтуне. И вдруг Овечкин говорит:

— А знаете, старшая сестра в моем отделении знала Сао Сам Хтуна. Хотите познакомлю с нею?

И он повел меня в большую комнату, заставленную кварцевыми лампами и другими приспособлениями его профессии. Несколько сестер в синих и красных юбках обслуживали больных, а за столом регистратора сидела пожилая женщина в зеленой юбке и белой наколке. Без сомнения, она была здесь главной. Об этом говорил хотя бы цвет юбки. Окончив медицинское училище, сестра получает право носить красную юбку — и, пожалуй, больше никаких прав пока не получает. Она живет в общежитии, даже подступы к которому заказаны мужчинам, и подчиняется строгой, почти монастырской дисциплине. Но положение сестры не безнадежно. Через несколько лет она получает право переменить юбку на синюю, выйти замуж, покинуть общежитие, рассчитывать на прибавку к заработной плате. Зеленая же юбка — форма старшей сестры, ко-

торая постигла уже все тонкости своей профессии. Для того чтобы заслужить зеленую юбку, надо работать много лет.

Итак, передо мной была сестра в зеленом. Многоопытная сестра.

Овечкин представил меня и ушел.

— Мне сказали, что вы знали Сао Сам Хтуна. Расскажите что-нибудь о нем.

— Пожалуйста, только доктор Овечкин преувеличил несколько. Я знала Сао Сам Хтуна лишь два дня, и почти все время он был без сознания. Если это и можно назвать знакомством, то это трагическое знакомство. Он умер у меня на руках. Я работала летом 1947 года в центральном рангунском госпитале. Помню, вышла с подружкой к воротам, вдруг вижу, по улице бегут люди. «Аун Сана убили!» — кричат. Мы ничего не понимаем. А народа в тот день в госпитале было много — как раз приемные часы, и у входа сидели посетители. Только что прошел дождь...

Вы знаете, конечно, что 19 июля был самым плохим днем в нашей жизни. Ну кто мог подумать, что найдется человек, который подымет руку на нашего боджока? А такие люди нашлись. Предатели. Мы-то знаем, откуда они получали деньги. Они думали, что все изменится и станет по-старому. Я помню, по улице бежали люди, плакали, и мы поняли, что это правда и что боджока больше нет. Мы тогда еще не знали, что вместе с Аун Саном погибли все его министры. Тут видим — выезжает скорая помощь. Может, он только ранен? И мы, все сестры и доктора, побежали в приемный покой. Но когда через несколько минут к госпиталю стали съезжаться машины, мы увидели, что не один боджок погиб, а и Такин Мья, и Сая Резак. И ничего мы сделать не могли. В боджока попало тринадцать пуль. Когда убийцы вошли в зал заседаний, он поднялся, обернулся к ним и поднял руку, но ничего не успел сказать.

Единственный, кто был еще жив, — Сао Сам Хтун. Его ранили в горло, и он истекал кровью. Я была опытная сестра, и я — шанка. Поэтому я дежурила у его постели. Два дня и две ночи. И мне не хотелось спать. Мы все думали, что спасем его. Но ничего сделать не смогли. Может быть сегодня, когда у нас есть лекарства и хорошее оборудование, мы его спасли бы. Но ведь тогда не было этого госпиталя и мы были очень бедны. А Сао Сам Хтун пытался узнать, жив ли Аун Сан. Но мы не сказали правды.

Вот и все мое знакомство. Дальше вы сами знаете. В Рангуне в тот же день началась всеобщая демонстрация, и, если бы англичане немедленно не дали нам независимость, мы бы ее взяли сами. Так нас учил Аун Сан. Убийц нашли и расстреляли. Правда, не нашли тех, кто им платил. В те дни мы еще не были независимы. А потом я узнала, что в моем Таунджи строится госпиталь для шанов. О таком госпитале мечтал Сао Сам Хтун. Он хотел, чтобы в Шанском государстве были больницы и школы и чтобы народ хорошо жил. Госпиталь назвали в его честь. Вот я и приехала сюда работать. Если я не смогла помочь Сао Сам Хтуну, то я помогаю нашему народу.

Когда я уходил, сестра остановила меня и добавила:

— Вы можете понять, как я благодарна вашим врачам за то, что они здесь работают. У меня даже больше оснований для этого, чем у других.

— Мы тоже все понимаем, — сказала чуть слышно совсем молоденькая сестра в красной юбке.

Но старшая сестра уже была снова строга и неприступна.

— Хватит разговаривать, — сказала она по-бирмански. — Больные ждут. Дайте вашу карточку (это относилось к молодому шану, который заслушался и совсем позабыл, что стоит посреди физиотерапевтического кабинета). Вы меня слышите, молодой человек?

Следующее утро застало нас на озере Инле. И что самое удивительное — мы стали в то утро детективным отрядом: искали человека.

Получилось так. Накануне Геннадий Григорьевич Митрофанов рассказал о своей работе. Демонстрировал фотографии, водил по палатам, знакомил с больными. Митрофанов — хирург-стоматолог, человек интереснейшей специальности, человек с золотыми руками. И чудеса, которые он делает в Бирме, разнесли славу о нем по всей стране. Больные съезжаются в его отделение со всего Шанского государства, из Дельты, из Рангуна, с Тенассерима — отовсюду.

Митрофанов — специалист по операциям полости рта. В его палатах лежат несчастные, потерявшие надежду когда-нибудь стать полноценными людьми. У них деформированы челюсти, у них трещины в небе — они уродливы, плохо говорят, не могут нормально питаться. На многих просто страшно смотреть — заячьи губы открывают провалы рта, костные опухоли перекашивают лица. Эти больные лишены возможности по-человечески жить, они сторонятся людей, и люди сторонятся их — в Бирме уродство часто воспринимается как знак немилости высших сил, и к страданиям физическим примешиваются страдания социальные.

— Особенно жалко детей, — говорит Геннадий Григорьевич. — Они еще не всегда понимают, насколько

— Открой рот, — говорит маленькой пациентке доктор Митрофанов

жестоко обошлась с ними судьба. Только знают, что сверстники сторонятся их, а взрослые жалеют, но к этой жалости примешивается презрение. Мы, врачи, работаем для того, чтобы возвращать людям жизнь, здоровье и счастье. А приносишь счастье — и сам счастлив. Ни на что не променял бы свою профессию.

В кабинет вошла сестра, ведя девочку лет пяти. За ребенком шла мама. Девочка смотрела испуганно — она

не очень доверяла доктору. Доктор делал ей больно, и даже на этот раз, хотя ей сказали, что она сегодня уходит из больницы, она не ждала ничего хорошего. Поэтому, когда ассистент Митрофанова посадил ее на колени, чтобы можно было сделать последний снимок для истории болезни, начался рев на весь госпиталь. Так ее и сфотографировали, плачущей. Обыкновенную девчущку из города Аунбан, где растут мандарины. А мать сидела рядом и смотрела на доктора влюбленными глазами. Он давал ей последние инструкции — во рту ребенка пластмассовая пластинка, которую надо мыть после еды, через два месяца надо вернуться в госпиталь и пластинку снять...

Совершенно невозможно было представить, хотя фотография Ми Ми лежала у меня на коленях, что это она была такой всего несколько недель назад. Рот и нос ее были словно разрубленные саблей, лицо походило на страшную маску, какие висят в непальских храмах. А вот сидит, ревет девочка как девочка, и мать смотрит на Митрофанова и, словно молитву, повторяет его указания. Митрофанов проверил пластинку, заставил мать несколько раз вынуть ее и вставить обратно (то-то было реву!), потом сказал по-бирмански: «Больше плакать не будем. Можно идти домой», и достал из ящика стола длинную полосатую конфету.

Ми Ми немедленно закрыла рот, слезла с коленей ассистента и взяла конфету. Повернулась и, не попрощавшись, вышла из комнаты. Мать бросилась за ней: «Скажи спасибо доктору, как тебе не стыдно!» Девочке не было стыдно. Она собиралась домой.

— Вот бирманский плохо знаю. Можно сказать, совсем не знаю. Но не хватает времени выучить. Да и стар уже. Если бы лет двадцать назад начал...

— Вы едете на конференцию в Мандалай?

— Да.

— А как ваши пациенты?

— У меня есть ассистент. Для того и учим бирманских врачей, чтобы уехать домой со спокойной совестью. Думаю, через полгода он будет работать не хуже меня. Я слышал, что вы собираетесь в воскресенье на озеро Инле. Вы не выполните одну мою просьбу?

— С большим удовольствием.

— Где-то на озере живет один мой больной. Очень сложный случай. Я ему сделал операцию, осталась кое-

какая косметика. Но все-таки волнуясь, как он там. Знаю, что раньше он жил в городе Ньяуншве. Это единственный город на озере. Но более точных координат дать не смогу. В истории болезни есть его имя — Маун Шве Ньют, шан, 19 лет. Он должен вернуться через месяц. Я бы сам съездил с вами, но не смогу, занят. Так что остаюсь здесь. Но если это вас затруднит, то не беспокойтесь. Я думаю, все в порядке и он придет в любом случае — мы с ним друзья.

Конечно, мы согласились.

На прощание Митрофанов дал нам историю болезни Маун Шве Ньюта. Парень в трехлетнем возрасте переболел меланомой (водяным раком), и после этого у него срослись челюсти. Список дефектов лица Маун Шве Ньюта занимал в истории болезни несколько строк. Но главное — он не мог есть, как все. Ему приходилось проталкивать между передними зубами рис и растирать его во рту пальцами о сросшиеся зубы. Он не мог говорить, не мог улыбаться. Люди избегали его. Никто не хотел брать его на работу, он не мог учиться, у него не было друзей. И лицо его на фотографии — озлобленное и тупое.

И другое лицо. На фотографии, сделанной в тот день, когда он вышел из госпиталя после двух операций и двух месяцев лечения. Парень как парень. Просто у него другое лицо. Но маленькая фотография недостаточно удовлетворила нас. Мы со Львом договорились, что не уедем с озера, пока не познакомимся с человеком, нашедшим свое лицо.

Шанские горы округлы и мохнаты. Длинными вереницами они тянутся на юг, к океану, — самые маленькие впереди, повыше и поугловатее — сзади. Между вереницами гор широкими пиалами лежат долины. Одна из них до краев наполнена голубой водой — это озеро Инле. Край здесь необыкновенный и чудесный, край пурпурных лилий, плавучих пагод, белых чаек и лодок, похожих на тростники, так неправдоподобно они длинны и узки. Деревни на озере гнездятся на сваях, и, куда бы ты ни поехал — в гости ли, в магазин, в школу, лодка — единственный способ передвижения. Между домами зыбко вздрагивают от набивавшей волны огороды. Они тоже плавучие. Деревни

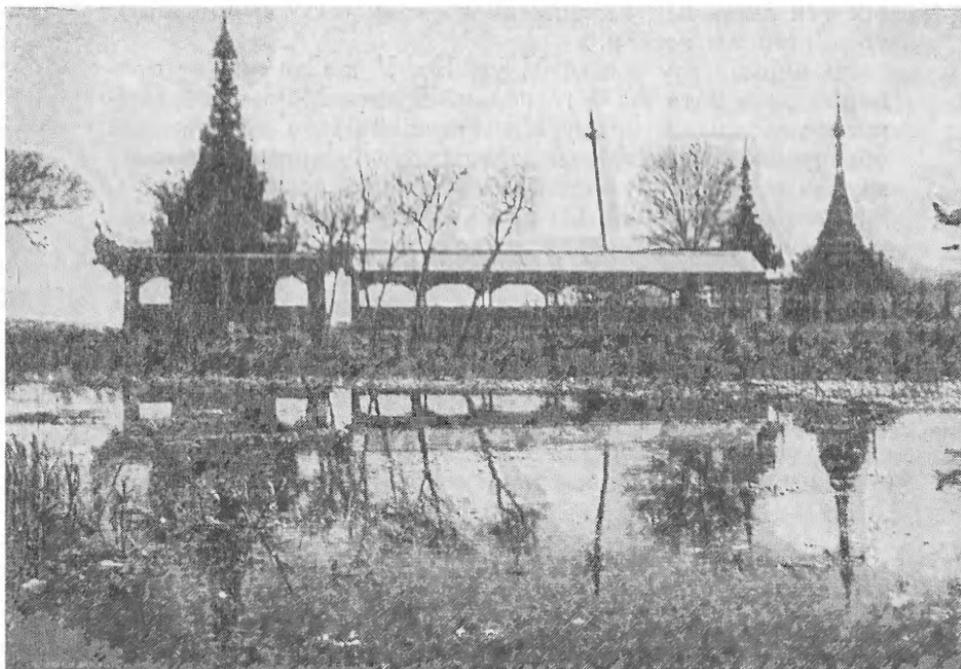
связаны узкими каналами, прорезанными в густых зарослях тростника. Встречные лодки притормаживают, разминаясь на такой дороге. Не притормозишь — зальешь соседа. Он едет куда-то всей семьей с грузом вяленой рыбы, и борта его лодки почти вровень с водой. По мелководью, продираясь сквозь тростник, бродят черные буйволы, тупые и медлительные. На спинах буйволов дремлют маленькие белые цапли.

Озеро протянулось на много километров. Оно скорее даже не пиала, а продолговатое блюдо для рыбы. А рыбы в озере много. Куда ни помотришь, рыбаки взмахивают круглыми сетками и жирные холеные чайки не спеша кружат над ними.

Посреди озера стоит на сваях аккуратный домик. Здесь останавливаются лодки, пересекающие озеро. Чаще туристы или туанджийцы, приезжающие на воскресенье. Здесь же раз в году проходят известные в Бирме соревнования, гонки на лодках. Гребцы мерно взмахивают ногами, толкая весло ступней, их десять-пятнадцать в каждой лодке, стоят они вереницей — в лодке-тростинке два человека рядом встать не смогут.

Но в тот день, когда мы приехали сюда в поисках Маун Шве Ньюнта, на озере стояла голубая прохладная

Озеро Инле.

тишина. Только длинные водоросли вяло шевелились у самой поверхности воды, когда проплывал верткий малёк.

В дымке у воды расплывались далекие пагоды и вершины пальм. В деревнях на озере живут не только рыбаки, селения озера Инле славятся еще ткачами — лучшие юбки-лоунджи ткут мастерицы в темноватых домах на сваях. Они работают целыми днями за один джа в день, и деревянный стук бабушкиных станков далеко разносится по озеру. Здесь же, в других домах, работают чеканщики — сюда привозят из города тяжелые серебряные заготовки, похожие на ночные горшки без ручек, обратно в город увозят замечательные бирманские кубки и чаши. Можно часами любоваться сказочными зверями и вполне реальными сценками бирманской жизни, вычеканенными на чашах.

Город Ньяуншве наполовину вошел в озеро, оставшись частью на прибрежной равнине, прорезанной каналами и заросшей редкими деревьями. Нас охватило сомнение, найдем ли мы человека в этом переплетении улиц и каналов, горбатых мостов и облезших пагод.

Мы остановились перед неизбежным китайским ресторанчиком с бахромой оципаннных кур и уток перед входом и пошли наводить справки. Хозяин ресторана был исключительно вежлив, но помочь ничем не смог. Он не знал ни одного Маун Шве Ньюнта. Он, правда, знал Ко Шве Ньюнта, двух У Шве Ньюнтов и Сая Шве Ньюнта, но все эти люди нам не подходили — они были явно старше того, кого мы искали.

В бирманском языке Маун, Ко, У и Сая значат примерно одно и то же — господин. Только Маун — обращение к молодому человеку, Ко (старший брат) — дружеское обращение, У (дядя) — почтительное обращение к старшему или незнакомому человеку, а Сая называют учителей и других ученых людей. По началу бирманского имени можно уяснить себе возраст человека и даже степень уважения, которой он пользуется хотя бы в глазах того, кто о нем говорит. Наш же знакомый был Мауном — не дорос еще до прочих степеней. Эти обращения отражают и общественное неравенство. Часто крестьянин всю жизнь так и остается Мауном. Маунами остаются слуги — общество-то классовое.

Хозяин ресторана позвал повара и поваренка. Подошли немногочисленные посетители. Мы постояли минут

пять в центре жаркой дискуссии, в ходе которой спорщики совершенно о нас забыли.

Лев осторожно оторвал хозяина ресторана от его собеседника и спросил негромко:

— А может, кто-нибудь знает Маун Шве Ньюнта, который лечился в Таунджи и вернулся недавно оттуда? Там ему сделали операцию и исправили лицо.

— Так что же вы раньше не сказали? — воскликнул повар. — Так бы и сказали — Маун Шве Ньюнт. Все его знают. Кто его не знает? Я вас провожу.

— Мне туда по дороге, — сказал высокий шан.

— Да я там живу, — сказал еще кто-то.

В машину поместилось восемь человек.

— Налево!

— Направо!

— Налево! — кричали нам пять человек на четырех языках.

И мы приехали на лодочную пристань.

Здесь работает Маун Шве Ньюнт.

— Видишь, первый результат нашей поездки, — сказал Лев, — можем передать Митрофанову, что парень нашел работу.

— Маун Шве Ньюнт? Только что был здесь, — сказал заведующий станцией проката лодок. — Маун Шве Ньюнт! — высунулся он из своей будки.

Лодочники закричали что-то в ответ по-шански.

— Только что уехал, — сказал заведующий.

— Куда?

— По озеру с туристами.

— А когда вернется?

— Часа через три-четыре. Они пройдут до конца озера, посмотрят пагоду, мастерские, а потом обратно.

— Мы их сможем догнать?

— Вон стоят свободные лодки. А если приплатите немного сверх таксы — получите лодку с новым мотором.

Мы приплатили немного сверх таксы и сели в лодку.

Зрители разошлись, и лодка, набирая скорость, нырнула под горбатый мостик.

Началась погоня. Сначала была только стена тростника, из которой лениво взлетели привыкшие к моторкам утки, потом тростник разбежался в стороны, остался позади, и мы очутились посреди голубой равнины. Горы по сторонам были далеко, так что домики и пагоды казались

детскими кубиками, а впереди вода не кончалась и незаметно переходила в небо. Несколько точек перед нами — лодки. Какая из них увозит парня?

Мотор в самом деле оказался сильным, и вскоре мы начали обгонять моторки, идущие к другому берегу озера. Мы обгоняли лодки, груженные мешками и корзинами, — моторы на таких слабые, старые. Обгоняли рыбацкие лодки — эти совсем без мотора, на корме стоит гребец и ступней толкает весло. Обгоняли лодки с туристами и паомниками-таунджийцами, приехавшими на озеро в воскресный день.

Но наш моторист оставался спокоен. И если кто-нибудь оборачивался к нему — не ту ли лодку мы догоняем? — он, не вынимая изо рта черута — толстой бирманской сигары, отрицательно качал головой и улыбался.

Через несколько километров озеро начало мелеть. Снова пошли островки водорослей, показался над водой шпиль далекой пагоды и дома на тонких ножках. Снова мы оказались среди стен тростника, только на этот раз ненадолго — мы ехали по деревне. Был базарный день, и люди в лодках принарядились. Тут были не только озерные шаны и бирманцы из города. Короткая черная накидка и большой белый тюрбан на голове — едут таун ту, горные шаны. А вот совсем редкое и, можно сказать, экзотическое зрелище — падауны. В лодке несколько женщин и девушка.

Почему о падаунах пишут исследования этнографы, почему их фотографируют корреспонденты, неделями добываясь до падаунских деревень? Падауны окружены таким вниманием любителей экзотики, что уже выработана такса: хочешь сфотографировать — плати джа, фотографируешь группу — плати по пятьдесят пья каждой.

И все из-за нелепого и жестокого обычая, который уже отмирает, но полностью еще не изжит. Когда падаунской девочке исполняется восемь лет, на шею ей надевают медный обруч. Потом еще один, пока верхний не упрется в подбородок. С возрастом число колец растет, и под их давлением шея вытягивается до пятнадцати, а то и двадцати сантиметров. Падауны считали, что это украшает женщин, но если так, то это самая жестокая пытка, которой подвергают женщины ради красоты. Когда смотришь на падаунскую девушку, кажется, что голова ее не соприкасается с телом — уж очень далеко от подбородка до плеч.

Женщина несет голову откинутой назад и на всю жизнь лишена возможности наклонить ее; кроме того, медные кольца очень вредны для кожи. Женщины падаунов долго не живут. А снять кольцо они не могут — шейные позвонки разошлись и уже не держат голову. Если снять кольца, женщина погибнет. Говорят, раньше у падаунов был обычай: неверной жене снимали кольца с шеи.

Нам особенно приятно было видеть в лодке рядом с изуродованными женщинами девушек уже без колец. От этого они были не менее привлекательны, и, по-моему, старшие им завидовали.

Горных племен в Бирме очень много. Они находятся на разных ступенях общественного развития, но центральное правительство Бирмы и власти на местах стараются по мере сил максимально сократить и облегчить их переход к современной жизни. Некоторые племена, особенно в Северной и Западной Бирме, живут в малодоступных горных долинах. Они изолированы так давно, что, например, в Чинском округе каждая деревня говорит на своем диалекте и часто жители соседних селений с трудом понимают друг друга. От деревни до деревни надо идти десятки километров, через горные хребты, через леса. Узкие тропы в дождливый сезон почти непроходимы.

Чтобы дать представление о том, как труднодоступны и неисследованы бирманские горы — а это больше половины территории страны, — можно рассказать о таком недавнем случае.

Лететь в Бирме в муссон — занятие рискованное и очень неприятное. Тяжелые дождевые и грозовые облака висят над страной, и для маленьких «Дакот» бирманской гражданской авиации даже небольшие перелеты порой оказываются роковыми. Если к этому прибавить, что метеорологическая служба слабо развита и система оповещения не всегда срабатывает вовремя, можно представить риск, на который ежедневно идут пилоты, пробираясь буквально между горами в сплошном тумане, проваливаясь в воздушные ямы и делая по несколько заходов, прежде чем нащупают посадочную полосу.

В июне «Дакота» с пятнадцатью пассажирами на борту вылетела из Мьичины, столицы Качинского государства, и взяла курс на Путао — один из самых северных пунктов Бирмы. Сесть в Путао самолет не смог.

**Затейливые чаши выходят
из рук чеканщиков по серебру**

Последняя радиограмма с борта говорила о том, что пилот решил повернуть к Мьичине. Больше никаких сведений не поступало. В тот же день начались поиски как в Бирме, так и в Китае — Путао близко от границы, самолет мог упасть в таких же безлюдных и труднодоступных горах Юньнани. Поискам мешали дожди и туманы, но по обеим сторонам границы розыски не прекращались почти месяц. В них участвовали самолеты и вертолеты, поисковые партии и отряды местных жителей. Давно уже все потеряли надежду, что хоть кто-нибудь из пассажиров или экипажа остался в живых, но поиски не прерывались. И вот через месяц одной из китайских партий удалось найти остатки самолета в районе китайско-бирманской границы. А ведь в поисках участвовали десятки самолетов и сотни людей. Таковы бирманские горы.

В горах еще можно встретить стада слонов, качинские охотники и охотники племен нага преследуют их с копьями и стрелами. Только недавно бирманскому зоопарку удалось раздобыть быка «такина» — об этом животном известно давно, оно не так уж и редко в северных горах, но поймать его или хотя бы увидеть до последнего времени ученым не удавалось.

И все-таки, несмотря на все трудности, жизнь меняется и в горных селениях. Почти в каждой деревне школа, в каждом городке больница. Один чинский политический деятель сказал мне как-то:

— Еду ругаться в министерство просвещения. По вине книжного магазина «Ава-хауз» в дальних деревнях учебники не успели к началу учебного года. Разве не безобразие?

А этот чин научился читать, когда ему было под тридцать, да и то только после того, как добрался до Рангуна. Это было двадцать лет назад.

Наша лодка проталкивалась к причалу у большой пагоды Индаина. Ступени к ней казались мозаикой: они были завалены шанскими сумками — вся Бирма носит их через плечо, сложенными юбками, серебряными чашами, подносами. По лестнице потоками и струйками текли люди. Горцы звенели украшениями, и предприимчивый толстяк поставил неподалеку рулетку. Горцы верили ему и клали

монеты в секторы круга. Рулетка была беспроегрышной — для ее хозяина.

Один из мотористов сказал, что Маун Шве Ньюнт увез туристов на ткацкую фабрику.

С его лодкой мы встретились на узкой улице, вернее, на узком канале. Наш моторист вынул черут изо рта и сказал:

— Маун Шве Ньюнт. Остановить его?

Мы еще не видели человека на корме, но туристы в лодке были уже хорошо видны. Они заметили, что наша лодка затормозила и закрывает им путь, высунулись из-под тента, и вдруг я услышал:

— Игорь! Какими судьбами? Как ты нас нашел?

Русские слова стукались о стенку тростников и легкие стены домов и распугивали непривычных к русскому языку чаек.

Оказалось, в лодке едут московские знакомые.

— Нет, надо же, — говорили мы, обнимаясь над полосой воды между лодками, — подумать только... как мал мир...

Хотя мы и не нашли соответствующих торжественности момента слов, сам момент весьма характерен. Он свидетельствует о том, что мир в самом деле мал. Встретить знакомых на озере Инле, в Шанском государстве Бирманского Союза, в местах, о которых до сих пор журнал «Вокруг света» не отказывается писать в разделах о чудесах света, это что-нибудь да значит. Как недавно Бирма, не говоря уже о Шанском государстве, была для нас краем отдаленным и неизвестным. Последние восемьдесят лет Бирма была английской колонией, и после Минаева мало кто из русских там побывал.

До середины пятидесятых годов мы недостаточно проявляли внимания к Бирме, как и ко многим странам Азии, мало изучали ее историю, культуру, мало знали, как живут ее народы.

Второе открытие Бирмы приходится на годы независимости страны. Тогда мы впервые услышали о партии такинов, о генерале Аун Сане и борьбе с японцами, о бирманских горах и чудесных пагодах. В 1955 году впервые обменялись визитами руководители наших стран, в этом же году было подписано торговое соглашение, а в 1957 году — соглашение об экономическом сотрудничестве. Теперь Бирма для нас совсем не та, что была двадцать или

даже десять лет назад. Все больше сближаются наши страны, больше бирманцев бывает у нас, и чаще можно встретить гостей из Советского Союза в Бирме. И нет ничего удивительного, что я встретил друзей на озере Инле. Почему бы им там не быть? Ведь это одно из самых красивых мест в Бирме, его стараются показать каждому гостю.

Наконец я догадался, что висеть в воздухе между двумя лодками — не самое удобное времяпрепровождение. И вспомнил, зачем мы преследовали эту лодку. Я взглянул на лодку с туристами и обнаружил, что там сидит со свежим черутом во рту моторист с нашей лодки. Обернулся назад и увидел, что Лев разговаривает с парнем, который сидит на месте нашего моториста.

Тут я впервые разглядел его. Правда, Митрофанов показывал нам фотографии — строгие клинические фотографии. Но совсем другое дело, когда перед тобой сидит живой человек и говорит, щурясь от голубого солнечного света. Щека, подбородок и нос Маун Шве Ньюнта темнее, чем кожа на других частях лица. Это все, что осталось от прошлого.

И он улыбается.

Я распрощался с туристами (мы договорились встретиться вечером в Таунджи) и перебрался поближе к корме, чтобы принять участие в интервью. Не совсем обычном интервью, хотя вопросы были самыми обыкновенными.

— Как вы себя теперь чувствуете?

Оказывается, парень знает немного английский.

— Хорошо.

Наступает молчание. Парень смущенно улыбается, его английский не дает возможности рассказать все, что он хочет, а наш бирманский ограничивается немногими элементарными словами.

На помощь приходит моторист с черутом. Он подогнал лодку поближе, корма к корме.

— Когда собираетесь обратно в госпиталь? Доктор Митрофанов просил напомнить, что он ждет вас.

— Через месяц приеду. Доктор сказал, что никаких следов не останется.

— У него девушка есть, — вмешивается наш моторист. И смеется. — Жениться собирается. А раньше девушки не смотрели. Ну не смотрели на тебя девушки? — Оба хохочут.

Недоумевающие туристы оборачиваются. Но наш моторист не спешит.

— А правда, что доктор одной женщине из Таунджи ребро вставил вместо челюсти? Маун Шве Ньюнт рассказывал.

— Правда.

— А правда, что Маун Шве Ньюнту кожу на лицо с живота поставили?

— Тоже правда.

— А мы ему не верили.

— Я же вам показывал.

— Ну, то ты показывал. Что ты еще хочешь сказать нашим друзьям? — Мотористу надо ехать.

Маун Шве Ньюнт улыбается. Он часто улыбается. Правда, улыбка еще не совсем настоящая. Улыбаться ему непривычно. Он еще приучает к этому мышцы лица. Но улыбаться ему нравится.

— Я сам еще доктору расскажу, когда приеду.

Мы еще раз встретились на озере с туристами. В пагоде. Наша лодка подошла к причалу, и туристы, которые подъехали сюда раньше, позвали нас наверх.

— Здесь такой чудесный вид.

Вид и в самом деле был великолепный. Мы тоже фотографировали голубые горы и чаек, монашат в оранжевых тогах и ленточки каналов между домами. Пагода в Индаине отличается от обычных бирманских пагод. Это скорее помесь пагоды и навеса над позолоченными буддами. Будд пять, и каждый из них так густо покрыт золотом (лепестки сусального золота можно купить тут же, рядом), что фигуры потеряли первоначальные формы. Раз в год, во время фестиваля огня, эти статуи разъезжаются на баржах по деревням — редкий случай, когда боги официально наносят визиты своим подопечным. Считается, что после такого визита жизнь в деревне должна стать лучше.

Когда мы вернулись к лодке, Маун Шве Ньюнт, поджидавший нас, достал из-под сиденья только что купленную шанскую сумку.

— Передайте, пожалуйста, доктору. Пускай ждет меня через месяц.

Кончая рассказ о госпитале, — завтра в Мандалай, — хочу сказать еще об одном враче, Матвееве, процитировать слова некоторых бирманцев, заглянуть в письма, которые он получает от своих бывших пациентов. Такие письма получает не только Матвеев — получают их все наши врачи. Но так уж получилось, что Матвеева мы застали как раз в тот момент, когда он читал эти письма. Клянусь, это было именно так. Мы вошли в кабинет к Матвееву, а он читал письма. Рядом сидела медсестра отделения и переводила некоторые из них с бирманского или китайского на английский.

Матвеев — ученый, отоларинголог, хирург и изобретатель. Вот пример. Операции в лобной пазухе очень болезненны — приходится пробивать лицевую кость при помощи специальной стамески и молотка. Никакой наркоз не спасает от сильной боли. Как справиться с этим? И Матвеев, большой сторонник «щадящей хирургии», приспособил к сконструированной им фрезе маленький электромотор. Аппарат работает, как бормашина, и в течение полутора минут просверливает аккуратное отверстие в кости. Таким образом, самая мучительная стадия операции сходит на нет. Матвеев провел по своему методу более семидесяти операций — и все успешно, без единого осложнения. Два бирманских врача уже освоили метод Матвеева, и один из них, У Вин Швин, работает отоларингологом в соседнем районе.

Люди, которых лечил Матвеев, лучше могут судить о нем, чем я. Вот что они говорят:

«Я никогда не забуду Ваших усилий, — пишет У Мьин Хан из южного города Мергуи, — чтобы восстановить мое здоровье. В признание Вашей великой доброты позвольте мне пригласить Вас нанести визит нашему городу в удобное для Вас время. Не будет бóльшего счастья для меня, чем принять Вас у себя на родине». Другое письмо, из Рангуна: «...Я хочу, чтобы Вы поверили, что сколько бы я ни прожил на свете, я никогда не забуду Вас, человека, который вернул меня к нормальной жизни...»

Наверняка на столе у доктора Матвеева накопилось много новых писем с тех пор, как мы покинули Таунджи.

Когда мы ехали в госпиталь накануне отъезда, «Волга» была на профилактике и нам дали госпитальный ЗИМ. На тротуаре пожилая женщина с большой корзинкой в руках помахала нам рукой. Остановились.

— Не подвезете меня до госпиталя?

Таунджи — город маленький, все машины наперечет, и если едет вниз по улице — значит, в госпиталь.

— Меня зовут мисс Годвин, я учительница здешней школы. Вот еду к доктору Матвееву. То есть не столько к доктору Матвееву, сколько к Ма Кин Кин. Вы не знаете Ма Кин Кин? Но вы наверняка должны знать доктора Матвеева. Ну вот, я так и думала. Он лучший доктор, которого я знаю, и самый добрый. Уж можете поверить — я чуть не умерла. И в Рангун ездила и даже в Индию собиралась, но мне говорили — ничего не получится. Терпите. И вы можете поверить, я уже собралась умирать. Задышалась, по ночам не спала. Сколько мне лет, как вы думаете? Вот и не угадали. Мне сейчас сорок пять, а год назад было шестьдесят с лишним. Нет, какие тут шутки! Это чудо. А теперь почти каждый день бываю в госпитале. Вы разве не знаете, летом, после каникул, доктора провели обследование учеников всех школ Таунджи? Это было невиданно! А потом начали лечить всех, кому требовалась помощь. Говорят, у вас в России такие осмотры проводятся регулярно. Это замечательно! Две мои ученицы лечатся теперь у доктора Матвеева. Вот везу им мандарины. В Таунджи самые лучшие в мире мандарины. Вы не знали? Ах, да, вы приезжие. Спасибо большое, что довели. Если завтра будете в госпитале, увидимся. Я каждый день здесь бываю после школы.

И мисс Годвин застучала каблуками по широкой лестнице.

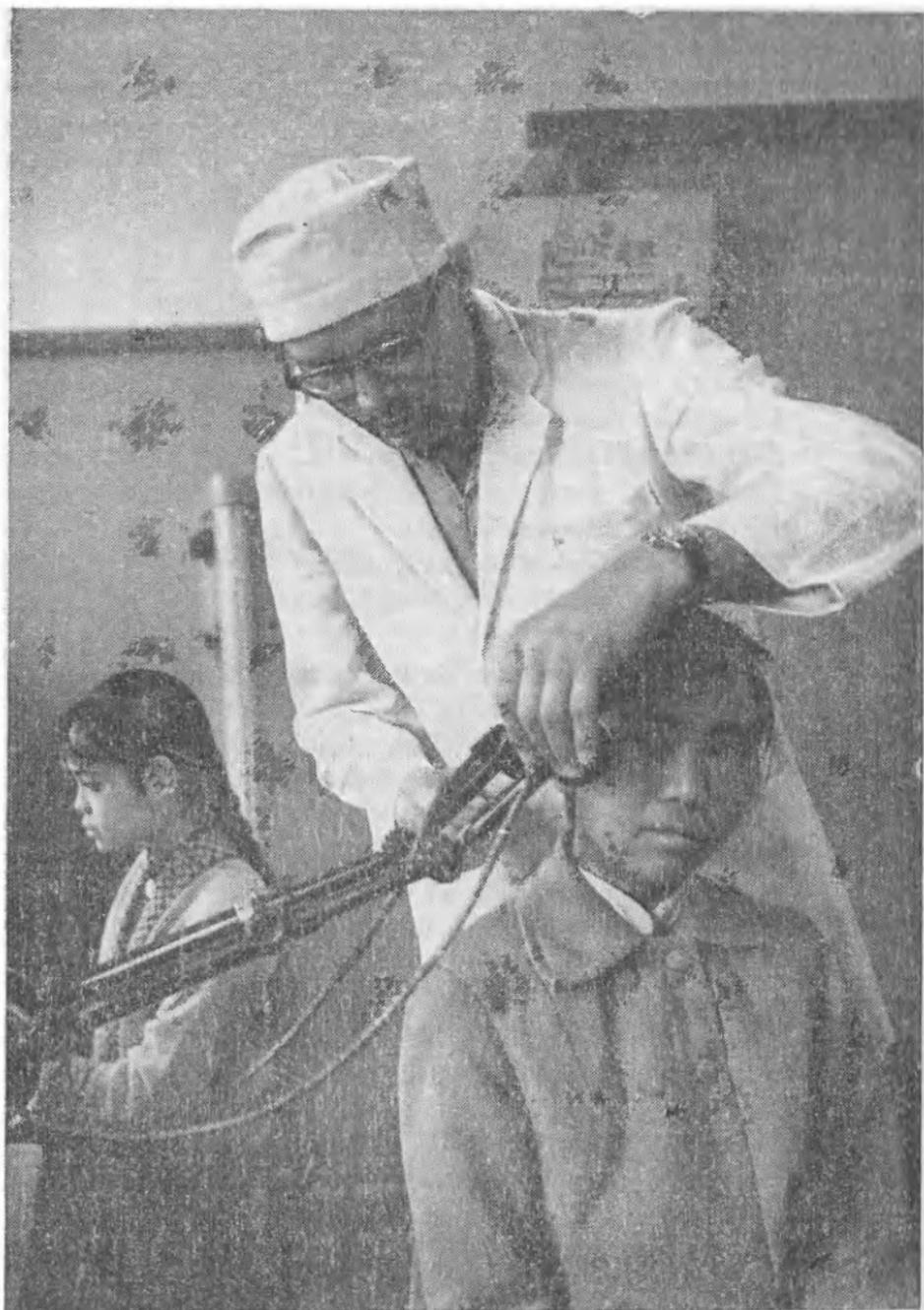
У этой лестницы мы встретили По Хла. Правда, мы тогда еще не знали, что его зовут По Хла. Он стоял у двери, в широкополой шляпе, с шанской сумкой через плечо. Рядом была сестра в красной юбке.

— Извините, — сказала она, — этот человек узнал, что вы из Рангуна, и у него есть к вам просьба. — Сестра хихикнула, как будто просьба казалась ей странной.

По Хла достал из сумки листок бумаги, вырванный из тетради в клетку.

— Он просит вас напечатать в газете его стихи. Ему не нужны деньги. Он писал, пока лежал у нас в госпитале, а теперь возвращается в деревню.

По Хла передал нам листок, сказал «спасибо» и покинул нас. Больше мы его не видели. В том, что крестьянин в Бирме пишет стихи, нет ничего удивительного. Даже

Физиотерапевт Овечкин в своем кабинете

в самой глухой бирманской деревне много грамотных. Буддийская страна — здесь испокон веков в монастырях ребяташек учили читать и писать. А теперь и говорить нечего. Школа в каждой деревне. Музыка и поэзию бирманцы очень любят. И поэтов на душу населения больше, чем в любой европейской стране.

Стихи были напечатаны в газете:

*Бирманский крестьянин
в Таунджийском госпитале*

Бедный бирманский крестьянин
С проломленной головой
Пришел в Таунджи, в госпиталь.
Его одежда была изорвана и забрызгана грязью,
И тело его было немытым.
Он хотел убежать, когда увидел,
Как чисты в госпитале стены и вода течет по трубам
В белые умывальники.
И даже в своей палате он мог повернуть кран,
И холодная вода,
И горячая лилась — стоило пожелать.
И еще была кнопка — вызвать сестру,
И простыни были белыми.
Но никто не пришел навестить его,
Никто не принес ему из дому вкусных вещей.
Вдруг совсем незнакомый человек,
Иностранец,
Русский доктор
Подшел к его изголовью и спросил о здоровье,
Как спрашивает близкий друг,
И стало легко.

Да, все-таки мир мал. Последним вечером в Таунджи я шел по узкой улочке в гостиницу к нашим туристам. Очень тихо, очень много звезд и светлый дом под горой. Холодно и сосны. А в пустой гостинице, в холле, где пахнет недавно потушенными свечами, — Рождество, и с потолка свисают сморщившиеся воздушные шары. Заспанный бой показал мне комнату, где остановились наши Саплина и Поповкина. Саплина лежала на кровати с красной распухающей щекой. Обгорела на озере Инле. Через три дня они вернутся в Москву, позвонят к нам домой и скажут, что все в порядке. А я в то время буду в Мандалае.

Когда еще не рассвело толком, мы прощались с Таунджи и Шанскими горами. На рынке было так много мандаринов, что, казалось, там уже взошло солнце. Мы завалили мандаринами заднее сиденье, где лежала молодая сосенка — ее принесли знакомые бирманцы. Будет чем встретить Новый год в Рангуне. В «Волге» хорошо пахло — Новым годом, хвоей и мандаринами. К рынку съезжались повозки с астрами. Ранние покупатели уносили белые и красные букеты.

Дороги хороши рассветами. Рассветы — особенным, острым чувством, когда, еще не полностью очнувшись, воспринимаешь все до самого сердца.

Мы едем по бирманской дороге в Мандалай.

И мелькают картины. Их только нужно увидеть. Не пропустить.

Здоровые грузовики, перегруженные мешками и ящиками, едут с зажженными фарами — даже днем. Это значит — они не могут тормозить. Отъезжай в сторону, пропусти их. Вот воинская часть переезжает куда-то. С классной доской, вывеской с гербом, бильярдом.

Опять остовы танков и броневиков. Война прошла еще так недавно, что следы ее встретишь обязательно, куда бы ни поехал.

Кладбище у дороги. Неогороженное, поросшее сорняками. Нет культа мертвых. Памятники просты, как кирпичные столбы заборов.

Повозки, арбы. Не любят ездить поодиночке, чаще вереницей. И даже если одна повозка — сидят двое. Муж и жена. В Бирме женщины более равноправны, чем в других восточных странах. Женщина, выходя замуж, не меняет имени, оставляет за собой право на имущество и, если супруги разводятся, берет с собой свою часть. Но разводятся редко. Брак не церковный, не официальный. Собираются родственники и благословляют молодых. Много браков по любви. И любят детей. Никогда не видел, чтобы бирманец ударил ребенка. Много женщин-чиновников, много женщин в торговле. До Мья Мья — хозяйка типографии «Сабе» в Рангуне — управляет всеми делами, получает деньги, расширяет бизнес. Муж ее работает метранпажем и увлечен политикой. Никто в этом не видит ничего противоестественного. До Мья Мья умнее и энергичнее — значит, ей и карты в руки.

Хорошо, что я еду с фотоаппаратом. Это заставляет внимательнее вглядываться в окружающий мир. Но все время преследует тоска по упущенным кадрам.

В дороге встречаем закат, совсем неправдоподобный. Слоеное небо — алое, желтое, зеленое. На нем темно-изумрудные в синь силуэты пальм. И горы на горизонте — кобальт. Много раз писали о людях, больных Арктикой. О том, как завлекают на всю жизнь снежные просторы. Наверно, так же могут завлечь и тропики.

В сумерках шакал ушел с дороги, встал у обочины, ждет, пока проедем, и скалит лисью морду.

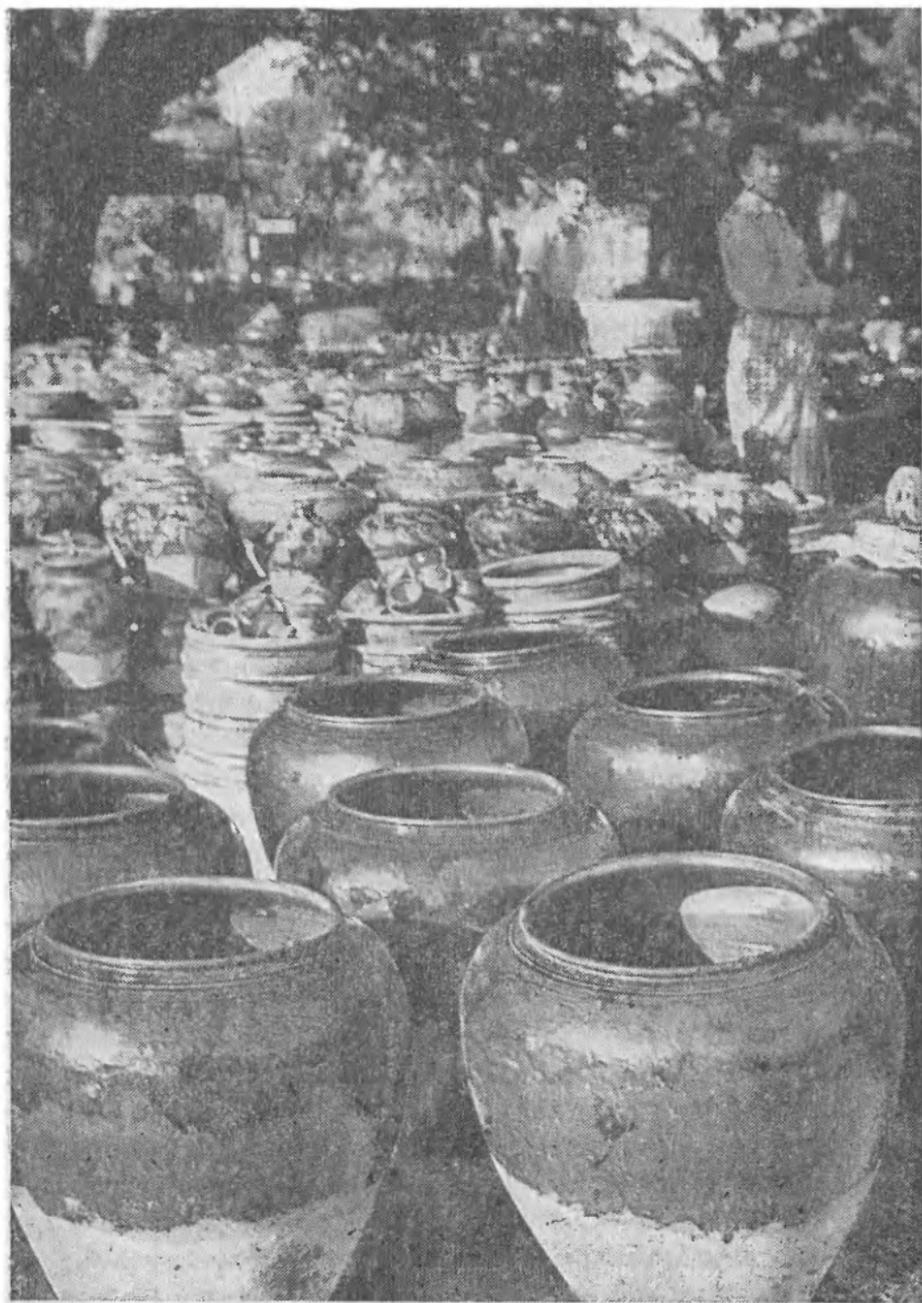
И пагоды вдоль шоссе. Египетские фараоны никогда не осмеливались предпринимать ничего подобного строительству Пагана. Каждый храм требует труда немногим меньше, чем пирамида. Каждый строился два-три года, вызывая напряжение всех сил страны.

Пагод попадаетея все больше. Приближаемся к Мандалаю. Здесь, неподалеку от него, в Амарапуре, Аве — везде были бирманские столицы. Каждый король после Пагана строил себе новую столицу. Новые пагоды, новый дворец, новые дома. Тоже невероятная трата человеческих сил и времени. Теперь за пагодами виднеется даже в ночи светлое здание. Наверное, госпиталь. Или школа. В любом случае целесообразнее, чем пагода. Теперь пагод строят меньше. Люди стали рациональнее, больше знают, и монахов сейчас меньше, чем сто лет назад, гораздо меньше.

Вот и Мандалай. Город в прошлом году отпраздновал свое столетие. Но никогда не поверишь, что он так молод. С какой бы стороны ни подъезжал к нему — руины и руины. Паган строили солиднее, добротнее. Часто его храмы новей и целей, чем пагода на окраине Мандалая. Руины быстро зарастают травой, кустами, бамбуком и придают этому городу обманчиво древний вид.

Но если попадешь на мандалайскую улицу — впечатление иное. Улицы прямые — город, распланированный прямоугольниками во время Миндона, сходится ко рвам королевского дворца. Дворец сгорел в последнюю войну. Его бомбили японцы, бомбили англичане. От дворца остался квадрат стен — каждая сторона длиною в милю — да еще невысокие башни и ров, заросший кувшинками. Говорят, раньше во рву, наполненном водой, держали крокодилов, чтобы никто не посмел его переплыть. Теперь крокодилы вымерли. Между стенами дворца и рвом тянется детский парк. Фанерные жирафы и слоны самых фантастических цветов, качели и грибки. На днях я прочитал в газете, что дворец будут восстанавливать.

А над городом господствует гора, окруженная пагодами. На гору ведет девятьсот ступенек. С вершины виден весь Мандалай. Хоть он и второй по величине город в Бирме, хоть в нем около трехсот тысяч жителей, он не производит впечатления большого города. Он невысок, дома в основном двухэтажные, мало машин на улицах, зато, правда, много велосипедов. Центральная часть главной, базарной, улицы отведена под велосипедную стоянку. Мандалай всегда считался традиционным национальным центром собственно Бирмы. Не Бирманского Союза, а именно Бирмы. К Мандалаю тяготеют центральные и северные районы страны. И это хорошо видно по тому, какие газеты там читают. Севернее, восточнее и западнее Ман-

**Прямо у дороги — базар.
Здесь — царство гончаров**

далая и километров на сто южнее в киосках и чайных лежат «Люду» и «Бахоси» — мандалайские газеты. Южнее — рангунские. Являясь традиционным центром страны, Мандалай долгое время оставался и центром религиозным. Теперь же он может похвалиться большим университетом, медицинским училищем, крупными железнодорожными мастерскими. И первой в стране МТС. Она, правда, уже не единственная, но история ее примечательна, и мы давно собирались туда заехать. Тем более что должны были повидать У Эй Маун. По просьбе механика с государственной фермы. И по просьбе нашего торгпредства.

Но события нас опередили. Мы только встали утром и собирались на открытие всебирманской конференции врачей, как в номере раздался телефонный звонок.

— Вас беспокоит У Эй Маун. Директор мандалайской МТС. Мне сказали, что в Мандалай приехали русские из Рангуна.

— Да. И мы собирались заехать к вам после обеда.

— Вот и хорошо. А то я волновался, что вы не привезли учебника для трактористов. Вы привезли ведь?

— Привезли.

— Ну, тогда все в порядке. Жду вас после обеда. А еще лучше — отобедайте со мной. Как?

— Договорились.

После сдержанного гудения конференции врачей, аплодисментов, споров у стендов, после цветастых ларьков медицинских фирм мандалайская МТС показалась тихой, заснувшей, пустой. У Эй Маун, бирманец, похожий на ирокеза, подтянутый, сухой, с изящными руками музыканта, ждал нас у въезда на станцию.

— Жена у меня уехала к родственникам, поэтому предлагаю отправиться в китайский ресторан, тут же, недалеко.

Мы устроились на веранде ресторана, и когда кончились взаимные вежливые расспросы о дороге, о погоде, У Эй Маун отодвинул в сторону блюдо с креветками и сказал:

— Может, я покажусь невежливым, но меня так интересует учебник, что прошу — покажите. Правда, он с вами? Я его уже месяца три жду. Организовали школу механизаторов, а теории обучать не могу. Спасибо вашему торг-

преду Сурина, что не забыл меня. Ведь скоро придут ваши тракторы — тысяча машин. Представляете, что будет, если не подготовим настоящих водителей?

Лев достал учебник. Между его страницами лежали листки с переводом.

— Еще раз спасибо. Пустим в дело завтра же. Вы принесли хорошие вести, я вам обязан. Что хотите, спрашивайте.

— Расскажите нам, У Эй Маун, о вашей станции. Как она появилась на свет, как работает.

— Давайте поделим тогда рассказ на две части. Сейчас расскажу об истории, потом поедем на станцию и посмотрите, как она работает. Там и закончим. Тем более, через сорок минут кончается обеденный перерыв, а начальнику неудобно приходить на работу позже подчиненных, даже если у него гости из Рангуна.

Началась история нашей станции в 1957 году. Тогда правительство пригласило советского эксперта, чтобы выяснить возможности организации машинно-тракторной станции. У вас самый большой опыт по этой части. И уже тогда в правительстве шли споры — каким путем пойдет сельское хозяйство Бирмы. Нашлись влиятельные люди — сторонники социалистического опыта. Первым приехал в Мандалай советский инженер-плановик, который должен был на месте решить, как лучше организовать станцию, с чего начать, как использовать достижения советских механизаторов в условиях Бирмы. Мы с ним исколесили всю область, беседовали с крестьянами, смотрели, как они ведут хозяйство. Обедали у них, по неделям спали в крестьянских домах. Даже сейчас, если еду по деревням, крестьяне спрашивают: «А не приедет ли русский старик? Он не гнушался нашей едой и нашей крышей, он давал нам мудрые советы, и мы ждем его снова». Когда мы составили план будущей станции, эксперт вернулся в Советский Союз. А через некоторое время туда поехал и я. Я объездил советские МТС, побывал на заводах, в школах механизаторов, в Министерстве сельского хозяйства. Знаете, я был в Москве как раз, когда в космос запустили Лайку. И был на Красной площади в те дни.

— А снова в Москву не собираетесь?

— Пока некогда. Я приеду так, чтобы попасть на Красную площадь в тот день, когда ваша ракета полетит на Луну.

В пятьдесят восьмом станция вступила в новый этап. Приехал Ширшов — специалист по сельскохозяйственной технике. Прибыли первые машины. Ширшов вместе со мной учил первых механиков. Ну, и тракторы вышли в поле. И с тех пор работают. Вот.

— А как крестьяне относятся к тракторам? Работы для них хватает?

— Не все сразу. Пришлось учить, пришлось спорить. Думаете, у нас нет своих реакционеров? Говорили: «Бирманскому крестьянину свойствен консерватизм. Он никогда не пойдет на то, чтобы расстаться со своими волами». Ничего подобного, расстаются на глазах. Хорошо. Теперь пойдем на станцию. Сначала в наш штаб.

Управление станции — три большие комнаты. У Эй Маун провел нас в самую большую, где во всю стену висит большая доска-схема.

— Я ее увидел на одной из ваших станций и сразу решил сделать такую у себя. По вертикали — районы. И видно, какой процент работ завершен, что осталось. По горизонтали — техника: где какие тракторы, нужен ли им ремонт, где находится наша передвижная мастерская. Я показываю эту схему как доказательство главного, чему мы научились у советских друзей, — плановости в работе. Мы — пока единственная станция, которая живет не от заказа к заказу, а планирует работу на год вперед. Мы уже сейчас знаем, где какие машины будут работать через полгода, летом, осенью. Можем распределить машины по районам так, чтобы прогоны тракторов были минимальными, заранее договариваемся о постое для трактористов — и из всего этого только польза для дела.

К У Эй Мауну подошел клерк:

— Вас ждут...

— Пойдемте ко мне в кабинет. Там мой клиент сидит. Один из новых. Интересно будет познакомиться.

В кабинете сидел пожилой солдат. Каску он снял и держал на коленях. Погоны были спороты, и на плечах ткань была темнее. Солдат держал большой лист бумаги с несколькими печатями.

— Познакомьтесь. Председатель кооператива ветеранов. Демобилизованные солдаты получили землю у правительства, построили дома. И с самого начала было договорено, что обслуживать их будет наша станция. Волами они даже не стали запасаться. Не так ли?

— У нас кооператив, зачем нам волю? Только воду на них возить. И то старый грузовик есть. Отремонтировали и возим. Вот посмотрите.

За окном стоял грузовик. Он и в самом деле был достаточно старым.

— Таким клиентам мы всегда готовы сделать все. И в первую очередь.

— Так вот и дайте две машины. С завтрашнего дня, — воспользовался случаем солдат.

— Нет. С удовольствием бы, но ни завтра, ни послезавтра, ни даже через неделю. Ни одной свободной машины. Есть один фордзон. Но нет запасных частей.

— Давайте фордзон. Отремонтируем. Но вы же сами на районном совещании обещали «Беларусь» дать. Что же теперь?

— Обещал. Но «Беларусь» идет в Сагайн. На слет крестьян. Там будем его демонстрировать, агитировать.

— Чего агитировать, если тракторов и так не хватает? Лучше нам дайте.

— А ты знаешь, что скоро чешские и русские тракторы придут, и не один, и даже не сто, и даже не тысяча.

— Серьезно?

— А когда я обманывал? Три тысячи тракторов. Десятки новых МТС откроем. И нам несколько машин достанется. Уже на днях школу трактористов открываем. Как раз хотел поговорить с тобой об этом. Трактористов будем набирать из деревень. Так, чтобы потом каждый в своем районе работал. У тебя есть в кооперативе подходящие ребята. Но чтобы не меньше четырех классов образования. Питание, одежду берем на себя.

— Ребята найдутся. Но не надо зубы мне заговаривать. Дашь сейчас «Беларусь» — десять человек пришлю в школу.

— Не дам «Беларусь». Можешь сам пойти с нами в мастерские. Увидишь, что ни одной свободной машины нет.

— И пойду. Хоть посмотрю, что с фордзоном.

Пока мы перебирались через канавы и арыки к мастерским, У Эй Маун рассказывал, как распределяются тракторы.

— Мы собираем заявки от деревень на будущий год. За исключением таких случаев, как этот кооператив, который у меня все-таки выбьет один трактор.

У Эй Маун наклонился к нам и сказал тихо, чтобы не слышал отставной солдат:

— Вчера пришла одна машина. Я ее хотел другому кооперативу дать. Но он ее теперь наверняка углядит.

Если раньше крестьяне колебались, стоит ли тратиться на аренду тракторов, то сейчас уже многие поняли, что легче и выгоднее. Мы заявок от отдельных лиц не принимаем. Только от коллективов. От деревень, кооперативов. Крестьяне собирают деньги и передают нам. Причем платят за обработку одного акра по государственной таксе. Дешевле, чем волами. И быстрее.

В мастерских было пусто. Под навесом два механика возились со свежепокрашенной «Беларусью». Фордзон стоял между тростниковыми бараками мастерских, было ему неуютно и одиноко. И, наверно, стыдно: все машины в поле, а он не у дел.

Подошли к тракторам. Солдат знающим взглядом окинул фордзон, погладил «Беларусь» по темно-красному крылу, взглянул на У Эй Мауна. Тот отрицательно покачал головой. Солдат прогулочным шагом пошел к открытым воротам мастерских.

— Ну, что я говорил, — засмеялся У Эй Маун. — Ведь чувствует. Не хотят брать других машин. Подавай им «Беларусь». Она неприхотливее, сильнее, надежнее. В общем завоевала себе неплохую репутацию. Мы и сейчас новые машины выписываем — тоже с минского завода.

Солдат выско-) л из мастерской:

— Вы сейчас скажете, будто трактор, что там стоит, тоже в Сагайн на слет крестьян идет?

— Бери. Он другим обещан, да от тебя не отделаешься..

— Ну, я тогда побегу бумаги оформлять. А то передумаете. Подпишите здесь. И здесь. Вот и хорошо.

— Скорей бы тракторы приходили. Мы уже запланировали двадцать новых станций, по пятьдесят тракторов в каждой. Это первый этап. Вы знаете, сколько сейчас в Бирме тракторов? Точно могу сказать: триста двадцать пять на ходу и еще около сотни стоят — нет запчастей. А нужно — тысяч десять. Ну хотя бы три тысячи на первое время. Их и ждем. И очень важно будет обеспечить тракторы запчастями. Я скажу вам откровенно — не обижайтесь. Вы не всегда четко работали. Мы знаем, что вы в самом деле хотите нам помочь, знаем, как вы много де-

лаете, уважаем вас за это. Но что иногда получается? Например, с тракторами. Замечательные машины, но запчасти рассчитывали, наверно, по своим нормам. А здесь ни мастеров нет хороших в достаточном количестве, ни оборудования. И через год-два здоровая машина останавливается из-за того, что сломалась какая-то чертова гайка. Гайке грош цена, а сделать мы ее не можем. И начинается переписка. А поймите, не все среди наших чиновников — ваши друзья. Далеко не все. А те, что плохо к вам относятся, ставят палки в колеса, начинают шептать: «Вот, русский трактор никуда не годится». И с закупкой новых запчастей начинается волокита. Есть заинтересованные в этом. Скажу по секрету. Мы одну «Беларусь» разобрали на запчасти, чтобы остальные не останавливались. Плакать хотелось — тракторы нужны позарез, а мы его убиваем.

Эти слова У Эй Мауна мы вспомнили несколько недель спустя, когда встречали наших специалистов — тракторостроителей. Они приехали в Бирму для подготовительных работ и изысканий по строительству трактороремонтного и тракторосборочного завода. Скоро советские тракторы, которые приходят в Бирму, будут собираться на месте и на месте же будут проходить капитальный ремонт. И еще. Новые тракторы, прибывшие в Бирму, снабжены усиленными комплектами запасных частей. Теперь У Эй Маун уже знает об этом и, наверно, доволен. И механик на государственной ферме. И все те люди, механики, водители, которые полюбили нашу «Беларусь».

— Ну что, пошли обратно. Ничего больше интересного нет. Вот скоро начнем строительство новых корпусов. А то до сих пор ютимся во временках. Все никак при старом правительстве не могли найти средства для капитальных зданий. Проекты еще при Ширшове готовы были, пожелтели. Но наконец-то все сдвинулось с места. Завтра выезжаю в область на совещание — будем обсуждать, какие типы кооперативов лучше для Бирмы. Будем создавать несколько опытных. Я-то сторонник советского пути кооперирования. У нас крестьянин не такой индивидуалист, каким его любят изображать некоторые заинтересованные в этом люди. Крестьяне бедны — в массе бедны, кулаков в деревнях почти нет. Крестьяне с удовольствием пойдут на кооперирование. Но прежде первые опыты, первые кооперативы проваливались. Потому что им не помогали и

Медицинская конференция в Мандалае.
После доклада советского врача

помещики оказывались сильнее. Они могли объединиться с закупщиками риса. И кооператив разваливался. Теперь торговлю рисом государство берет в свои руки, а кооперативам дают ссуды, помогают техникой. Дело должно пойти.

Мы обернулись на шум двигателя. На территорию МТС въезжал большой фургон — ремонтная станция.

— Ширшов организовал. Будете в Москве — передавайте привет. Расскажите ему о нас. А то и сам наведаюсь.

Фургон остановился у мастерской. У вывески «Машино-тракторная станция имени бирманно-советского сотрудничества».

— Увидимся в Рангуне, — сказал на прощание У Эй Маун, — вернее всего, скоро перейду туда, брошу станцию. В Рангуне считают, что сейчас, когда мы организуем новые станции и надо обучать тысячи новых механизаторов, мой опыт может пригодиться в министерстве. Работа интересная. Но отдохнуть не придется. Давно уж собираюсь отдохнуть.

Вечером мы приехали в гостиницу к нашим врачам. Они были весело возбуждены. Все три доклада прошли отлично. Завалили вопросами. Выступали Митрофанов, Матвеев и хирург Волчков. У Волčkова тоже была интересная тема — пластика операций желудка.

Мы достали заветную представительскую бутылку «Столичной». Все равно путешествие подходило к концу. Не везти же ее в Рангун.

Лужайка была заставлена низкими столиками. За один из них мы и сели. Близко стоял фонарь, и насекомые, кружившиеся около него, казались большим кисейным мешком. Мешок держался за колпак фонаря и раскачивался в черном воздухе. Мелкие зеленые твари отрывались от мешка, накидывались на белые рубашки, залезали за шиворот и путались в волосах. Иногда к столу подлетали жуки размером с ладонь и гулко стукались о стаканы.

За соседними столиками сидели люди с белыми значками в петлицах пиджаков. В гостинице было много врачей — делегатов конференции. Вновь подходившие приветствовали советских коллег — само их присутствие на конференции было чем-то вроде сенсации. Бывало, правда, раньше, что иностранные врачи сидели на конференциях, но никто из них не читал докладов, да еще таких интересных докладов, основанных на опыте работы в стране.

Мы выпили за Москву, за своих, которые далеко, за нашу работу. На прощание обменялись адресами — мы обещали прислать врачам цветную пленку, они — шкуру тигра. Купить на базаре в Таунджи, чтобы потом мы со Львом могли скромно говорить московским знакомым: вот, мол, убил, пришлось, что особенного?

А пока мы прощаемся с врачами, прощаемся с Манда-лаем — на рассвете в дорогу. Если ехать весь день, то к ночи будем в Рангуне. И успеем к Новому году.

Шкуру тигра я увидел через некоторое время после того, как мы вернулись в Рангун.

Впрочем, раньше расскажу еще об одной встрече. На полпути от Мандалая к Рангуну мы встретили черный «Ваксхолл». Он был хорошо знаком нам, как и человек за рулем.

— Михаил Григорьевич! Миша!

Машина остановилась на обочине, и во весь свой могучий рост на фоне пальм обрисовался Михаил Бозененков, заслуженный тренер СССР, национальный тренер Бирманского Союза.

— Куда собрался?

— На север, в чинские горы. Еду принимать экзамены в школе тренеров. Недели через две увидимся. Тогда, думаю, будет, что рассказать.

И Бозененкову было что рассказать, когда он вернулся в Рангун. Бозененков — один из самых популярных людей в Бирме, популярность эта вполне заслуженна. А сейчас мы слушали, что он рассказывает.

— Экзамены прошли успешно. Двадцать человек выступили. Потом был банкет в честь первого выпуска национальных чинских тренеров. На следующее утро меня пригласили на охоту. Нас было четверо охотников и трое проводников. Сказали, попробуем взять тигра. Мне предложили армейские ботинки. Говорят, много змей. Но я попробовал — тяжелые, еще натру ноги. Надел тапочки.

И не жалею, потому что двое из охотников еде дошли. А я ничего. Правда, опасался, что устану крепко. Надо было идти весь день по горам, через лес, а я давно не тренировался. Но ничего. Прошли километров десять. Проводники говорят: здесь должен быть тигр. И в самом деле — через несколько метров натыкаемся на следы и свежий помет. Честно говоря, стало немного боязно. Идем дальше. Перевалили через невысокий хребет и здесь разделились — двое пошли с одним проводником, двое с остальными. И вдруг на небольшую поляну выходит тигр. Метрах, наверное, в ста от нас. Стоит и смотрит в нашу сторону. Мне предлагают стрелять: гость — первый. Подкачать никак нельзя. Я прицелился и выстрелил. Тигр прыгнул — и в заросли. А перед нами был густой кустарник, опутанный лианами. Мы спустились в ложину и видим — на том месте, где стоял тигр, пятно крови. И еще одно чуть подальше. Значит, попал. Тут подошли остальные. Стали совещаться, как быть. Снова разделились и пошли вокруг зарослей в надежде, что, если тигр прошел сквозь них, мы увидим его следы. Обходим, встречаемся с другой группой. Никаких следов. Значит, он внутри. Решили пройти сквозь кусты. Впереди проводники. Рубят лианы. Мы их боимся с винтовками. Прошли заросли сквозь — нет тигра. Передохнули. Решили пройти в другом направлении. И вдруг один из проводников кричит — вот он! Смотрим — и в самом деле лежит. Мертвый. Пуля прошла как раз под лопаткой и вышла с другой стороны. Всю лопатку разнесла.

— А где тигр? — спрашивают скептически настроенные слушатели.

— Не волнуйтесь, едет тигр. Я отдал обработать шкуру. Через неделю приедет в Рангун.

Скептики продолжали упорствовать и тогда, когда прибыла шкура. Но я разговаривал с бирманским тренером, который был с Бозененковым в Чинском государстве. И оказалось: правда — не купленная шкура, заработанная.

Но тигр — триумф местного значения. Настоящий триумф Бозененкова наступил в тот день, когда из Малайи прилетела сборная молодежная Бирмы.

Футболисты спустились по трапу — впереди капитан с золотым кубком Юго-Восточной Азии в руках, за ним смущенные скоплением встречающих, оркестром и салютом футболисты.

Торжественный кортеж ждал их прямо на поле аэродрома.

И через весь город проехали двенадцать машин. На первой — кубок. На следующих — футболисты. И хотя тренера сборной среди них не было, сами ребята и члены Ассоциации футбола знали, кому обязана команда первой победой такого масштаба. Через несколько дней бирманское правительство обратилось к Бозененкову с просьбой остаться еще на год.

В 1956 году, после победы советских футболистов на Олимпийских играх, Михаилу Бозененкову, одному из первых в Советском Союзе, присвоили звание заслуженного тренера СССР. Болельщики, наверное, помнят его как футболиста, футболисты — как тренера. Одиннадцать лет беспрерывно он тренировал минское «Динамо» и минский «Спартак». А летом 1961 года Бозененков приехал в Бирму по приглашению бирманской Ассоциации футбола тренировать сборную страны.

Нельзя сказать, что его встретили с распростертыми объятиями. Иностранцев тренеров уже видели. Они сменялись в Бирме часто, и ни один не пробыл здесь больше года. Как подходил к концу срок контракта — с тренером расставались без особого сожаления. Только за последние три года перед приездом Бозененкова сборную тренировали по очереди два англичанина и югослав. А команду лихорадило. Не было резервов, не было коллектива, не было школы. Каждый тренер начинал на пустом месте, не срабатывался и уезжал, ничего не дав. Проблема — откуда пригласить нового тренера — решалась в горячих спорах. И помог ее решить приезд в Бирму наших команд — ЦСКА и «Локомотива». Разгром бирманских футболистов был так убедителен, что решили пригласить советского тренера — вдруг что-нибудь получится. Но решение не было единогласным. В день приезда Бозененкова в Рангун в газетах появились статьи о том, что Бирме не подойдет советская школа футбола, а одна из газет даже поместила воображаемую беседу с новым тренером — знаешь, были тут до тебя разные. Одни — грубые, другие — слишком мягкие. Так что трудись с оглядкой. И собери чемоданы заранее. Скоро пригодятся.

— Начал знакомиться с клубами, — говорит Бозенков. — Надо было готовиться к играм стран Юго-Восточной Азии. С места в карьер. Смотрю, играют бездумно, никакой тактической задачи не ставят. И пришлось сначала бить на психологию. Я как тренер, как преподаватель обязан говорить неприятные вещи. Но то, что легко сказать дома, здесь могут неправильно понять, обидеться. Собрал я тогда команду и говорю: «Тот плохой товарищ, кто тебе не поможет». Соглашаются. «Но в чем помощь футболиста? Ведь не только на поле мы — команда. А после игры? Если я говорю — ты мой друг и по-дружески объясняю, что ты сделал неправильно, то если исправишь — будет лучше и тебе, и команде. Так?» Соглашаются. И с первых же тренировок твердил под любым соусом — играйте сознательно, думайте. Играйте не только ногами. Если ты не выдал хорошего паса — ты сделал плохо всей команде. Но тут появляется опасность впасть в другую крайность. Вижу, некоторые игроки стали слишком много думать во время матча. Чувство ответственности начинает подавлять тактическое мастерство. Я почему обо всем этом говорю — с первых же тренировок мне удалось найти правильный тон. Смотрю, начинают относиться ко мне с доверием, стараются помочь. И с каждой тренировкой мне легче и легче. Ведь я за собой тоже поначалу наблюдал некоторую скованность — от непривычной обстановки, от совсем незнакомой мне постановки футбольного дела в стране.

До этого команда Бирмы выступала на играх стран Юго-Восточной Азии неудачно: заняла предпоследнее место. Это было серьезным ударом по престижу страны, которая тратила большие деньги на иностранных тренеров, в стране, где футбол — самый популярный вид спорта. В каждом государстве этого района Азии во главе футбольных федераций стоят члены правительства, а в Малайе даже премьер-министр, который как-то сказал: «Мое место премьера чуть ли не наполовину зависит от успехов наших футболистов». Если это и шутка, то в ней есть доля истины.

Бозенков прав. Пожалуй, нет в Бирме деревни, где не было бы футбольного поля. Признаком того, что поле не бездействует, служат вытопанные вратарские площадки. А в Бирме трава растет очень быстро. В жару, как только солнце начнет скатываться к горизонту, в дожди,

Тренер Бозененков со своими питомцами

стоит чуть разойтись тучам, футбольные поля оживают. И сколько бы полей ни было — все равно не хватает. Был бы мяч, игроки всегда найдутся. Но неорганизованный любительский футбол в Бирме не имел до последнего времени широких возможностей — не было квалифицированных тренеров. Ведь в Бирме и по сей день разыгрываются два первенства страны. В классе «А» — только рангунские команды, в классе «Б» — команды других городов. В Бирме нет профессиональных тренеров, нет и профессиональных игроков. Футбол вполне любительский. Все футболисты, даже члены сборной команды, работают в полную силу на других должностях и ни копейки за игру не получают.

— Очень мы все волновались перед играми, — продолжал Бозененков. — Они проходили в Рангуне, и, провались мы, неудобно на улицах показаться. А работал я всего несколько месяцев и видел, как еще много недостат-

ков в игре моих ребят. Но одно сделали — это уже была команда, а не случайное сборище футболистов. Выиграем в четверти финала у Камбоджи — 3 : 0. Выиграем в полуфинале у Южного Вьетнама. А эта команда — чемпион прошлого года, и мы ее победили впервые в истории бирманского футбола. И вот в финале очень драматически проиграли Малайе. И получили серебряные медали. В любом случае это была большая победа. После этого надо было браться за текущие дела — ломать устарелую систему, примитивное отношение к футболу. Хозяйство «футбольное» большое, а порядка никакого. Нет медицинского контроля, даже системы розыгрыша четкой нет. Теперь хочу предупредить — не сделайте из моих слов вывода, что работа, которую мы развернули, — моя заслуга. Просто пришло время перемен, и, будь в Бирме не я, а какой-нибудь другой тренер, все равно эти изменения произошли бы. Просто получилось так, что у национального тренера, то есть у меня, сложились хорошие деловые отношения с Ассоциацией футбола и в моих начинаниях мне не ставили рогаток, а, наоборот, поддерживали, чем могли. Ввели медосмотр игроков, наладили нормальное питание во время сборов. Ведь раньше никто не задумывался, как питаются футболисты, как проводят время, каково их здоровье. Затем перешли к более важной проблеме — подготовке молодежи. Ввели новую систему розыгрыша первенства страны. В нем теперь участвуют наряду со взрослыми командами молодежные. И очки за выступления молодежи значат для клуба не меньше, чем «взрослые» очки. Организовали школы тренеров. И не только в Рангуне, но и в областях и национальных центрах. Уже сейчас прошли первые выпуски тренеров. Вот и езжу по стране, провожу методические занятия, принимаю экзамены. Вроде все.

— Пойдите, Михаил Григорьевич, значит, в ваши обязанности входит теперь не только тренировка сборной?

— Куда больше, давайте подсчитаем. Тренирую сборную страны. Тренирую молодежную сборную. Заседаю в Ассоциации футбола. Руководжу школами тренеров, курирую футбольные клубы — ну и чем только не занимаюсь. Интересно. Кстати, на днях вышла моя книжка. В два дня раскупили. Первый в Бирме учебник по футболу. Второе издание готовим.

— А что за бои предстоят в ближайшем будущем?

— Сыграли несколько международных матчей. Все выиграли. Теперь нам предстоит очень и очень ответственные игры. Со сборной Китайской Народной Республики. Эта команда сильнее, чем любая в Юго-Восточной Азии.

Следующий раз я встретил Бозененкова после первой игры со сборной Китая. Бирманцы проиграли, и настроение у Бозененкова было ниже среднего. Правда, играли бирманцы неплохо, но поражение всегда остается поражением.

— Ты мне не сочувствуй, — сказал Бозененков. — Мы еще не все проиграли. Завтрашняя встреча — реванш. Хочешь, поедем на тренировку. Посмотришь на ребят. А завтра приходи на стадион.

Мы оседлали черный «Ваксхолл» и добрались до стадиона имени Аун Сана. Всю дорогу Бозененков не проронил ни слова о завтрашней игре. Говорили о фотографии. Об этом Бозененков может говорить часами. Хорошо, семья у него дружная — ни жена, ни сын не ропщут, что половина зарплаты уходит на аппараты, телеобъективы, насадки, штативы и прочий бесконечный список совершенно необходимых фотографу приспособлений, без которых невозможна нормальная жизнь. Последнее приобретение и последняя соответственно любовь Бозененкова — японский аппарат «Мамьяфлекс» с двойным фокусным растяжением! «Кстати, иду я вчера по Сулестрит, — говорит с некоторой даже дрожью в голосе, необычной для такого большого и сильного человека, — и вижу — экспонометр. Причем такой, как я давно себе планировал — можно вставить в пазы сбоку и тогда уже можно будет сказать, что моя машина почти полностью экипирована...»

Так и доехали до стадиона. Сторож у закрытых ворот встретил Бозененкова сочувствующей улыбкой. У входа в раздевалку стояли два футболиста — всебирманские герои — Бахадур и Мьин Со.

— Кто расстраивается? — строго спросил тренер. — Разве вы не знаете, что мы завтра выиграем.

— Тун Со заболел.

— Жалко. Будет играть Мин Шве из университетской команды. А теперь на поле. И работать, работать. Завтра будет трудно, но кое-что мы сделаем. А самое главное — выиграем.

И такова уж сила авторитета, что, хоть я сам видел

Бозененкова лишь пять минут назад совсем не таким веселым, я уже верил, что все в порядке.

После тренировки пошли завтракать. Бозененков следит за меню. «Пусть хоть на сборах как следует поедят мяса. Ребята-то небогатые и питаются в основном рисом. А нужны калории и еще раз калории». И за завтраком уже шутили и знали — выиграем.

Наверно, я в жизни еще не болел ни за одну команду так, как болел за сборную Бирмы в тот матч.

Стадион был переполнен — это всегда так говорится. Но стадион был переполнен уже за час до начала встречи. Он недалеко от центра, напротив железнодорожного вокзала, и перед большим матчем транспортная проблема в городе приобретает крупные масштабы. Темнеет рано, к началу матча пучки прожекторов подсвечивают необъятное облако дыма, встающее над трибунами. Если посмотреть на противоположную трибуну, видно, как по ней перебегают красные огоньки — почти все курят.

Ждут. Где сейчас Бозененков? В раздевалке сборной Бирмы? Как он сам вчера сказал: «Главное — убедить ребят, что они сегодня выигрывают. Мне, как учителю, дано знать их потенциал — а могут они многое, пожалуй, больше, чем китайцы. В первую встречу они благоговели перед авторитетом сборной Китая. Вот это благоговение надо сбить».

На беговых дорожках большими птицами сидят «мальчики, подающие мячи». На рангунском стадионе они не мальчики, а пожилые индусы в поношенной военной форме. Они сидят на корточках, неподвижно. И только если мяч уже совсем близко, не спеша подходят к мячу и, подняв его, торжественно несут на вытянутых руках.

Не все на стадионе болеют за сборную Бирмы. Много китайцев. В одном Рангуне живет их около ста тысяч. Рангун — многонациональный город. Если проехать по любой из параллельных реке улиц, то минуешь китайскую часть ее, индийскую и, наконец, бирманскую. В Рангуне много представителей национальных меньшинств Бирмы — каренов, монов, шанов. Особенно каренов. Есть небольшая армянская колония, берегущая родной язык, обычаи и религию. Правда, сейчас колония невелика — во время войны японцы вырезали почти всех армян. Интернациональность города видна и в многообразии храмов и церквей, которые сосуществуют в Рангуне. Да что говорить —

встаньте на центральной площади города, у монумента Независимости. Слева — большая мечеть. Ее облезлые зеленые купола — фон для золотой пагоды Суле. Справа — серые шпили англиканской церкви. Если пройти дальше по улице, за мечеть, увидишь индуистский храм, армянскую церковь, католический собор, храм сикхов, здания Армии спасения, Ассоциации христианской молодежи, модельню адвентистов... Многие из церквей и сект управляются из-за границы и не очень дружелюбно настроены к бирманскому правительству.

Но сейчас на стадионе все равны, в какого бы бога ты ни верил. На Восточной трибуне — она, как Восточная трибуна стадиона «Динамо», — где цены ниже, а болельщики воинственней, чем на остальных трибунах, — много оранжевых тог. Монахи? Монашеское начальство не очень поощряет посещение монахами публичных зрелищ, но поделать ничего не может. Монахи стосковались в тени монастырей — а народ они в основном молодой, сытый — и уверенно проталкиваются на Восточную трибуну, присоединяя свои застоявшиеся голоса к стадионному хору.

В начале встречи бирманская команда бросилась к воротам гостей, но натолкнулась на мастерскую игру защитников. Еще одна атака и еще. Но ни один мяч не достигает вратарской площадки. И вот через несколько минут первый штурм бирманцев выдыхается. Методично, спокойно, пожалуй, даже слишком спокойно, китайская команда начинает наступление. На двадцать пятой минуте первого тайма счет становится 1 : 0 в пользу сборной КНР. Пожалуй, никто на стадионе толком не разобрался, как это произошло. Суматоха у ворот, удар, еще удар — и мяч тихо пересекает линию ворот.

Стадион притих. Будто этот гол уже все решил. И если еще будут голы — только в бирманские ворота.

До самого конца первого тайма бирманцы защищались. Защищались самоотверженно, ложились под мяч — но только защищались. А потом начался второй тайм. И когда бирманцы снова, как в начале игры, бросились к китайским воротам, стадион, хотя и оживился, но не возлагал особых надежд на эти атаки. Они могли кончиться, выдохнуться в любой момент.

Но они не выдыхались. Они становились все живее, быстрее, будто игра только началась и команда отдыхала не десять минут, а несколько часов.

После того как бирманцы забили штрафной — Бахадур пробил «стенку» почти с линии штрафной площадки, — атаки еще обострились. Минут через десять в ворота китайской команды влетел еще один гол — красивый, сильный и неотразимый. Когда в воздухе запахло третьим голом, китайский тренер выбежал на беговую дорожку — не выдержал. Сменили игрока, еще одного. Ничего не помогало. За пять минут до конца влетел еще один мяч, и стадион уже ждал этого мяча, знал, что он будет.

Этот матч показал, что у Бирмы есть настоящая сборная команда международного класса и что прошли времена печального детства. Игроков несли к автобусам на руках, а Бозененкова я так и не увидел. Сразу после матча он улетел на юг инспектировать школу тренеров.

Год его работы, а вместе с тем и контракт истекли летом 1962 года. Ассоциация попросила его остаться еще на год. Впервые с такой просьбой обратились к иностранному тренеру. А недавно в связи с тем, что истек второй срок работы Бозененкова, к нему обратились с такой же просьбой вторично — остаться на третий год.

Бозененкова я не встретил, зато увидел на стадионе наших преподавателей, которые пригласили в Технологический институт — в один из ближайших дней там будет своего рода праздник: передача пятидесятитомной библиотеки — подарка Советского Союза институту. Встретил и наших учительниц на курсах русского языка. Учительницы почти все — общественницы, жены наших работников. У них скоро кончится учебный год, и на стадион они пришли с учениками. Ученики окружили их тесной толпой, и странно было слышать на стадионе имени Аун Сана:

— Я думаю...

— Как правильно сказать?

— Простите, я думаю, наши футболисты играют хорошо.

— А как будет сравнительная степень от слова «хорошо»?

— Лучше, Лариса Ивановна.

— Скажите теперь...

— Наши футболисты играют лучше, чем в прошлый год.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Ну вот, путешествие и кончилось. Правда, кончилось оно довольно давно. Когда я сел писать о нем, была весна. Сейчас уже больше месяца, как пришел муссон. Красные деревья отцвели, да если бы и цвели еще — все равно не разглядеть за стеной серого дождя. Дожди идут давно. Но если с вечера не моросит и за ночь воздух немного подсохнет, то утро кажется свежим.

Со времени нашей поездки в Бирме многое изменилось. Сегодня я прочел в газете: «Закончена разгрузка первой партии советских тракторов. Прибыло 247 машин, большое число плугов, прицепов и других механизмов... С бирманской стороны на приемке тракторов присутствовал начальник технического отдела министерства сельского хозяйства У Эй Маун...»

Постойте, старый знакомый! Правильно. У Эй Маун уже в Рангуне. У него теперь кабинет куда больше прежнего и несколько заместителей. Но старый ирокез не изменился. Он редко бывает в кабинете. Я старался поймать его там несколько дней подряд. А потом он сам неожиданно появился у нас в конторе, даже притащил с собой две бутылки пива.

— Ничего, рабочий день кончится, тогда у вас не будет никаких формальных оснований изображать из себя трезвенников.

Работы по горло. Пришли уже чехословацкие тракторы. Идут советские. В полную силу работают три школы механизаторов. Двадцать будущих директоров МТС

учатся в СССР. До конца года надо подготовить три тысячи трактористов, соорудить помещения для пятидесяти МТС, обеспечить ночлег и все необходимое для тракторных колонн, которые сейчас веером растекаются по всей стране из Рангуна. Какой уж там кабинет!

У Эй Маун пришел к нам как раз в тот день, когда первая партия тракторов должна была проследовать от порта на Девятую милю, базу механизации министерства.

Мы поехали в порт.

Перед воротами № 2 стояли большие ящики на колесах. Тракторы. В толпе, запрудившей тротуар, мелькали защитные комбинезоны трактористов и светлые головы минчан — шестеро их приехало с минского тракторного осуществлять надзор над машинами, пока здесь не будет своих специалистов по советским тракторам. Одного из наших инструкторов, Анатолия Гайдука, потянул за рукав У Сан Шве Мья, заместитель У Эй Мауна.

— Где мы с вами встречались?

— Помню. Вы приезжали к нам на тракторный в составе сельскохозяйственной делегации. Изучали нашу тракторную промышленность, знакомились с тракторами.

— Правильно. Вот и встретились. Теперь будем вместе работать.

Дождь припустил сильнее. У Сан Шве Мья раскрыл зонтик, но Гайдук, наклонив голову, выскочил из-под него. И к машинам. Надо ведь распаковать, собрать и отправить машины до темноты.

Наш торгпред ходил вдоль тракторов и расстраивался:

— Не привезли с базы батарей. Теперь придется заводить тракторы буксиром. Неудобно получается. Первый шаг наших машин в стране — и несамостоятельный.

Несмотря на дождь, толпа не рассеивалась. Грузчики из порта, китайцы из соседних лавок, матросы с барж, просто прохожие — словно на увлекательное представление смотрели, как за досками обнаруживались темно-красные радиаторы машин.

— За что вас уважаю, — говорит У Эй Маун, — за тенты. Раньше из других стран получали мы тракторы без тентов, делали их на месте, кое-как. А вы еще флаги для трактористов приспособили. Сколько за такую роскошь с нас возьмете? — последнее относится к торгпреду.

— Ничего не возьмем. Бесплатно.

Торгпред хочет еще что-то сказать. Наверное, о бата-

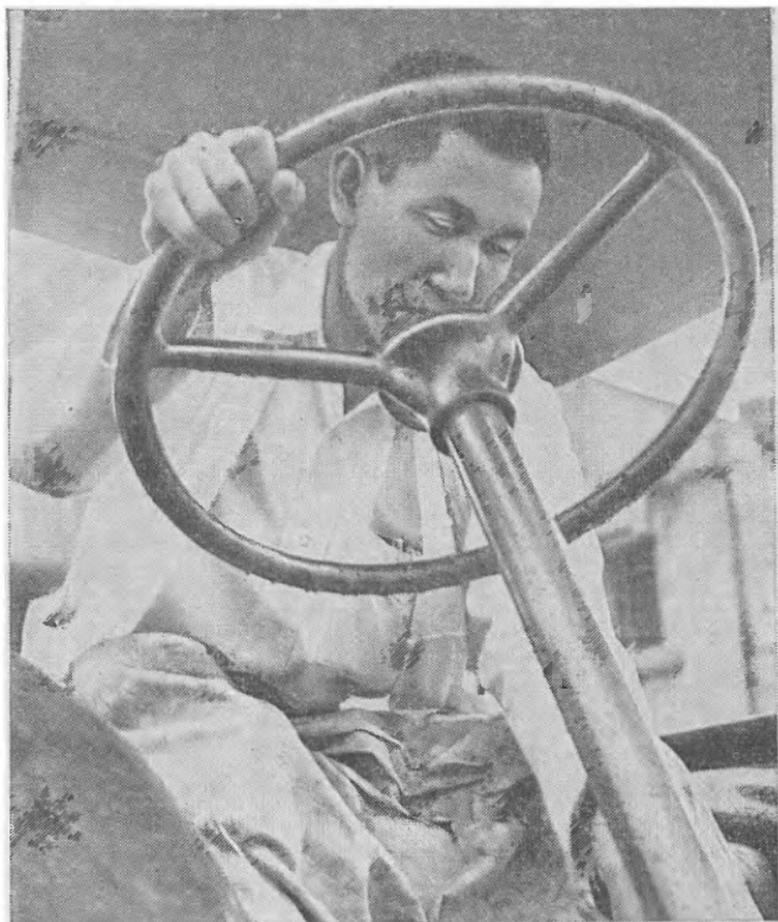

— И ты полетишь в космос, —
говорит Николаев бирманской
девочке

реях. Но не говорит. Рядом с фотоаппаратом через плечо
стоит корреспондент правой бирманской газеты.

— У Эй Маун, — говорит он. — А почему министер-
ство заказывает тракторы в Советском Союзе и Чехо-
словакии? Отдавая предпочтение социалистическим стра-
нам, вы нарушаете политику нейтралитета.

— И правильно делаем. — У Эй Маун уже не улы-
бается. — СССР принимает нашу валюту, принимает наш
рис. А американцам нужны доллары. У вас в газете есть
свободные доллары? Тогда и купите нам тракторы.

У Эй Маун сел за руль первого трактора

Больше корреспондент не спрашивает.

— Не хочется, чтобы он фотографировал, как наши тракторы на буксире идут, — вздыхает торгпред.

— Не сфотографирует, — уверяет У Эй Маун.

И правда, скоро корреспондент исчезает.

А когда уже начало темнеть, все тенты были натянуты, фары привинчены и двигатели заправлены, к первому из тракторов подошел чешский собрат, старожил в Бирме, и потянул его на тросе. Трактор фыркнул раза два. Только бы завелся, только бы не подвел. Не подвел, загудел ровно и солидно. А когда сняли трос, ровно покатил вперед, обогнал автобус, приведя зрителей в полный восторг.

Ожившие машины брали на буксир еще спящих товарищей, и скоро колонна была готова к первому походу.

На один из последних тракторов взобрался У Эй Маун.

— Тряхнем стариной! — крикнул он нам.

— За него не беспокойтесь, — сказал один из наших инструкторов, — машину знает.

Дождь не прекращался. К голове колонны подъехали два полицейских мотоциклиста. В белых касках бирманского ОРУДа. Зажглись фары, и колонна двинулась в город.

Я уже привык к этим колоннам. И все в Рангуне привыкли. Еще бы не привыкнуть, если почти каждый день из порта приходят по две-три таких, и это продолжается неделями. Темно-красные тракторы — наши, голубые — чешские.

Зрелище красивое. Машины уступают им дорогу, и ребята из школы механизаторов в новых, еще не замазанных мазутом комбинезонах и каскетках не скрывают легкого презрения к ним.

Завтрашние газеты расскажут еще о чем-нибудь интересном. Например, знаю — приходит на днях пароход с машинами для Чемоутау, для строительства плотины. И специалисты на строительство уже приехали. Или стоит рассказать о группе почвоведов. Они будут завершать работу своих товарищей, которые три года составляли почвенную карту Бирмы. Уже теперь благодаря их работе выясняются наиболее благоприятные районы для разведения разных сельскохозяйственных культур, типы удобрений, нужных для каждого района. Но об этом в двух словах не расскажешь.

Меня, правда, успокаивает мудрая мысль о том, что все равно за жизнью не угонишься. Ведь когда эти строки дойдут до вас, еще многое изменится и будет много нового. Да я и не собирался рассказывать обо всем. С самого начала не собирался. На одно надеюсь — теперь вы знаете о Бирме больше, чем знали. И, может быть, захотите узнать еще больше.

Итак, до свидания,

с приветом.

Игорь Можейко

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо первое	5
День в Технологическом	10
Начало пути	21
Матушка Иравади	37
Там, где кактусы	48
Храмы над рекой	62
Сосны и горы	77
Человек, который нашел свое лицо	91
Дорога на Мандалай	109
Национальный тренер	121
Письмо второе	131

Цена 43 коп.

● Мандалай

поупа

Таунджи

Чемоутау

Тецо

паган

Иравэди

Овинле

Пром

Пегу

Рангун